

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ

**МОСКОВСКИЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**MOSCOW
JOURNAL OF LINGUISTICS**

Том 5 — № 2

Москва

2001

ББК 81.0
М 81

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

С.И. Гиндин (главный редактор)
А.В. Дыбо
Г.Е. Крейдлин
М.А. Кронгауз
Е.В. Муравенко
В.И. Подлесская
С.А. Старостин
З.М.Шаляпина

Адрес редакции:
125267, Москва, Миусская пл., 6, корп. 2.
Институт лингвистики, редакция МЛЖ
Тел.: 973-40-09
Зав. редакцией Н. Г. Семенова

© Авторы статей
© Московский лингвистический журнал, 2001
© Российский государственный гуманитарный университет, 2001

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия

<i>С. И. Гиндин</i> Журнал или сборник? О коммуникационных предпосылках специфики терминологии и структуры текстов в гуманитарных науках	5
--	---

Статьи

<i>В. М. Алпатов</i> Что такое московская лингвистическая школа?	11
<i>З. М. Шалятина</i> Структурные валентности как универсальный инструмент описания языковой синтагматики (в рамках существенного подхода к ее моделированию)	35
<i>А. В. Костырkin</i> К описанию синтаксической неоднозначности в японском (на примере частицы <i>НО</i>)	85
<i>О. М. Мазо</i> Суффикс *-h и части речи в древнекитайском языке	99

Из лингвистических архивов

К истории количественных методов в переводоведении

<i>С. И. Гиндин</i> Предисловие к публикации	123
<i>А. М. Финкель</i> О точности стихотворного перевода	127
Приложение. Русские переводы стихотворения Байрона «Sun of the sleepless»	181

Лингвистические источники и справочные материалы

<i>Н. Г. Семёнова</i> Имена собственные в русских переводах эпопеи Дж. Толкина “The Lord of the Rings”. Словарь-справочник	187
От автора	193
Источники	195
Основная часть	195
Вспомогательный указатель	227

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

С. И. Гиндин

Журнал или сборник?

**Тезисы о коммуникационных предпосылках
специфики языка и текстов в гуманитарных науках**

Терминологическую и информационную специфику гуманитарных и общественных наук объясняют обычно факторами семантическими и прагматическими: нечеткостью и сложностью их предметных областей, вовлеченностью самого исследователя и его потенциальных читателей в предмет и результаты исследования. При всей своей закономерности подобные объяснения не всегда оказываются достаточными. Скажем, предметная область промышленных изделий организована предельно просто, а номенклатура этих изделий по запутанности и нестабильности не уступает терминологии любой гуманитарной науки.

Между тем многое в информационной и терминологической специфике гуманитарных и общественных наук можно объяснить на основе более простых соображений собственно коммуникационного характера. В качестве объясняющего фактора следует рассмотреть структуру первичных научных коммуникаций в этих науках – как особенности ее внутреннего устройства, так и их социальные последствия.

Главным предметом нашего внимания должен стать такой аспект структуры коммуникаций, как преобладающий в ней тип коммуникативных каналов. Все каналы естественным образом подразделяются на **периодические**, в которых сеансы передачи сообще-

ний возобновляются через достаточно точно фиксированные и не слишком большие промежутки времени, – и **разовые**, в которых сеансы передачи сообщений либо однократны, либо повторяются нерегулярно (без фиксированной периодичности) и непредсказуемо. Типичными представителями периодических каналов служат журналы, столь же типичным представителем разовых – сборник.

Конечно, и в естественных, и в гуманитарных науках первичная научная коммуникация осуществляется посредством каналов обоих типов. И все же можно без большого огрубления сказать, что в естественных науках подавляющая доля сообщений передается через журналы. Напротив, в большинстве гуманитарных и общественных наук доля сообщений, передаваемых посредством сборников, если и не подавляющая, то по крайней мере сравнима с долей, поступающей через журналы. Это общеизвестное и на первый взгляд незамысловатое обстоятельство чревато целым рядом важнейших следствий для языков наук, структуры научных текстов, организации информационного обслуживания. Попробуем тезисно обозначить важнейшие из этих следствий. (Естественно, что тезисная форма невольно повлечет за собой известные упрощения, идеализацию ситуации). Рассматривать будем случай журналов, т.е. периодического канала.

1. Регулярность и продолжительность издания обеспечивают журналу **известность**, т.е. **информированность** потенциального круга абонентов о существовании данного коммуникативного канала. Известность канала в свою очередь **облегчает подключение к каналу**, делая ненужным этап предварительного розыска канала.

2. Большое число журналов, одновременно существующих в развитых областях знания, обеспечивает **высокую степень специализации** большинства из них. Высокая степень специализации, в свою очередь, обеспечивает достаточную **доступность** передаваемых по каналу сообщений **для понимания** абонентами, или, иными словами, **простоту сложения** за каналом.

Журнал или сборник?

3. Регулярность издания в соединении со сравнительной простотой подключения к каналу и сложения за ним обеспечивают реальное **распространение терминологии**, употребляемой в публикациях журнала. Термины перестают быть исключительной собственностью их разработчиков и создателей, возникает реальная **возможность терминологического обмена**. Терминологический обмен открывает пути к взаимодействию диалектов, сложившихся или складывающихся в различных коллективах, развивающих данную область знания.

4. Эффективное функционирование журнала предполагает наличие **стабильного регулирующего коллектива**. Этот коллектив, будь то редакционная коллегия или совет рецензентов (advisors), по замыслу включает в себя лиц, хорошо ориентирующихся в существующем и постоянно пополняющемся информационном фонде отрасли. Существование стабильного регулирующего коллектива побуждает авторов заботиться, чтобы представляемые для публикации сообщения не были повторением уже имеющихся в информационном фонде и не отличались от них одной только формой представления. (Как минимум, подобная оригинальность сообщения должна быть обеспечена по отношению к публикациям, ранее помещенным в том же журнале). Так стабильность регулирующего коллектива становится определенным гарантом **социальной защищенности информации и терминологии**¹. Применительно к терминологии социальная защищенность означает постепенное выделение терминологического пластика, употребляемого или поощряемого регулирующим коллективом журнала в качестве некоторой нормы. Терминообмен, взаимо-

¹Конечно, редколлегия недобросовестная или состоящая из людей ограниченного кругозора может превращать это свойство в его противоположность, не допуская инакомыслящих или отклоняя слишком новаторские работы. Хотя тоже самое вполне возможно и в разовых сборниках, журнал в подобной ситуации станет большим тормозом для развития соответствующей отрасли. Единственным действенным средством против такого затормаживающего влияния может служить конкуренция близких или смежных по тематике журналов.

действие терминологических диалектов переходят в известную унификацию последних, и приводят к возникновению **терминологического языка**, наддиалектного языка данной области науки.

5. Простота подключения к журналу, оказывая встречное воздействие на его известность, ведет к росту круга потенциальных авторов и числа предлагаемых для публикации сообщений. Ввиду ограниченной, как и у любого канала, пропускной способности большинство журналов рано или поздно вводит ограничение предельного объема сообщений. Такое ограничение, в свою очередь, обуславливает жесткое межтекстовое квантование предлагаемой для передачи информации: результаты исследования, в принципе допускающие описание в едином тексте, распределяются между несколькими текстами. Такое квантование оказывает дополнительное воздействие на простоту сложения за потоком сообщений по каналу (см. п. 2).

6. Социальная защищенность информационного фонда (см. п. 4) в принципе предполагает информационную новизну и корректность вновь передаваемых сообщений по отношению к ранее переданным. Подчеркнув, выделив явным образом, какую научную традицию он продолжает и что вносит нового, автор может повлиять на судьбу своего сообщения. Так возникает потребность в определенном внутреннем структурировании сообщений. Вместе с межтекстовым квантованием (п. 5) внутреннее структурирование создает условия для известной унификации структуры первичных научных текстов.

7. Производя межтекстовое квантование и внутритехстовое структурирование информации, автор первичного сообщения до известной степени берет на себя функции создателя вторичного информационного метасообщения. Благодаря этому возрастает пригодность, приспособленность сообщения для информационной обработки, в том числе – для реферирования.

Своего рода доказательством от противного может стать для предложенной трактовки роли журналов ситуация в такой отнюдь не гуманитарной дисциплине, как программирование и вычислительная техника. Прикладная направленность в сочетании с фантастически быстрым темпом развития привели к тому, что коммуникации в этой отрасли вначале замыкались по преимуществу внутри отдельных коллективов разработчиков, а вовне выходили в основном разовые описания готовых языков и систем. Пригодность подобных полных описаний для реферирования нетрудно себе представить. Что же касается терминологии программирования, то степень ее диалектной разобщенности, синонимии и омонимии, констатируемая составителями специальных словарей², долго напоминала картину, типичную для самых «неточных» гуманитарных дисциплин. Но с появлением компьютерных сетей и особенно Интернета, по своим коммуникационным параметрам позволяющего легко организовать аналоги периодических изданий, началось быстрое терминологическое выравнивание «диалектов».

* * *

Легко видеть, что разовые сборники во всех затронутых выше аспектах коренным образом отличаются от журналов. Поэтому в гуманитарных и общественных науках, где сборники преобладают над журналами, не формируются те коммуникационные механизмы выравнивания и социальной защиты терминологии, квантования и структурирования текстов, что столь характерны для естественных и технических наук.

Положение осложняется еще и тем, что гуманитарные журналы в силу сравнительной малочисленности зачастую имеют крайне обширную и комплексную тематику. Это делает их аудиторию очень разнородной, а частоту появления материалов по определенному узкому кругу проблем сравнительно малой. Оба эти обстоятельства снижают эффективность решулирующего воздействия этих журналов на терминологию, на устройство и на «коммуникативное каче-

² См., например: Борковский А.Б. Англо-русский словарь по программированию и информатике. М.: Русский язык, 1987. С. 5.

С. И. Гиндин

ство» текстов, а значит – и на общую информационную ситуацию в гуманитарных науках.

Однако затрудненность воздействия не означает его невозможности. В распоряжении редакторов и издателей такие инструменты, как широкое информирование о содержании очередных выпусков через новейшие электронные средства оповещения, регулярное помещение откликов и комментариев на ранее опубликованные работы, систематические обзоры книжных новинок, выпуск тематических номеров, и, главное, ответственное внутреннее рецензирование присланных материалов, не ограничивающееся лишь общей оценкой («печатать – не печатать»). Умело пользуясь ими, и политический журнал может стать значительно более эффективным регулятором информационной и терминологической ситуации в соответствующей области знания, нежели разовые сборники.

СТАТЬИ

B. M. Аллатов
**Что такое
Московская лингвистическая школа?**

Термин «Московская лингвистическая школа» встречается в отечественной лингвистической литературе довольно часто, однако смысл, который в него вкладывается, далеко не всегда одинаков. Как часто бывает в подобных случаях, у термина есть устойчивое ядро смысла: в данном случае неизменно к Московской школе (далее эпитет «лингвистическая» мы будем опускать) относят Ф.Ф. Фортунатова и его непосредственных учеников (впрочем, как далее мы увидим, не всех). Однако далее ясность теряется: одни исследователи заканчивают Московскую школу Д.Н. Ушаковым и Н.Н. Дурново, иногда еще добавляя М.Н. Петерсона, другие считают, что традиции школы можно доводить до современности.

Самое очевидное — начальная точка отсчета: это Ф.Ф. Фортунатов. Однако на самом деле и этот рубеж требует объяснения. Ведь этот ученый, начавший преподавать в Московском университете в 1876 г., никак не может считаться основоположником московского научного языкознания. Задолго до него в Московском университете читались разные филологические, а то и чисто лингвистические курсы, а среди московских профессоров бывали крупные языковеды. Достаточно назвать Ф.И. Буслаева, который занял кафедру русской словесности в 1847 г., за год до рождения Ф.Ф. Фортунатова. Он был не только выдающимся славистом и русистом, но и создателем наиболее влиятельной в России второй половины XIX в. общелингвистической концепции. Однако когда говорят о Московской школе,

В. М. Алпатов

нако когда говорят о Московской школе, Ф.И. Буслаева обычно не вспоминают, хотя у него были ученики.

По-видимому, решающую роль здесь сыграло то, что Ф.Ф. Фортунатов по своим личным качествам идеально подходил для создания научной школы. Ф.И. Буслаев также был выдающимся и знаменитым лектором, его слава тоже была велика, но он, вероятно, был человеком более книжного склада. Его роль в развитии русской науки более связана с тем, что он писал, чем с тем, что он говорил. Кроме того, он не был только лингвистом, занимаясь широким кругом проблем: филологией, фольклористикой, литературоведением, даже искусствоведением. А развитие науки шло в то время к более узкой специализации, в том числе к ограничению науки о языке от смежных дисциплин. И Ф.И. Буслаев, и главный университетский учитель Ф.Ф. Фортунатова П.Я. Петров еще не были языковедами в чистом виде, этот шаг в Москве первым сделал Ф.Ф. Фортунатов.

Рассматривая жизнь и деятельность Филиппа Федоровича, нельзя не обратить внимание на контраст между влиятельностью этого ученого и незначительностью его прижизненных публикаций. Всего одна книга, которой к тому же не повезло: большая часть тиража пропала из-за банкротства типографии. Несколько раз ученый готовил к печати свои университетские курсы, но не доводил эту подготовку до конца (один курс уже начал выходить выпусками, но публикация была остановлена автором). Ученики Ф.Ф. Фортунатова надеялись, что после избрания академиком, переезда в Петербург и отхода от преподавания он начнет издавать свои труды, но последние 12 лет жизни он лишь редактировал академические издания.

Это не означает однако, что лекционные курсы ученого до нас не дошли. По обычаям того времени, читаемые курсы записывались, редактировались автором, затем на правах рукописи размножались (литографировались) в помощь студентам. Сразу после смерти Ф.Ф. Фортунатова его ученики постарались издать эти курсы, два из них вышли в 1919 и 1922 гг., наиболее же полное издание фортунатовских трудов (первое издание двух курсов и переиздание двух опубликованных ранее) появилось благодаря стараниям М.Н. Петерсона

намного позже [Фортунатов 1956-1957]. Часть курсов не издана до сих пор.

Очевидно, что к моменту основных публикаций работ Ф.Ф. - Фортунатова Московская школа уже сложилась, а идеи ученого уже давно жили своей жизнью. Отметим, что лингвисты Московской школы и позднее обращались к трудам Ф.Ф. Фортунатова, причем не только к опубликованным. Например, до сих пор не изданы те его курсы, где излагались типологические идеи; им сравнительно недавно была посвящена специальная диссертация [Перельмутер 1989], но задолго до этого ряд этих идей вошел в широко известный учебник А.А. Реформатского [Реформатский 1967: 458-459]. (А.А. Реформатский, правда, ссылается на опубликованный курс, но там о типологии говорится очень кратко).

Вопрос о дальнейшем развитии Московской школы также не во всём ясен. Среди учеников Ф.Ф. Фортунатова немало крупных языковедов. При этом по возрасту они четко делятся на два поколения: старших фортунатовских учеников: А.И. Томсон, Г.К. Ульянов, А.А. Шахматов (родились с 1859 по 1864 гг.), и младших: В.К. Поржезинский, Д.Н. Ушаков, Н.Н. Дурново (родились с 1870 по 1876 гг.). Старшие ученики, как позже рассказывал А.И. Томсон П.С. Кузнецова [Кузнецов 1995], дружили между собой и были тесно связаны. Младшие ученики (к ним может быть причислен и близкий по возрасту А.М. Пешковский, кажется, уже не учившийся у самого Ф.Ф. Фортунатова), столь близко между собой связаны не были, однако их принадлежность Московской школе общепризнана. Сложнее со старшими учениками. Из них А.И. Томсон и Г.К. Ульянов сохранили верность идеям учителя, не восприняв дальнейшее развитие Московской школы. Это хорошо показывают упомянутые воспоминания П.С. Кузнецова о беседе с А.И. Томсоном в 1932 г. (автор статьи помнит и то, как Петр Саввич рассказывал о ней студентам). Собеседникам нетрудно было понять друг друга по многим вопросам: при большой разнице в возрасте сказывалась общность школы. Но они разошлись во взглядах на фонологию, которая, по мнению А.И. Томсона, относилась к психологии, а не лингвистике. Так что

В. М. Алпатов

А.И. Томсона, как и Г.К. Ульянова, можно отвести к первому поколению Московской школы, однако оба после университета работали не в Москве и оказались вне основного пути развития Московской школы. Сложнее с А.А. Шахматовым. Поначалу, в московский период деятельности, он был фортунатовцем, однако в Петербурге его взгляды во многом изменились. Его новые концепции уже выходили за пределы Московской школы не только в силу формирования вне Москвы, но и содержательно. Показательны изменения, внесенные А.М. Пешковским в «Русский синтаксис в научном освещении» перед изданием 1928 г. Книга, в двух первых изданиях написанная целиком в фортунатовском духе, затем была отчасти изменена в духе идей А.А. Шахматова и в какой-то степени А.А. Потебни, после чего «ортодоксы» Московской школы уже не считали А.М. Пешковского «своим». Показательно и то, что ученик А.А. Шахматова В.В. Виноградов, приехав в 1930 г. в Москву из Ленинграда, так и не прискучил к Московской школе, оставшись обособленным в московской лингвистике (к этому мы еще вернемся).

Традиции Московской школы окончательно закрепили младшие ученики Ф.Ф. Фортунатова, здесь на первых порах очень большой была роль его непосредственного преемника по кафедре В.К. Поржезинского. Однако встает важнейший вопрос: в чём же состояли основные принципы Московской школы, непосредственно восходящие к ее основателю?

На этот вопрос не всегда легко ответить, исходя из общетеоретических формулировок Ф.Ф. Фортунатова. Например, в известной хрестоматии В.А. Звегинцева, где согласно принятому в ней канону каждый автор представлен имеющимися у него общелингвистическими высказываниями, этот ученый выглядит не очень сильно отличающимся от младограмматиков: обычные для того времени формулировки о языкоznании как исторической науке, психологизм концепции и пр. Какого-либо предвосхищения структуралистских идей (в отличие, скажем, от приведенных в той же хрестоматии отрывков из Н.В. Крущевского) увидеть трудно. Впрочем, и в хрестоматии В.А. Звегинцева приводятся гораздо более интересные и новаторс-

кие для того времени высказывания Ф.Ф. Фортунатова, касающиеся однако более конкретных проблем, прежде всего рассуждения о грамматической форме, где, кстати, вопреки провозглашенному общему подходу нет никакого примата исторического подхода и речь идет о синхронии в чистом виде.

Языковеды, писавшие о Ф.Ф. Фортунатове и его школе, выделяли обычно две особенности подхода этого ученого, передавшиеся ученикам. О первой особенности писал еще В.К. Поржезинский, выделявший у него «поразительную точность в определении самих фактов» [Поржезинский 1914: 17]. В 60-е гг., в период увлечения лингвистов математическими методами, П.С. Кузнецов, всегда подчеркивавший свою принадлежность к фортунатовской школе, любил рассказывать студентам о том, что основатель Московской школы постоянно перед сном решал математические задачи. Действительно, стремление к строгости всех рассуждений у Ф.Ф. Фортунатова постоянно ощущается; вероятно, оно было одной из причин того, что он так и не издал большинство своих курсов, не доведя их до той степени строгости, которая бы его удовлетворила.

О другой особенности уже в наше время писал М.В. Панов: «Изучать язык в его внутренней сути, не пытаясь эту суть растворить в сопредельных науках или извлечь эту суть из внеязыковых областей» [Панов 1995: 16]. Под этим знаком шло развитие науки о языке довольно долго, начиная от эпохи младограмматизма и кончая серединой XX в. (а в нашей стране и в 60-е гг. и даже позже), иные ориентиры провозгласит лишь Н. Хомский. А в России конца XIX — начала XX вв. именно фортунатовская школа провозгласила этот принцип наиболее последовательно, что можно видеть, например, сопоставляя Ф.Ф. Фортунатова с И.А. Бодуэн де Куртенэ. Показательно упомянутое выше неприятие А.И. Томсона фонологии, которую он безусловно воспринимал как бодуэновскую «психофонетику», выходящую за пределы «чистой» лингвистики. С другой стороны, ученик И.А. Бодуэна де Куртенэ Л.П. Якубинский так критиковал того же А.И. Томсона: «Приходится, пожалуй, пожалеть, что Гумбольдт оказал только «нравственное» влияние на этого, в своей

В. М. Алпатов

сфере очень знающего, очень тонко наблюдающего исследователя» [Якубинский 1986: 23]. Гумбольдтовская традиция безусловно выходила за пределы «изучения языка в его внутренней сути», что привлекало Л. П. Якубинского, исследовавшего проблему диалогической речи (тематика, выводящая за рамки языка в соссюровском смысле), но для фортунатовской школы эта традиция безусловно была очень далека.

Не случайно, что именно с Ф.Ф. Фортунатовым связывается анекдот об ученом, который восхищался изученными им санскритскими текстами, но не помнил, о чём они. Анекдот явно восходит к тем временам, когда отдельность лингвистики от филологии еще приходилось доказывать, а строго лингвистический подход казался чем-то анекдотическим. Здесь Ф.Ф. Фортунатов безусловно сделал важный шаг вперед по сравнению с Ф.И. Буслаевым и др., которые еще оставались филологами. Но он шел и еще дальше, во многом отвлекаясь и от историзма, и от психологии, сосредоточиваясь на чисто лингвистических проблемах. Правда, больше это проявлялось в конкретной исследовательской практике, а теории, адекватной своим стремлениям, ему сформировать не удалось, поэтому столь ощутим разрыв между исследовательским новаторством и шаблонностью общелингвистических формулировок.

Впрочем, есть и авторитетный голос, отмечающий именно теоретическую значимость фортунатовских идей. Принадлежит он Р. Якобсону, который писал в 60-е гг.: «Московская лингвистическая школа, верная заветам своего основоположника Филиппа Федоровича Фортунатова, была и остается призвана осознать, обосновать и развить его учение о том, что язык -- не одна лишь «внешняя оболочка по отношению к явлениям мысли» и не только «средство для выражения готовых мыслей», а прежде всего «орудие для мышления»... Сейчас всё полнее воспринимается и все живее захватывает мудрая простота этих увесистых, чарующе угловатых строк, строго поровну воздающих должное языку и мысли в их многообразном сопряжении» [Якобсон 1985: 6].

Р. Якобсон опирался на высказывания, действительно содержавшиеся в курсах Ф.Ф. Фортунатова. И тем не менее нам представляется, что мэтр не совсем был прав. Р. Якобсон скорее всего исходил из двух посылок: проблемы, им перечисленные, очень волновали его в поздний период своей деятельности, а в начале своей деятельности он впервые воспринял их от своих учителей из Московской школы. Но понимание языка как «орудия для мышления» вряд ли составляет специфику Московской школы. Редко кто из лингвистов отстаивал представление о языке как «только средстве для выражения готовых мыслей», обычно они либо соглашались хотя бы в теории, что язык — «орудие для мышления», либо просто не рассматривали данную проблематику. А для Московской школы (включая и раннего Р. Якобсона) скорее характерен как раз отход от интереса к вопросам связи языка с мышлением, как раз выводящим лингвистику за пределы «изучения языка в его внутренней сути», о которой пишет М.В. Панов.

Две указанные выше особенности Московской школы — стремление к точности и строгости и внутренне-лингвистический подход к языку — в своей совокупности обусловили то, что языковеды иных школ окрестили «формализмом» в лингвистике. Представление о Московской школе как «формальной» закрепилось на несколько десятилетий и безусловно имело основания.

После отхода Ф.Ф. Фортунатова в 1902 г. от активной научно-педагогической деятельности лидирующая роль в Московской школе перешла, как уже говорилась, к его младшим ученикам. Ко второму поколению школы однако могут быть отнесены не только прямые ученики Ф.Ф. Фортунатова — В.К. Поржеинский, Д.Н. Ушаков, Н.Н. Дурново, но и учившиеся в Московском университете уже в постфортунатовский период А.М. Пешковский и М.Н. Петерсон. Последний кончил университет даже на год позже Н.С. Трубецкого (хотя был на шесть лет старше), но по всем своим характеристикам привыкал к более старшим коллегам, тогда как Н.С. Трубецкой представлял уже новый этап развития школы.

В целом ученые второго поколения Московской школы, расширив по сравнению с Ф.Ф. Фортунатовым области конкретных исследо-

В. М. Алпатов

дований, по общим подходам в целом сохраняли идеи основателя школы. Например, «Краткое введение в науку о языке» Д.Н. Ушакова, впервые вышедшее в 1913 г., было прежде всего популярным изложением идей Ф.Ф. Фортунатова (напомним, что курсы последнего тогда еще не были изданы). Самым оригинальным лингвистом в этом поколении школы был А.М. Пешковский, но он и отошел от фортунатовских традиций дальше всего, особенно в поздних работах. По ряду идей эти ученые могут быть отнесены к предшественникам структурализма, но не стали еще структуралистами (исключение — поздние работы Н.Н. Дурново, испытавшего после 1924 г. влияние концепций Н. Трубецкого и Р. Якобсона).

На долю второго поколения Московской школе выпала роль хранителей традиций школы. Два последующих поколения московских лингвистов были их учениками. В предреволюционные годы основным хранителем традиций был В.К. Поржезинский, после его отъезда в Польшу в 1921 г. эстафета перешла к Д.Н. Ушакову и М.Н. Петерсону, преподавательская деятельность последнего продолжалась до 50-х гг. Благодаря им всем Московская школа не прекращала своего существования. Конечно, нельзя не отметить роль Н.Н. Дурново и Д.Н. Ушакова в изучении русских диалектов, выдающуюся лексикографическую деятельность Д.Н. Ушакова и многое другое. Отметим и то, что это поколение, не отказываясь от исторических исследований (здесь особенно много сделал Н.Н. Дурново), в отличие от Ф.Ф. Фортунатова очень много изучало современные языки, прежде всего русский (здесь особенно велик вклад А.М. Пешковского и Д.Н. Ушакова). Но это поколение было переходным.

Переход к новой лингвистической парадигме при сохранении преемственности с учителями выявился в следующем поколении выпускников Московского университета, учившихся там частью в предреволюционные, частью в первые послереволюционные годы. Это Н.С. Трубецкой. Н.Ф. Яковлев, Р.О. Якобсон, Г.О. Винокур. Деятельность оставшихся на родине Н.Ф. Яковлева и Г.О. Винокура способствовала сохранению преемственности и дальнейшему развитию Московской школы, а эмигрировавшие Н. Трубецкой и Р. Якобсон

связали школу с мировой лингвистикой тем более, что их связи с соотечественниками до середины 30-х гг. не прерывались:

Концепции этих ученых в области лингвистики формировались на основе разных источников. В отличие от лингвистов предшествующего поколения они испытывали влияние идей Ф. де Соссюра, книга которого стала в России известна уже с 1917 г. Петербургская школа И.А. Бодуэна де Куртенэ повлияла прежде всего разработанной там концепцией фонемы (два первых поколения Московской школы ее не принимали). Но все эти идеи легли уже на готовую к этому почву. Интерес к внутренней структуре языка, стремление к выработке строгих и чисто лингвистических методов, признание правомерности синхронного подхода, — всё это уже было выработано в рамках Московской школы. Не было лишь адекватной всему этому лингвистической теории, ее разработка, прежде всего в области фонологии, произошла у Н. Трубецкого и его коллег.

Преобразование в духе Московской школы пришедших извне идей хорошо видно на примере понятия фонемы. Первым среди москвичей начал ее разрабатывать Н. Ф. Яковлев, который в 1928 г. писал: «Я вполне присоединяюсь к выводам проф. Л.В. Щербы, что в каждом языке существует строго ограниченное количество звуков — «фонем», однако, в отличие от последнего, я даю этому факту чисто лингвистическое толкование. Именно — фонемы выделяются, по моему мнению, не потому, что они создаются каждым отдельным говорящим, но они потому и сознаются говорящими, что в языке как в социально выработанной грамматической системе эти звуки выполняют особую грамматическую функцию... Мы должны признать фонемами те звуковые отличия, которые выделяются в речи как ее кратчайшие звуковые моменты в отношении к различению значимых элементов языка» [Яковлев 1970: 128-129]. Если «верный фортунатовец» А.И. Томсон просто отверг психологическую концепцию фонемы И.А. Бодуэна де Куртенэ и его ученика Л.В. Щербы, то ученый нового поколения нашел способ синтеза данного понятия с принципами московской школы: вместо внеязыковой психологии основой выделения фонем стала внутриязыковая смыслоразличительная

В. М. Алпатов

функция. Позже эти идеи более детально разработали Н. Трубецкой и Р. Якобсон, в их интерпретации они получили мировую известность.

К концу 20-х гг. снова менее ясными стали границы Московской школы. Произошло это по двум причинам. Если перед революцией, когда фортунатовские традиции в Московском университете вытеснили в области лингвистики все остальные, понятия «языкознание в Москве» и «московская школа» выглядели синонимами, то в 20-е гг. ситуация осложнилась. Через Н. Трубецкого и Р. Якобсона школа вышла на мировую арену (может быть, лучше вообще говорить не о Пражской, а о Пражско-Московской школе), но с другой стороны, места умерших или эмигрировавших ученых в самой Москве нередко занимали выходцы из других лингвистических школ (этот процесс безусловно стимулировался переносом в Москву столицы государства). Из довольно длинного списка таких ученых особенно заслуживают упоминания трое: переехавший в Москву из Казани в 1922 г. А.М. Селищев и появившиеся в Москве соответственно в 1926 и 1929 гг. два видных представителя Петербургской (к тому времени уже Ленинградской) школы Е.Д. Поливанов и В.В. Виноградов. Если А.М. Селищев, несмотря на воспитание в иных традициях, довольно хорошо вписался в рамки Московской школы, то двое других и в Москве оставались петербуржцами, в частности, Е.Д. Поливанов сохранял (последовательнее, чем оставшийся, в Ленинграде Л.В. Щерба) понимание фонологии как «психофонетики»; ср. весьма критическое отношение к его работам в 30-е гг. у Н. Трубецкого, зафиксированное в переписке с Р. Якобсоном. Однако Е.Д. Поливанов, вступив в конфликт с марристами, уже через три года был вынужден покинуть Москву. В.В. Виноградов же остался в Москве (также вынужденно ее покидая, однако ему довольно скоро удалось вернуться), но не примкнул к Московской школе, а стал создавать свою собственную. В нее вошли С.И. Ожегов (ученик В.В. Виноградова еще по Ленинграду, также переехавший в Москву), Е.М. Галкина-Федорук и др. Тем самым Московская школа уже не включала в себя всю московскую лингвистику.

Другим фактором стало начало деятельности нового, четвертого поколения Московской школы. В отличие от своих учителей это поколение вступило в лингвистику сплоченной и тесно связанной между собой группой. Нечто похожее, может быть, составляли лишь старшие ученики Ф.Ф. Фортунатова, но судьба разбросала их по разным университетским городам и кружка не получилось. Теперь же в первой половине 30-х гг. сформировался кружок единомышленников, поначалу мало публиковавшихся и сообща формировавших концепцию: П.С. Кузнецов, А.А. Реформатский, Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров (все родились с 1899 по 1903 гг.) и старший по возрасту, но одновременно с ними начавший научную деятельность А.М. Сухотин. Как свидетельствует А.А. Реформатский, этот кружок вплоть до 1950 г. называли «новомосковской школой» [Реформатский 1970: 15]. Наблюдавший за его формированием извне С.И. Бернштейн писал о «группе молодых московских лингвистов, назвавшей себя «новомосковской школой» (в отличие от «московской школы языкоznания» — школы Ф.Ф. Фортунатова)», которая «создала самостоятельную фонологическую теорию на базе основных фонологических трудов Бодуэна де Куртенэ... и «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра» [Бернштейн 1962: 62].

Из сказанного С.И. Бернштейном очевидно, что упомянутая группа лингвистов первоначально стремилась противопоставить себя уже сложившейся и общепризнанной фортунатовской школе. Отметим и то, что С.И. Бернштейн источники формирования взглядов «новомосковской школы» видит лишь в идеях И.А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра (впрочем, он при этом оговаривал, что близка ко взглядам этой школы и концепция Н.Ф. Яковлева, выдвинутая ранее). То есть получается, что с начала 30-х годов на смену Московской школе пришла «новомосковская». Однако показательно и то, что позже (после 1950 г., как указывает А.А. Реформатский) термин «новомосковская школа» вышел из обихода (статья С.И. Бернштейна, фактически написанная намного раньше публикации, — редкий случай его употребления даже в 60-е гг.), сменившись общепринятым сейчас термином «Московская фонологическая школа». Так говорили о себе и ее

В. М. Алпатов

представители в 50-70-х гг. Этот термин в отличие от предыдущего подчеркивает не столько отдельность от предшествующих этапов развития Московской школы, сколько связь с ними при выделении специфического объекта исследования - фонологии. И в историческом очерке Московской фонологической школы, принадлежащем А.А. Реформатскому [Реформатский 1970], с одной стороны, ее история начинается не с Ф.Ф. Фортунатова или его учеников, а с И.А. Бодуэна де Куртенэ, поскольку от него началась фонология, но с другой стороны, при изложении событий 30-40-х гг. к школе во многом причисляются не только Н.Ф. Яковлев, но и Г.О. Винокур и даже Д.Н. Ушаков. Вот пример: «Не занимавшийся специально фонологией Григорий Осипович Винокур близко прымыкал к основной пятерке благодаря своим интересам к истории орфографии и к проблемам общей лингвистики» [Реформатский 1970: 25]. Отсюда ясно, что по «проблемам общей лингвистики» Г.О. Винокур и «основная пятерка» «новомосковских» фонологов считали друг друга единомышленниками (различались они не только областями специализации, но и тем, что Г.О. Винокур выдвинулся как ученый почти на десятилетие раньше).

Безусловно, А.А. Реформатский к концу жизни не проводил резких граней между Московской фонологической школой и Московской школой в целом (показательно и включение в его хрестоматию работ Н.Ф. Яковлева и Г.О. Винокура при том, что «не вполне московская» статья С.И. Бернштейна лишь цитируется). Еще в большей степени подчеркивал единство школы П.С. Кузнецова, что проявилось и в его лишь частично опубликованных воспоминаниях, и в лекциях в МГУ в 60-е гг. Таким образом если в начале деятельности новому поколению московских лингвистов было важно подчеркнуть свое отличие от того, что было до них, то позже эти ученые не отрицали своей преемственности по отношению ко всей Московской школе. В то же время они постоянно противопоставляли себя ленинградским фонологам и Ленинградской школе в целом при том, что фонологические концепции той школы заметно менялись от психологизма к физикализму (Московская школа не приняла ни того, ни другого).

Первоначальный состав Московской фонологической школы все 30-е гг. активно общался друг с другом, совместно вырабатывая лингвистическую концепцию (прежде всего в области фонологии, но не только: достаточно назвать написанную В.Н. Сидоровым морфологическую часть книги [Аванесов, Сидоров 1945] и знаменитый учебник А.А. Реформатского). Сначала «основная пятерка» работала в НИЯЗе при Наркомпросе (четверо в штате, А.А. Реформатский внештатно), после его закрытия в 1933 г. она к середине 30-х гг. собралась на руководимой Р.И. Аванесовым кафедре русского языка в Московском городском пединституте (поначалу без репрессированного В.Н. Сидорова, перед войной вернулся и он). В то же время идеи этой группы лингвистов лишь очень в малой степени публиковались, две первых крупных статьи П.С. Кузнецова и А.А. Реформатского вышли в свет в 1941 г., уже в начале войны, а в большинстве концепция кружка получила печатное выражение уже в послевоенные годы. Отметим встающую в связи с этим проблему авторства тех или иных идей. Если исходить из имеющихся публикаций, то можно предполагать, что основными создателями концепции школы были П.С. Кузнецов, А.А. Реформатский и (до конца 40-х гг.) Р.И. Аванесов, в меньшей степени В.Н. Сидоров (публиковавшийся меньше) и лишь в незначительной степени А.М. Сухотин, оригинальных публикаций которого крайне мало (при значительной его роли как переводчика лингвистической литературы). Однако, как свидетельствовали сами П.С. Кузнецов и А.А. Реформатский, роль В.Н. Сидорова и А.М. Сухотина была гораздо значительнее, но А.М. Сухотин умер еще в 1942 г., а В.Н. Сидоров, блестяще формулируя свои идеи в устном общении, с трудом переносил их на бумагу. Нередко идеи того и другого дошли до нас в изложении других членов кружка.

Вот один показательный пример. В статье, впервые опубликованной в 1941 г., П.С. Кузнецов писал: «В кругах московских лингвистов уже около 10 лет в этом значении употребляется термин гиперфонема, введенный впервые, если не ошибаюсь, В.Н. Сидоровым, но не получивший до сих пор отражения в печати» [Кузнецов

В. М. Алпатов

1970: 186]. Подтвердил приоритет В.Н. Сидорова и А.А. Реформатский, называя гиперфонему «понятием, выдвинутым В.Н. Сидоровым, но печатно им не сформулированным» [Реформатский 1970: 53]. Как указал нам С.А. Крылов, специально исследовавший данный вопрос, ни в одной печатной работе В.Н. Сидорова этого термина нет, он встречается лишь в одном его устном выступлении, записанном на магнитофон. А понятие гиперфонемы — одно из ключевых в фонологической концепции Московской школы (мы сейчас отвлекаемся от того, что оно может употребляться в разных, не вполне совпадающих значениях). И не будь приведенных здесь указаний, мы бы думали, что данный термин был впервые употреблен П.С. Кузнецовым, а потом разрабатывался им и А.А. Реформатским. Что касается А.М. Сухотина, обратим внимание на то, что именно он в 30-е гг. в МГПИ читал курс введения в языкознание. И вероятно, многое из того, что им было разработано в этом курсе, нашло потом отражение в учебнике его друга А.А. Реформатского.

Московские фонологи, несомненно принадлежавшие к структурному этапу в развитии лингвистики, были наиболее заметным и тесно сплоченным ответвлением Московской школы в 30-40-е гг. (позже они уже не были столь едины), однако нельзя сказать, что в том поколении Московскую школу составляли лишь они. Особняком от них стоял близкий к ним по возрасту и традициям А.И. Смирницкий; А.А. Реформатский отмечает лишь «частичное взаимопонимание» с ним [Реформатский 1970: 27]. Но прежде всего А.И. Смирницкий отличался от рассмотренных выше ученых областью интересов: он не был фонологом, занимаясь прежде всего теорией грамматики. Играли роль и «ведомственные» различия: московские фонологи в основном занимались русским языком (хотя П.С. Кузнецов и А.А. Реформатский иногда «забредали» в изучение иных языков от французского до дунганского), а А.И. Смирницкий всегда считался германистом.

Сложный вопрос — соотношение «естественно» развивавшихся школ советского языкознания с марризмом, во многом наложившимся искусственно на его развитие. Довольно долго в Москве мар-

ризм воспринимался как «ленинградское явление». П.С. Кузнецов отмечал в воспоминаниях, что во второй половине 20-х гг. сторонники Н.Я. Марра «больше были в Ленинграде, в Москве же ему была сильная оппозиция». Сказывалось, конечно, то, что сам академик и большинство его окружения жили в Ленинграде. Однако, как отмечает и П.С. Кузнецов, лингвисты, лояльные к марризму или даже испытавшие его влияние, были и в Москве. При этом в 20-30-е гг. в наибольшей степени это было свойственно тогдашнему среднему поколению Московской школы: Н.Ф. Яковлеву, Л.И. Жиркову, отчасти Р.О. Шор. А «старики» во главе с Д.Н. Ушаковым и вся молодежь не приняли марризм. П.С. Кузнецов вспоминал, что в студенческие годы одно время заинтересовался марровскими идеями о «третьем этническом элементе», но М.Н. Петерсон убедил его в их бездоказательности. Позже А.А. Реформатский любил говорить, что он не марровец и не антимарровец, а амарровец. Здесь ситуация резко отличалась от Ленинграда, где Н.Я. Марр делал ставку именно на молодежь и многие лингвисты, по возрасту близкие к «новомосковской» школе, в молодости «переболели» марризмом, достаточно назвать столь разных во всём остальном В.И. Абаева и А.А. Холодовича. В целом же и тогда, и позже Московская школа и московская лингвистика в целом, включая В.В. Виноградова, была центром сопротивления марризму.

К моменту гибели марризма в 1950 г. Московская школа продолжала развиваться, но обозначились два противоположных процесса. С одной стороны, ее идеи и методы распространялись «вширь», охватывая не только общее языкознание и русистику, но и области частного языкознания, которыми до того в Московской школе не занимались. Один из примеров — статья по фонологии японского языка [Сыромятников 1952]. Ее автор учился в Ленинграде, слушал лекции Л.В. Щербы, хорошо знал японистические работы Е.Д. Поливанова, не был лично связан с кем-либо из московских фонологов, но переехав ко времени написания статьи в Москву, применил к японскому языку концепции Московской школы.

Но в то же время границы Московской школы стали еще более размываться по двум причинам. Одной из них был массовый пере-

В. М. Алпатов

езд в Москву лингвистов разных школ и направлений. Он происходил и до войны, но усилился в эти годы: многие остались в Москве после войны, а после реорганизации советского языкоznания в 1950 г. ряд видных ученых должен был переехать из Ленинграда в Москву. Помимо ленинградцев переезжали и лингвисты из провинции, назовем лишь Т.П. Ломтева и В.А. Звегинцева. Кто-то из них, особенно среди последних, вписывался в традиции Московской школы (В.А. Звегинцев, как мы постараемся показать, сыграл важную роль в их сохранении, хотя сам приехал из Ташкента уже сложившимся ученым). Но многие, особенно среди ленинградцев, переехавших в Москву, были от Московской школы очень далеки.

Другой причиной стало усиление разногласий внутри Московской школы, появление собственных школ ряда ученых. В 1949 г. раскололась «новомосковская» школа фонологов, от нее отошел Р.И. Аванесов, предложивший, новую концепцию фонемы, не принятую его прежними друзьями; Р.И. Аванесов сформировал особую школу из своих учеников: К.В. Горшкова и др. Отдельную школу сформировал и А.И. Смирницкий, после его смерти она продолжала существовать во главе с О.С. Ахмановой. Отметим и роль, которую в первое послевоенное десятилетие продолжал играть старейший к тому времени ученый Московской школы М.Н. Петерсон: именно его учениками были Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Т.Я. Елизаренкова (а несколько ранее Б.А. Серебренников), через него новые поколения лингвистов непосредственно воспринимали фортунатовские идеи, которые «новомосковская» школа уже отчасти преобразовала.

Безусловно, к 50-м гг. Московская школа уже не могла составлять того единства, какое было когда-то, уже просто из-за резкого увеличения количества языковедов и из-за отсутствия общепризнанного лидера, которым был Ф.Ф. Фортунатов, а потом (уже в меньшей степени) Д.Н. Ушаков. Но все-таки разные ответвления Московской школы могли тогда еще рассматриваться как нечто единое. И уже в наши дни комментатор лингвистических сочинений М.М. Бахтина первой половины 50-х гг. отмечает, что тогда в совет-

ской лингвистике выделялись три направления: марризм, «виноградовское направление» и «зарождающийся отечественный структурализм», причем к последнему отнесен, в частности, Р.И. Аванесов [Гоготишивили 1996: 538-539]. Здесь не всё точно. Марризм после 1950 г. быстро сошел со сцены, а Р.И. Аванесова можно, на наш взгляд, считать структуралистом (при том, что он сам, кажется, никогда так себя не именовал и при жизни его редко туда причисляли), но никак не представителем «зарождающегося» направления: его взгляды сформировались намного раньше, а в данный период получили в книге [Аванесов 1956] итоговое выражение. Но примечательно разграничение советской лингвистики 1950-1956 гг. (исключая марризм) на «виноградовское» и, условно говоря, «аванесовское» направление (второе, разумеется, не имело единого лидера). При этом по подбору имен у Л.А. Гоготишивили видно, что в обоих направлениях лидировали москвичи, а под «зарождающимся структурализмом» имеется в виду Московская школа, получившая возможность свободнее говорить то, к чему давно пришла.

После 1950 г. безусловно третьим официальным лидером советской науки о языке стал В.В. Виноградов, что кроме всего прочего окончательно определило перенос ее центра в Москву: два его предшественника Н.Я. Марр и И.И. Мещанинов жили в Ленинграде (после В.В. Виноградова вакансия «первого лингвиста» осталась незаполненной вплоть до наших дней). Но этот ученый, давно живя в Москве, по всем традициям (не только научным, но даже личным) остался петербуржцем и всегда полемизировал с Московской школой: вспомним его проблемные статьи 50-х гг., где постоянны очень резкие оценки Ф.Ф. Фортунатова и особенно А.М. Пешковского, которым противопоставлен «более правильный» Л.В. Щерба. Постоянно присутствуют в них и нападки на структурализм в целом, хотя в конце 20-х гг. В.Н. Волошинов именно его считал «последователем «женевской школы» [Волошинов 1995: 273]. Л. А. Гоготишивили отмечает, что, например, в статьях В.В. Виноградова и Р.И. Аванесова в сборнике [Против 1951-1952] сходство лишь в отрицании марризма, а положительные программы совсем различны. По существу

В. М. Алпатов

шло продолжение спора Московской и Петербургской (Ленинградской) школ, пусть с несколько иными аргументами, хотя прямой полемики с В.В. Виноградовым москвичи тогда избегали. Зато они много и охотно спорили с Л.Р. Зиндером и другими фонологами-учениками Л.В. Щербы, оставшимися в Ленинграде. Однако по сути школа ленинградских фонологов и «виноградовское направление» были двумя ответвлениями ранее единой Петербургской (Ленинградской) школы, сравнимыми с ответвлениями Московской школы (Московская фонологическая школа, школы Р.И. Аванесова, А.И. Смирницкого и др.), только в связи с общим процессом значительная часть Ленинградской школы находилась уже в Москве.

С 1956 г. в советском языкоznании началась борьба с «пережитками культа личности». Она вылилась не столько в непосредственное обличие брошюры И.В. Сталина (ее уже с 1954-1955 гг. редко упоминали), сколько в изменение общей атмосферы. Резко изменилось отношение к современной западной лингвистике, в которой перестали видеть «оскудение и маразм», как формулировалось в предыдущие годы. Несколько лет шло активное освоение того, что было сделано в 30-50-е гг. на Западе, во многом поначалу приходилось решать «ликбезовские» задачи, показательно появление в журнале «Вопросы языкоznания» рубрики «Консультации», где более продвинутые лингвисты популярно объясняли читателям сущность того или иного метода. На Западе в то время еще господствовал структурализм, и в основном шло освоение структурных методов (как раз тогда появившиеся «Синтаксические структуры» Н. Хомского заметили сразу, см. рецензию Е.В. Падучевой [Падучева 1959], но новаторство этой работы еще не было оценено). Другой особенностью нового периода было начало активной деятельности нового поколения лингвистов, открыто провозгласивших себя структуралистами: А.А. Зализняк, Ю.Д. Апресян, И.А. Мельчук, Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Е.В. Падучева и др.; вместе с ними выступили и некоторые лингвисты более старшего возраста, как С.К. Шаумян. Образовалось противостояние «традиционистов» и «новаторов», совпавшее по времени с занимавшим у нас многих конфликтом «физиков» и «ли-

риков». «Новаторы» увлекались точными методами и математизацией лингвистики, а начавшиеся тогда работы по машинному переводу укрепляли их позиции и обеспечивали им поддержку со стороны научных-естественников и оборонщиков. Созданные в начале 60-х гг. отделения структурной и прикладной лингвистики в МГУ и других вузов обеспечивали воспроизводство кадров лингвистов-«новаторов».

Как происходившие процессы были связаны с традиционными научными школами? Нам представляется, что лингвисты-«новаторы», выступившие в 50-60-е гг., в основном представляли Московскую школу.

Именно в этом поколении окончательно выявилась концентрация лингвистических сил в Москве. Не только в провинциальных городах, но и в Ленинграде в это время почти не было ярких молодых лингвистов-теоретиков (лишь к концу 60-х гг. обратили на себя внимание В.С. Храковский, В.Б. Касевич и др.; характерно, что они выдвинулись из среды востоковедов, где традиции были устойчивее). Почти все из ведущих «новаторов» были выпускниками Московского университета, где прошли школы М.Н. Петерсона, П.С. Кузнецова и др. А упомянутые выше черты Московской школы, восходящие к Ф.Ф. Фортунатову, — стремление к точности и к собственно лингвистическим подходам и критериям — хорошо совмещались с теми методами, которые утверждало новое поколение. Как уже говорилось, Московская школа с 20-х гг. фактически работала в рамках структурализма, новое поколение лишь стало говорить о своей принадлежности к структурализму открыто. Продолжавшие тогда работать лингвисты Московской школы чаще всего положительно относились к деятельности младших коллег и много им помогали. А.А. Реформатский долго возглавлял структурный сектор в Институте языкознания АН СССР, а П.С. Кузнецов преподавал на отделении структурной и прикладной лингвистики МГУ, обеспечивая преемственность поколений. Впрочем, были и лингвисты, сами не чуждые структурных методов и близкие к Московской школе, но занявшие враждебную позицию по отношению к «новаторам»: О.С. Ахманова и др.

В. М. Алпатов

Однако главным научным оппонентом «новаторов», особенно поначалу, была виноградовская школа. Автор статьи, учившийся в 60-е гг. на отделении структурной и прикладной лингвистики МГУ, хорошо помнит, какой прямо-таки антивиноградовский дух там господствовал. С восторгом пересказывались любые истории, в которых академик представлял в невыгодном свете. Например, о том, как Виноградов с очень важным видом пытался пройти без доклада в кабинет декана А.Г. Соколова, а не знавшая его в лицо новая секретарша преградила ему путь, крикнув: «Алексей Георгиевич, к Вам какой-то пенсионер пришел!». Тут безусловно играли роль с самого начала не сложившиеся отношения между В.В. Виноградовым и организатором и руководителем отделения В.А. Звегинцевым, но сказывалось и научное противостояние. В.В. Виноградов не оставался в долгу. Помню, как, представляя коллегам нового аспиранта из Венгрии, он сказал: «К счастью, не по структурным методам». Однако он безусловно не принадлежал к гонителям советского структурализма; наоборот, годы, когда он обладал административной властью, были лучшими для развития этих методов (тут, конечно, сказывалась и общая обстановка в стране, но и сам Виктор Владимирович понимал, что они нужны). Показательны, например, воспоминания [Макаев 1992], где рассказывается о том, как В.В. Виноградов, будучи главным редактором журнала «Вопросы языкоznания», печатал там структуралистские статьи, с идеями которых не был согласен, и включал «новаторов» в редколлегию. Однако именно виноградовская школа в первую очередь воспринималась как антагонист «новейшей Московской школы», если так можно выразиться. Конфликт же москвичей с ленинградскими фонологами, долго еще продолжавшийся, отошел на второй план, тем более что Л.Р. Зиндер, сам прежде всего экспериментатор, относился к точным методам вполне лояльно.

Наряду с данным основным течением Московской школы продолжали существовать и другие, прежде всего Московская фонологическая школа, ко второму поколению которой принадлежал такой крупный лингвист, как М.В. Панов. Сохранились школы Р.И. Аванесова и А.И. Смирницкого–О.С. Ахмановой, собственную школу сфор-

мировал ученик М.Н. Петерсона Б.А. Серебренников, весьма своеобразную позицию занимал Т.П. Ломтев, также скорее принадлежавший к Московской школе. В развернувшейся в советском языкоznании идейной борьбе эти лингвисты занимали различные позиции, но так или иначе истоки их идей могут быть возведены к фортунатовской школе.

Безусловно, работали в Москве в это время и лингвисты иных традиций, в большинстве бывшие ленинградцы или их ученики. Помимо виноградовской школы следует назвать и школу И.И. Мещанинова: в Москву переехали М.М. Гухман и др., а затем к этой школе присоединился Г.А. Клиmov. Совершенно особую позицию занимал С.И. Бернштейн, пытавшийся синтезировать идеи Московской и Ленинградской школ [Бернштейн 1962], что не было поддержано ни той, ни другой школой. Иную, но также особую позицию занимал ученик Н.Я. Марра В.И. Абаев, отошедший от марризма, но не примкнувший ни к одной из школ; его взгляды были особо полемичны по отношению к структурализму [Абаев 1965]. Продолжателем идей «эстетического идеализма» К. Фосслера был еще один бывший ленинградец Р.А. Будагов.

Отметим одновременное угасание большинства научных школ в Ленинграде. Мещаниновская школа после смерти своего основателя была там представлена лишь одним крупным лингвистом — С.Д. Кацнельсоном, не имевшим в Ленинграде значительных последователей. Не создал школы такой интересный ученый, как М.И. Стеблин-Каменский. Фонетическая школа Л.В. Щербы сохранилась и существует до сих пор, но постепенно она отошла от фонологии и сосредоточилась на экспериментальной фонетике. Единственное исключение — созданная в 60-е гг. А.А. Холодовичем Ленинградская типологическая школа, к которой близки С.Е. Яхонтов и др., а также сложившаяся позже школа А.В. Бондарко, продолжающая идеи Л.В. Щербы, в частности, идею создания активной грамматики.

Недолгое существование большинства созданных в СССР отделений структурной и прикладной лингвистики (математической лингвистики, машинного перевода) имело, разумеется, и экстралингви-

В. М. Алпатов

стические причины. Однако сам факт того, что такое отделение сохранилось именно в Москве, вероятно, не случаен. Помимо всего прочего сыграли роль и прочные традиции Московской школы. Отделение стало основным поставщиком кадров лингвистов-теоретиков в стране. В начале 90-х гг. от него отпочковался другой центр подготовки таких кадров в РГГУ, после нескольких реорганизаций ставший Институтом лингвистики при РГГУ.

Безусловно, развитие традиций Московской лингвистической школы, как любой живой научной школы, шло и продолжает идти через значительные видоизменения своих идей. И в ней произошел постепенный переход от структурализма к генеративизму, хотя в достаточно своеобразной форме, далекой от господствующего в других странах ортодоксального хомскианства. При этом проявляется и обычное для развития любой школы явление: одни ее представители продолжают оставаться на каком-нибудь из более ранних этапов (и это может передаваться их ученикам), а другие идут дальше, часто уже не очень вспоминая об истоках своей школы. Мы упоминали спор А.И. Томсона, верного идеям Ф.Ф. Фортунатова в неизменном виде, и П.С. Кузнецова, относившегося уже к «новомосковской школе». Последние десятилетия уже спорят ортодоксальные «новомосковцы» (в МГУ долго такой тип лингвиста воплощал О.С. Широков) и лингвисты, ушедшие дальше. Сейчас на отделении структурной (ныне — теоретической) и прикладной лингвистики мало вспоминают о Ф.Ф. Фортунатове, в читаемом там курсе истории лингвистики он занимает очень небольшое место. Однако, думается, прямую генетическую связь между Ф.Ф. Фортунатовым и современными преподавателями отделения в МГУ и Института лингвистики при РГГУ вполне можно провести.

Разумеется, мы не хотим сказать, что большинство современных московских лингвистов-теоретиков следуют в отечественной науке лишь традициям Московской школы. Время многое ставит на свое место, былые споры, сыгравшие свою роль, утихают. Вот лишь один пример. Современный лингвист, воспитанный в вышеупомянутых антивиноградовских традициях, пишет: «Из академических

грамматик первая — «Виноградовская», — кажется, по богатству и тщательной проработке материала, не отягощенной теоретической материей, превосходит последующие» (Перцов 1996: 48). Но эта грамматика целиком основана на концепциях Л.В. Щербы и В.В. Виноградова (тогда как две последующие совмещают, иногда не до конца согласованно, эти концепции с идеями Московской школы). Одновременно Н.В. Перцов высоко оценивает и работы, безусловно вышедшие из Московской школы: словарь под редакцией Д.Н. Ушакова и учебник А.А. Реформатского. Современная российская лингвистика использует идеи и методы различных отечественных и зарубежных школ и направлений. Однако, как нам кажется, говорить о продолжении традиций основанной Ф.Ф. Фортунатовым Московской школы всё-таки можно.

Литература

- Абаев 1965 — *Абаев В.И.* Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке // ВЯ. 1965. № 3.
- Аванесов 1956 — *Аванесов Р.И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
- Аванесов, Сидоров 1945 — *Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.* Очерк грамматики современного русского литературного языка. М., 1945.
- Бернштейн 1962 — *Бернштейн С.И.* Основные понятия фонологии // ВЯ.— 1962. — № 5.
- Волошинов 1995 — *Волошинов В.* Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995.
- Гоготишвили 1996 — *Гоготишвили Л. А.* Комментарии // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. V. М., 1996.
- Кузнецов 1970 — *Кузнецов П.С.* К вопросу о фонематической системе современного французского языка // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- Кузнецов 1995 — *Кузнецов П.С.* Воспоминания об А.И. Томсоне // Диалог. Карнавал. Хроноп. 1995.— № 2.
- Макаев 1992 — *Макаев Э. А.* К 40-летию журнала // ВЯ. 1992. № 1.

В. М. Алпатов

Падучева 1959 — *Падучева Е. В.* Рецензия на: *Chomsky N. Syntactic structures.* The Hague., 1967 // ВЯ.— 1959.— № 1.

Панов 1995 — *Панов М. В.* Предисловие // *Ушаков Д.Н. Русский язык.* М., 1995.

Перельмутер 1989 — *Перельмутер И. С.* Труды Ф.Ф. Фортунатова по типологии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1989.

Перцов 1996 — *Перцов Н. В.* О некоторых проблемах современной семантики в компьютерной лингвистике // Московский лингвистический альманах. Вып.1. М., 1996.

Поржезинский 1914 — *Поржезинский В.К.* Филипп Федорович Фортунатов. М., 1914.

Против 1951-1952 — Против вульгаризации и извращения марксизма в языкоznании: В 2 т. М., 1951-1952.

Реформатский 1967 — *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М., 1967.

Реформатский 1970 — *Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

Сыромятников 1952 — *Сыромятников Н. А.* Система фонем японского языка // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. IV. М.-Л., 1952.

Фортунатов 1956-1957 — *Фортунатов Ф.Ф.* Избранные труды: В 2 т. М., 1956-1957.

Якобсон 1985 — *Якобсон Р.* Избранные работы. М., 1985.

Яковлев 1970 — *Яковлев Н.Ф.* Математическая формула построения алфавита // *Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

Якубинский 1986 — *Якубинский Л. П.* Избранные работы. Язык и его функционирование. М., 1986.

З. М. Шаляпина

**Структурные валентности как универсальный
инструмент описания языковой синтагматики
(в рамках существенного подхода
к ее моделированию)¹**

**1. Сущностный подход к лингвистическому описанию:
общие принципы**

Задача формализованного описания естественного языка и его синтагматической структуры была впервые поставлена, как известно, в конце 50-х гг. XX века в связи с разработками по машинному переводу. Длительное время она решалась почти исключительно в рамках подходов, которые можно охарактеризовать как *реляционные* – в том смысле, что в центр описания в качестве его основного объекта ставятся синтагматические отношения и задающие их общеграмматические правила, а те конкретные элементарные лингвистические сущности, которые представлены в словаре и на которых как раз и определяются описываемые отношения, служат лишь «дополнением грамматики до исчерпывающего описания соотношения “смысл↔текст”» за счет того, что для них задаются значения всех признаков, упоминаемых в грамматике

¹ Исследование выполняется при частичной финансовой поддержке РФФИ (грант № 01-01-00598), а в части русского синтеза поддерживается грантом RSS (Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation, grant № 458/2000).

З. М. Шаляпина

[Падучева 1975, с.557]¹. Классическими образцами реляционных описаний языковой синтагматики являются, например, стандартная теория порождающих грамматик Н. Хомского [Chomsky 1956, 1965], компонент поверхностного синтаксиса в модели «Смысл ↔ Текст» [Мельчук 1974, Апресян et al. 1989] и др.

Однако с самого начала существовало и направление, признающее за лингвистическими сущностями более активную роль в описании языковой синтагматики. Фактически, для лингвистической теории даже более традиционна мысль, что не структура отношений создает предпосылку для рассмотрения тех или иных сущностей, но, напротив, языковые сущности и их свойства обуславливают саму возможность реализации тех или иных синтагматических отношений. Именно эту мысль отражает понятие валентности, введенное в лингвистический обиход в работах С.Д. Кацнельсона (1948) и Л. Теньера (Tesnière 1953). В компьютерной лингвистике идея использования валентностей для описания синтагматических отношений различных типов прозвучала уже в работе Андреева et al. (1959), а в 1969 г. авторы модели «Смысл↔Текст» эксплицитно провозгласили принцип центральной роли словаря в лингвистическом описании [Жолковский–Мельчук 1969, с.31].

Эти идеи и послужили отправной точкой для разработки рассматриваемого здесь *сущностного* подхода к лингвистической синтагматике, сводящего ее к валентностным свойствам языковых

¹ Понятно, разумеется, что отношения не могут определяться абсолютно независимо от своих участников, и реально их определения в грамматике реляционных лингвистических описаний всегда включают также некоторую характеристику самих этих участников. Однако такая характеристика носит при этом максимально отвлеченный характер, сводясь лишь к тому минимуму сведений о каждой из сущностей – участников описываемого отношения, – который считается достаточным для идентификации отношения как такового вкупе с вводимыми им абстрактными структурными позициями: от сущности как бы «отцепывается» тот минимальный фрагмент ее лингвистической «плоти», та «чешуйка» с ее «поверхности», через которую к ней может «цепляться» данное отношение. Чаще всего это признак частеречного класса рассматриваемой сущности и/или характеризующие ее морфологические категории..

сущностей, задаваемым и в лексике и в грамматике в едином «словарном» формате. Первые попытки построить описание такого типа для семантико-синтаксических сущностей и отношений относятся к началу 70-х гг. [Шаляпина 1972, 1974а, 1974б]. В дальнейшем этот подход был распространен также на другие виды синтагматических отношений [Шаляпина 1980, 1981, 1985, 1991, 1999, Шаляпина et al. 1997, 2000] и получил экспериментальную компьютерную реализацию в системе японско-русского автоматического перевода ЯРАП ([Modina-Shalyapina 1994], [Kanovich-Shalyapina 1994], [Костыркин 2000], [Шаляпина et al. 2001] и др.).

В настоящее время существенно-ориентированное направление в лингвистике развивается целым рядом различных научных школ: см., например, «грамматику слова» [Hudson 1984], систему Lexicase [Starosta 1988], «линкерную грамматику» ([Sleator-Temperley 1993, Sleator 2000]), в отечественном языкознании – работы Л.К. Граудиной et al. (1976), Г.А. Золотовой (1988) и др. Однако принципиальные возможности этого направления и способы осмыслиения в его рамках различных аспектов языковой синтагматики изучены пока далеко не полностью. В данной работе мы попытаемся рассмотреть некоторые из этих возможностей и способов, как они предстают с позиций нашей трактовки существенного подхода.

В основе ее лежит понятие *элементарной лингвистической сущности*, или *ЭЛ-сущности*. Говоря далее о сущностях, мы будем чаще всего иметь в виду именно ЭЛ-сущности, а в более широком смысле – для обозначения как любых сущностей (в том числе неэлементарных), так и отношений – употреблять термин *единица* или *объект*.

ЭЛ-сущность может быть как текстовой, так и языковой. На уровне текста ЭЛ-сущность можно определить как такой его фрагмент, свойства которого не сводимы полностью к свойствам его составных частей, в языковой системе – как такую ее единицу, которая представляет в ней некоторый класс текстовых ЭЛ-сущностей и может инстанцироваться любой из ЭЛ-сущностей этого класса.

3. М. Шаляпина

Языковые ЭЛ-сущности могут принадлежать к словарю (лексиону) или к грамматике. Различие между теми и другими сводится только к уровню *парадигматического обобщения*: в лексикон включаются языковые ЭЛ-сущности низшей ступени такого обобщения – те, непосредственными инстанциациями которых являются уже не языковые, но текстовые ЭЛ-сущности, в грамматику – ЭЛ-сущности более высоких степеней обобщения, инстанцируемые в тексте опосредованно – через единицы лексикона (переход к которым от тех или иных грамматических сущностей может, в свою очередь, быть опосредованным – через грамматические же сущности меньшей степени общности).

Все лингвистические явления трактуются как реализация свойств (атрибутов) тех или иных ЭЛ-сущностей, и лингвистическое описание в целом организуется как инвентарь – точнее, система инвентарей – языковых ЭЛ-сущностей различной степени общности. Каждой сущности сопоставляется в нем собственное отдельное описание – *статья* этой сущности, или *C-статья* (лексическая или грамматическая, в зависимости от типа описываемой сущности). В ней отображаются как свойства самой данной сущности (с указанием способов их реализации при ее инстанциации в текстах), так и ассоциируемые с этой сущностью свойства всех тех единиц текста, обобщением и представителем которых она может служить.

Принципиальная возможность распределения всего объема знаний о синтагматике естественного языка между описаниями (статьями) отдельных языковых сущностей в качестве знаний об их свойствах обеспечивается при этом тем, что ЭЛ-сущности – прежде всего те, которые относятся к лексиону, а через них также и грамматические – рассматриваются как результат не только парадигматического, но и синтагматического обобщения.

Под *синтагматическим обобщением* мы понимаем обобщение неэлементарных лингвистических единиц по признаку наличия в их составе общих компонентов, присутствием которых в той или иной степени обусловливаются также другие свойства обобщающей единицы.

Структурные валентности...

мых единиц. Каждая языковая сущность выступает при этом как представитель всех тех неэлементарных единиц текста, компонентами которых могут являться ее инстанциации, и как носитель всех тех свойств таких неэлементарных единиц, которые могут быть соотнесены с наличием в их составе этих инстанций, стоящих в той или иной структурной позиции.

Так, каждая лексема является в этом смысле обобщенным представителем всех своих словоформ, всех содержащих их словосочетаний, всех предложений, в которые могут входить эти словосочетания, всех сверхфразовых единиц, образуемых с участием этих предложений, и т.п. Морфологический показатель представляет все включающие его словоформы различных лексем, все словосочетания, содержащие такие словоформы, и т.д. Сущность, задающая тот или иной грамматический класс – например, некоторую часть речи, – служит представителем всех неэлементарных текстовых единиц (начиная со словоформ), в которых содержатся инстанции любой из лексем данной части речи.

К числу свойств неэлементарных единиц, носителем которых может быть ЭЛ-сущность как их обобщенный представитель, могут относиться как свойства этих неэлементарных единиц иметь определенные элементы в своем оформлении (выражении) и интерпретации (содержании), так и связанные с данной ЭЛ-сущностью предикции и ограничения, касающиеся других компонентов в составе и структуре представляемых ею неэлементарных единиц. Для отображения в лингвистическом описании знаний о таких предикциях и ограничениях и служит интересующее нас в данной статье понятие *структурной валентности* с задаваемыми ею валентностными (*B-*) свойствами языковой сущности.

Потенциальная схема организации лингвистических знаний любых типов при данном подходе, как видно из сказанного, может быть, вообще говоря, одной и той же для любой языковой сущности. Речь идет, впрочем, только о том, что в любую статью, какая бы (конкретная или обобщенная – грамматическая) сущность в ней ни описывалась, могут в принципе включаться любые элементы и

3. М. Шаляпина

типы знаний из этой единой схемы. Но каждая статья должна, разумеется, содержать только те знания, которые релевантны именно для данной сущности, так что конкретный набор типов этих знаний в статьях разных сущностей может быть различным, представляя собой всякий раз специфическую для данной сущности редукцию исходной универсальной схемы.

В единую систему массив таких статей объединяется посредством *отношений наследования*. Логически эти отношения представляют собой инверсию отношений обобщения и в сущностном описании языка определяются, как и обобщение, и в парадигматике и в синтагматике. *Парадигматическое наследование* идет от более общих сущностей к более частным. *Синтагматическое наследование* может быть двух типов: направленным либо *от части к целому* – от элементарных сущностей к неэлементарным, содержащим инстанциации первых на том или ином уровне своего членения, либо *от части к части* – от одного из компонентов неэлементарной текстовой единицы к другому ее компоненту того же уровня членения. Наследование от части к целому имеет место, например, между словоизменительными компонентами словоформы и самой словоформой, наследование от части к части – между разными словоформами в составе текста.

Итак, описание лингвистической синтагматики при сущностном подходе базируется прежде всего на понятиях структурной валентности и наследования валентностных свойств (*B-наследования*). Перейдем теперь к непосредственному рассмотрению данных понятий.

2. Общая характеристика понятия структурной валентности

В самом общем смысле структурная валентность некоторой текстовой единицы может быть определена как потенциальное свойство этой единицы вступать с другими единицами того же текста в синтагматическое отношение определенного класса, характеризующееся определенной интерпретацией и определенным оформлением. Все виды отношений, возможные в структуре

Структурные валентности...

текста, мыслятся, с данной точки зрения, как реализации структурных валентностей на эти отношения, имеющихся у тех единиц, которые являются в ней участниками данных отношений.

Структурная валентность языковой ЭЛ-сущности, в свою очередь, определяется как свойство этой сущности обуславливать при своей инстанциации в тексте появление соответствующей структурной валентности у той текстовой единицы, которая представляет собой или содержит в своем составе инстанциацию данной языковой сущности. В лингвистическом описании все виды структурных валентностей задаются в С-статьях тех языковых сущностей – конкретных (лексико-морфологических) или обобщенных (грамматических), – которые «отвечают» за появление данных валентностей в тексте. С-статьи и служат, таким образом, источником всех структурных валентностей текстовых единиц, которым исчисляемые в этих статьях валентности передаются с помощью механизмов наследования.

Лингвистические сущности, имеющие те или иные структурные валентности, ниже называются *носителями* этих валентностей. Языковые ЭЛ-сущности могут быть носителями валентностей, если они содержат их определение в своих С-статьях или наследуют их от более общих (грамматических) языковых ЭЛ-сущностей. Текстовые носители валентностей могут получать их от языковых сущностей, инстанцируемых ими самими, их компонентами или другими сущностями в составе того же текста.

О текстовой сущности, которая связана с сущностью C_0 – носителем некоторой структурной валентности V , синтагматическим отношением, реализующим эту валентность, мы говорим, что она *заполняет* валентность V и является в этом своем качестве (*структурным*) *спутником* сущности C_0 по валентности V . Способ оформления связи между сущностью-носителем валентности и ее структурным спутником по этой валентности называется *вариантом реализации* данной валентности.

Если сопоставлять понятие структурной валентности в нашем ско определении с общепринятыми в современной лингвистике

3. М. Шаляпина

понятиями синтаксической валентности и глубинного падежа, то оно является расширением и того и другого. Обеспечивается это прежде всего за счет отказа от трех групп ограничений, обычно соблюдаемых (хотя и не всегда провозглашаемых в явном виде) в традиционных валентностных и «падежных» описаниях. Именно:

- понятие структурной валентности не предполагает ограничений на тип и характер ни тех лингвистических сущностей, которые могут являться носителями таких валентностей, ни самих тех синтагматических отношений, которые могут описываться в качестве возможных реализаций этих валентностей;
- выбор сущности-носителя валентности на некоторое синтагматическое отношение (класс отношений) не увязывается однозначно с семантическими или формальными свойствами этого отношения (в том числе для ориентированных отношений – с их направлением) и не ограничивает принципиальный состав таких свойств, допустимый в описании соответствующей валентности;
- В-свойства, реализуемые в тексте той или иной единицей, не ограничены только теми, которые она может получить от непосредственно инстанцируемой ею языковой сущности, но в общем случае могут быть результатом сложного взаимодействия различных процессов множественного наследования, действующих как по парадигматической, так и по синтагматической оси языка и, возможно, отдельно для разных типов наследуемых свойств.

Рассмотрим каждый из этих трех моментов более подробно.

3. Типы и характер носителей структурных валентностей и реализующих эти валентности отношений

Для удобства дальнейшего изложения воспользуемся терминологией Многомерной Стратификационной модели языка (*МиС-модели*), как она описана в [Шаляпина 1982], [Shalyapina 1998].

МиС-модель представляет языковую компетенцию человека в виде многомерного лингвистического пространства, три базовые оси которого формируются функциями обозначения, членения и обобщения, выполняемыми языковыми знаками. На каждой из

Структурные валентности...

трех осей выделяется своя система уровней – resp., планов обозначения, ярусов членения и ступеней (сфер) обобщения, – и на каждом уровне определяются свои инвентарии лингвистических сущностей со своими специфическими атрибутами и соотношениями между собой и с сущностями смежных уровней. На оси обозначения предусматривается при этом не два, как обычно, но три основных уровня: к традиционным планам выражения и содержания добавляется промежуточный между ними *план языковых значимостей*, или *собственно знаковый план языка*. Для каждого из трех планов релевантны свои типы отношений членения и свой набор соответствующих синтагматических ярусов.

Сформулированный выше тезис об отсутствии ограничений на тип и характер носителей структурных валентностей на синтагматические отношения, а также на тип и характер самих задаваемых ими отношений в данных терминах сводится к следующему:

- носителями структурных валентностей на синтагматические отношения могут быть ЭЛ-сущности любого из трех языковых планов и любой из возможных в них ступеней обобщения;
- синтагматические отношения, которые могут быть заданы в терминах структурных валентностей, могут относиться к любому из синтагматических ярусов того языкового плана, в котором лежит сущность – носитель валентностей на эти отношения (включая ярусы, определяемые по соотношениям между смежными планами), если только эти ярусы не являются более низкими, чем тот, к которому относится сама данная сущность (см., впрочем, ниже о межъярусных валентностях).

С точки зрения оси обозначения, синтагматические отношения, представляемые той или иной структурной валентностью, должны лежать, разумеется, в том же плане этой оси, что и сущность – носитель данной валентности. Это, однако, не столько ограничение, сколько естественное следствие из тезиса об отдельности осей членения и обозначения как таковых.

В конечном итоге единственное требование, которому должны отвечать синтагматические отношения, чтобы они могли зада-

3. М. Шаляпина

ваться структурными валентностями, состоит в том, что связываемые такими отношениями сущности должны обладать свойством *совместной встречаемости*: способностью инстанцироваться в составе одного и того же текста в одном и том же плане оси обозначения и в рамках одного и того яруса оси членения.

В принципе можно было бы предусматривать и межъярусные структурные валентности – например, валентности более крупной сущности на свои компоненты. Это позволило бы, среди прочего, обобщить в рамках единой системы понятий обе современные системы представления структуры лингвистических единиц: систему зависимостей и систему составляющих. Здесь, однако, понятие структурной валентности интересует нас прежде всего применительно к структуре зависимостей. В ее рамках мы допускаем, впрочем, валентности сущностей того или иного яруса на границы образуемых ими единиц более высокого (объемлющего) яруса и валентности самих таких граничных сущностей на единицы, возможные в их контексте (в качестве их непосредственных или опосредованных соседей).

Рассмотрим теперь возможности валентностного описания синтагматики для каждого из трех основных языковых планов, уделив особое внимание плану языковых значимостей.

3.1. В плане выражения аппарат структурных валентностей может быть применен прежде всего для описания отношений, определяющих комбинаторные ограничения на совместную встречаемость фонологических (в письменной форме языка – графических) единиц в зависимости от их морфонологической (resp., морфографической) интерпретации. При этом ограничения на употребление, скажем, русской графемы *ж* при ее интерпретации в качестве реализации морфографемы *Д*, могут быть заданы как наличие у данной графемы в данной ее интерпретации валентности на границу морфы, за которой следует графема *у* как реализация морфографемы *УЮ* (*разбужу = разбуд- + УЮ*).

Подобное описание используется, в частности, в комплексе ЯРАП для моделирования морфонологии японского языка в той

части, в которой она отражается на письме средствами слоговой азбуки хирагана [Модина–Шаляпина 1996]. Графемам и комбинациям графем, допускающим альтернативные морфографические интерпретации (например, слоговым знакам, которые в разных интерпретациях содержат или не содержат внутри себя межморфную границу), приписаны в нем для каждой отдельной из этих интерпретаций морфографические валентности, задающие релевантные для данной интерпретации ограничения на ее графико-морфографический контекст. При появлении таких графем/комбинаций графем в анализируемом тексте для него строятся соответствующие альтернативные варианты его морфографического состава (с учетом реализованности в каждом варианте морфографических валентностей включаемых в него единиц), и поиск очередной морфы производится по каждому из полученных вариантов отдельно.

Так, графема *ん* имеет 4 интерпретации: *n*, *H*-, *B*-, *M*-, причем три последние из них имеют обязательную валентность на наличие непосредственно справа границы морфы, за которой следует графема *だ* да или *で* до, интерпретируемая как морфографема, resp., *ТАДА* и *ТЭДЭ* – элемент морфы прошедшего времени (resp., личного или деспричастного статуса) или итеративной формы глагола. Поэтому, скажем, в контексте *とんでもり* мондори «кувырок», данная графема получит только одну интерпретацию *n* (соответствующую ее исходному графическому коду), в то время как в контексте *とんで* тондэ – все четыре, из которых при словарном поиске будут отобраны две:

B- (тондэ как форма глагола *тобу* «лестать»; «прыгать») и *M*- (тондэ как форма глагола *тому* «быть богатым», «изобиловать»).

3.2. В плане содержания как выделяемые в нем сущности, так и синтагматические отношения между ними должны иметь, очевидно, смысловую природу. Для элементарных лингвистических сущностей данного плана – семантических элементов (примитивов) – возможность описания их сочетаемости в терминах их

3. М. Шаляпина

структурных валентностей была исследована в целом ряде аспектов [Шаляпина 1972, 1997], и здесь мы не будем останавливаться на этом сколько-нибудь подробно. Отметим только, что именно для данного плана в настоящее время наиболее широко представлены исследования принципиально сущностного направления, которые ведутся прежде всего в рамках когнитивной лингвистики и используют, в частности, такие понятия, как фреймы, сценарии и т.п.

3.3. План языковых значимостей отличается, по своему определению, тем, что его единицы, в противоположность единицам двух других планов, имеют принципиально двусторонний характер: соотносятся одновременно и с выражением и с содержанием. Это обуславливает большую разветвленность и детализированность их сочетаемости между собой. Именно в данном плане лежат поэтому наиболее существенные для языкового описания синтагматические ярусы: морфология (внутрисловная синтагматика), синтаксис как таковой, или межсловный (**MC-**) синтаксис (внутрифразовая синтагматика), и супрасинтаксис (межфразовая синтагматика).

Элементарными лингвистическими сущностями данного плана являются, очевидно, прежде всего лексемы и идиоматические лексические единицы. Однако при том определении лексикона, которое дано в п.1 – как инвентаря сущностей, допускающих непосредственную инстанциацию в виде своих текстовых коррелятов, – он имеет более широкий состав. Прежде всего, как и в порождающих грамматиках, он должен включать, помимо лексики, также морфологические показатели и категории. В письменной форме языка к лексикуму относятся также знаки препинания. Наконец, в качестве единиц лексикона могут трактоваться и *границные сущности* – элементы языка, соответствующие текстовым границам между смежными единицами одного и того же яруса¹. Ниже, если для единиц

¹ Заметим в этой связи, что способность некоторой сущности иметь текстовую инстанциацию в плане языковых значимостей отнюдь не равнозначна обязательному наличию у этой сущности эксплицитного коррелята в плане выражения: в собственно знаковой структуре текста могут, в частности, в явном виде присутствовать сущности (например, морфологические категории), имеющие «нулевое» выражение.

лексикона не требуется уточнять их тип, мы будем обобщенно называть их *лексико-морфологическими (ЛМ-)* сущностями. При рассматриваемом подходе любая из ЛМ-сущностей, включая пунктуационные и граничные, может нести собственные структурные валентности.

Грамматические сущности, определяющие более или менее широкие классы единиц лексикона, соответствуют в собственно знаковом плане признакам формальных лексико-морфологических и лексико-сintаксических классов этих единиц (типа частей речи и их подклассов), функциональных классов (типа членов предложения), а также классов, опирающихся на межплановые соответствия: лексико-семантических групп и полей, классов неоднозначности различных типов и т.п. Все они также могут нести В-свойства – те, которые релевантны для всех или во всяком случае для большинства сущностей соответствующего класса.

Синтагматические отношения, описываемые в терминах В-свойств, поскольку они связывают между собой сущности, имеющие двусторонний характер, в свою очередь, являются двусторонними – имеют свое содержание и (в каждом варианте реализации) свое выражение (оформление).

Что касается их ярусной принадлежности, то по принципам синтагматического обобщения, она уже не зависит от того, к какому именно ярусу принадлежит носитель валентности на то или иное отношение, лишь бы этот ярус не был выше, чем ярус самого отношения. С учетом этого элементарные собственно знаковые сущности могут в принципе иметь валентности всех трех основных ярусов данного плана: морфологические, синтаксические и супрасинтаксические. Более того, возможны и валентности, разные варианты реализации которых относятся к разным ярусам.

Так, аналитическое формообразование является собой очевидный пример реализации принципиально морфологических валентностей средствами МС-синтаксиса. В свою очередь, валентности собственно синтаксического типа, как это демонстрировалось еще в [Шаляпина 1975а, 1981], нередко допускают реализацию в виде межфразовых связей.

3. М. Шаляпина

Из этого следует, среди прочего, что МС-синтаксис занимает по отношению к двум другим базовым ярусам собственно знаковой структуры языка не просто промежуточную, но по сути центральную позицию: его сфера пересекается и с тем и с другим из этих ярусов, так что в его рамках должны быть представлены в какой-то части и механизмы каждого из них. Поэтому в данной работе, как и обычно в валентностных исследованиях, внимание будет сосредоточено на межсловных синтаксических отношениях и валентностях.

К ним относятся прежде всего отношения синтаксического управления» (= доминации) и *анафорические* отношения (содержанием которых чаще всего является кореферентность)¹. Первые образуют в предложении его структуру зависимостей, при обычных соглашениях о проведении стрелок имеющую вид дерева. Вторые, в свою очередь, образуют некоторое вырожденное дерево [Чехов 1980], которое накладывается на эту структуру.

Отношения управления обычно подразделяют на *сочинительные*, или координативные, и *подчинительные*, среди которых различаются *предикатно-аргументные* (актантные) и *модифицирующие* (атрибутивные): определительные и обстоятельственные.

В качестве особого типа отношений управления представляется полезным выделить *уточняющие*, или *спецификативные* отношения, которые, в отличие от сочинительных, задают не перечисление связываемых ими сущностей (дополняющее и расширяющее задаваемый ими набор объектов или ситуаций), но отождествление этих сущностей (конкретизирующее тот класс, в который входит один и тот же задаваемый ими объект или ситуация). Наиболее очевидным примером таких отношений является аппозиция (в том числе аппозитивные повторы)²:

¹ В той мере, в какой единицы собственно знакового плана могут обобщаться по их соотношению с планом содержания, в терминах их валентностей могут представляться и отношения преимущественно семантической природы, включая ассоциативные и энциклопедические. Эти типы отношений, однако, в данной работе не рассматриваются.

² Единицы, между которыми непосредственно устанавливается спецификативное отношение, выделены в примерах (1)-(3) сплошным подчеркиванием; формальные показатели этого отношения (дефис, тире, единицы типа *т.е.*, *а именно*, и др.) не подчеркиваются.

-
- (1) (а) девушка-футболист
(б) Значение переменной вычисляется по формуле I – формуле, которая впервые предложена в работе [Х].
(в) Причиной пожара была неосторожность сотрудников, а именно, курение рядом с легковозгорающимися материалами
- (2) (а) Он так и сделал – пошел прямо к директору
(б) Я обидел его – усомнился в его компетентности
(в) Он кое-что исправил, в частности, сменил заглавие

Тот же тип отношений можно усматривать, как представляется, и между множественными обстоятельствами одного семантического класса:

- (3) (а) Это произошло вчера утром, едва взошло солнце
(б) Столик стоит у него на даче наверху в угловой комнате

и т.д. Обычно в подобных случаях отдельные обстоятельства (выделенные здесь сплошным подчеркиванием) считаются связанными не друг с другом («последовательно»), но каждое отдельно с вершинным глаголом («параллельно»). Думается, однако, что «последовательная» трактовка таких структур и объединение устанавливаемых в них отношений с теми, которые имеют место в примерах групп (1)-(2), более точно отражает их содержание, поскольку оно сводится во всех случаях к уточнению того или иного объекта или явления¹.

Подчеркнем, что разграничение тех или иных типов синтаксических отношений не означает, что должны быть обязательно различные и реализуемые этими отношениями структурные валентности: как будет показано ниже, оно может быть связано с различием вариантов реализации одних и тех же валентностей.

¹ В качестве косвенного аргумента в пользу представления «множественных обстоятельств» такого рода как структур с последовательным, а не параллельным подчинением, укажем, что в языках, имеющих специальные средства оформления спецификации, – как в японском, где в этой роли используется частица *но*, – такие конструкции передаются именно путем их последовательного присоединения через данную частицу.

4. Выбор сущности – носителя структурной валентности

Сформулированный в конце п. 2 принцип свободы выбора носителя валентности относительно свойств реализующего ее отношения, в применении к МС-синтаксису определяет две основных возможности: *отделение* факта наличия МС-валентности у ее носителя от самих вводимых ею В-свойств – характеристик задаваемого ею МС-отношения – и *бинарность (двунаправленность)* валентностного представления такого отношения.

4.1. Отдельность МС-валентности от вводимых ею В-свойств означает, в частности, что идентификатор валентности не должен дублировать никакие элементы языковых знаний о задаваемом ею МС-отношении: все они – как о содержании, так и об оформлении этого отношения при его реализации – должны указываться в ее описании в явном виде. Это расширяет сферу валентностного описания синтаксиса в двух основных направлениях.

Во-первых, в отличие от системы семантизированных обозначений валентностей – глубинных падежей, – не требуется сводить интерпретацию любой валентности только к одному «падежу», а также следить за неповторяемостью «падежей» в обозначениях разных валентностей одной лексемы. Недостатки этих двух ограничений падежной системы рассматривались, например, в [Ruus-SpangHensen 1986], где предлагалось допускать включение в «падежную» характеристику синтаксического отношения одновременно двух «падежей», определяющих разные аспекты его семантики. Ясно, однако, что более универсальным решением является принципиальный отказ от априорного ограничения числа семантических признаков, допустимых для того или иного отношения, и использование для отношений такой же «скользящей» (фасетной) семантической классификации, как и для лексики. В результате валентность может характеризоваться по разным аспектам ее интерпретации, получая целый набор «падежных» признаков. Признаки разных валентностей – валентностно-семантические классы – могут при этом частично совпадать (как, например, в ситуации *перекричать*, где

кричат – т.е. выступают как агенты – оба участника, но один из них одновременно является и пациентом – испытывает воздействие другого участника). От таких признаков естественно требовать также согласованности с толкованием сущности-носителя валентности, а в идеале – формальной выводимости из него (см. [Шаляпина 1997]). Это позволило бы, с одной стороны, использовать признаки более высокой степени обобщения (вплоть до семантических примитивов), с другой – варьировать глубину рассмотрения валентностной семантики в зависимости от конкретного контекста.

Во-вторых, направление отношения, реализующего ту или иную валентность: от носителя данной валентности к его спутнику по ней или наоборот – предстает как один из типов сведений о варианте ее реализации и в разных случаях может быть различным. Ср.:

(4) (а) *смелость* ■ → *мысли*¹ или (б) *успех* ■ → *выступления*
где сущность-носитель валентности является «хозяином» своего спутника, и

(5) (а) *смелая* ■ ← *мысль*; (б) *успешно* ■ ← *выступил*
где она выступает как его «слуга» (зависимый член сочетания).

В этих примерах различие в направленности реализующего валентность отношения коррелирует с различием частеречной принадлежности ее носителя. Но это необязательно. Так, для глаголов направление реализации их субъектных (и, с учетом залога, объектных) валентностей может варьироваться в зависимости от значения категории предикативности (сказуемое vs. причастие / деепричастие):

(6) (а) *ребенок* ← ■ *бежит* vs. (б) *бегущий* ■ ← *ребенок*
а для сказуемых – также от типа содержащей их клаузы (главное vs. относительное придаточное предложение):

(7) (а) { *I* } *saw* ■ → *a dog*² vs. (б) *the dog* → { *I* } ■ *saw*

В именных же конструкциях аналогичное варьирование может

¹ Для наглядности валентности реализуемые в приводимых здесь и ниже примерах, обозначаются при их носителях символом ■, при котором может даваться также идентификатор выделяемой данным символом валентности.

² В фигурные скобки здесь и в дальнейших примерах ставятся те слова в их составе, которые не относятся к иллюстрируемым этими примерами конструкциям.

3. М. Шаляпина

вообще не сопровождаются какими-либо показателями, кроме порядка слов:

- (8) (a) { следующая } группа → студентов
(б) студенты → { следующей } группы

Как видим, в В-описание естественным образом включаются при данном подходе различные определительные, обстоятельственные и именные конструкции, а синтаксические свойства личных и причастно-деепричастных глагольных форм получают более однородное описание: как разные варианты реализации одних и тех же глагольных валентностей, связанные между собой не трансформационными правилами, но самим фактом единства этих валентностей.

Более четкий характер приобретает и противопоставление «сильного» и «слабого» управления, т.е. сочетаний с актантами (аргументами, комплементами) и с сирконстантами (адъюнктами, модификаторами). Именно: формальная синтаксическая категория сочетания в целом в обоих случаях определяется его вершиной, независимо от того, является ли та носителем реализуемой в нем валентности или спутником этого носителя по данной валентности. Содержание же отношения между членами сочетания – также в обоих случаях – определяется прежде всего носителем реализуемой валентности, независимо от того, является ли он «хозяином» (при «сильном» управлении) или «слугой» (при «слабом»).

4.2. Принцип бинарности валентностного представления МС-отношений тесно связан с их семантичностью как единиц собственно знакового плана языка. Как было показано еще в [Шаляпина 1975б], для отношений между элементарными семантическими единицами оба участника такого отношения в общем случае равноправны в своей способности предсказывать другого его участника. Соответственно, в той мере, в какой межсловные синтаксические отношения и связываемые ими слова допускают интерпретацию в терминах семантических элементов, выбор одного из слов-участников некоторого отношения в качестве носителя валентности на это отношение, в значительной степени условен.

В самом деле, если мы возьмем, скажем, сочетания типа:

(9) *профессор мыслит*

(читает/преподает/экзаменует/обсуждает/ объясняет и т.п.), трудно с определенностью сказать, какая из двух предикций является более сильной: предикция соответствующих глаголов – инстанциаций общей семантической сущности «интеллектуальная деятельность» – на то, что в роли их агента будет выступать существительное *профессор*, или предикция самого этого существительного на то, что оно будет употреблено в тексте как агенс некоторого вида «интеллектуальной деятельности».

Логично поэтому предусматривать принципиальную возможность описания каждого МС-отношения «с обоих концов» – в качестве одновременной реализации двух «встречных» структурных валентностей, resp., того и другого из его участников. Будем в этой связи говорить, что у одной из единиц, связываемых МС-отношением, имеется (и реализуется) *прямая*, или *актантная*, валентность на данное отношение, а у второй – *обратная*, или *контр-актантная*, валентность на то же отношение. Вторая единица, заполняя актантную валентность первой, является тем самым *актантом* этой первой единицы, а первая, в свою очередь, заполняя контр-актантную валентность второй единицы, является ее *контр-актантом*.

Таким образом, если единицы А и В связаны отношением *r*:

$$A \xrightarrow{r} B$$

то либо единица В является актантом сущности А, а единица А – контр-актантом единицы В, либо наоборот, А является актантом В, а В – контр-актантом А.

Упоминавшаяся в п. 4.1 проблема разграничения актантов (аргументов) и сирконстантов (адъюнктов) интерпретируется при этом как вопрос о том, валентность какой из двух связываемых зависимостью единиц определять как актантную, а какой – как контр-актантную. Лингвистической традиции здесь, по-видимому, в основном соответствует тот критерий, что актантная валентность, должна быть способна реализоваться (хотя бы в некоторых из возможных для нее вариантов) такими конструкциями с морфолого-синтакси-

3. М. Шаляпина

ческим управлением, где носитель валентности налагает более жесткие формальные ограничения на своего спутника, чем наоборот¹.

По этому критерию, валентности, например, глагольного предиката на его дополнения являются актантными, поскольку глагол предъявляет более жесткие требования к оформлению своих дополнений, чем сами эти дополнения – к форме реализации глагола. Точно так же, актантной является валентность обстоятельственного наречия на модифицируемый им глагол – хотя бы на том основании, что в некоторых из таких сочетаний наречие может определять глагольный вид. Ср.:

- (10) (a) *всегда/часто/долго делал*
vs. (б) **всегда/часто/долго сделал*

Напротив, валентности существительных на определенные типы отношений с подчиняющими их предикатами или с подчиненными им определениями (в частности, валентность слова *профессор* на выполнение функции агента при предикатах интеллектуальной деятельности или валентности слова *мяч* на атрибуты, определяющие его цвет, вес, упругость, назначение и т.п.) являются контр-актантными.

Из сказанного ясно, что когда в п. 4.1 мы говорили о валентностях в связи с противопоставлением сильного и слабого управления, имелись в виду только актантные, но не контр-актантные валентности. Таким образом, учитывая то, что сказано там об этом противопоставлении, конструкции с сильным управлением (предикатно-аргументные) в общем случае отличаются тем, что носители актантных валентностей выступают в них как их вершинные участни-

¹ Ссылки на требования морфологического согласования из данной формулировки исключены, поскольку иначе актантные валентности пришлось бы признавать у всех определяемых на все возможные при них определения, что противоречит обычному пониманию актантных конструкций. «В обратную сторону»: от актанта к носителю заполняемой им актантной валентности – согласование действует и в рамках такого, несомненно, актантного отношения, как отношение между сказуемым и подлежащим: сказуемое задает здесь требования управления, подлежащее – требования согласования. Таким образом, согласование, скорее, определяется носителем контр-актантной, а не актантной валентности на требующее его отношение.

ки, а носители контр-актантных валентностей – как зависимые. В слабоуправляемых конструкциях (адъюнктных), напротив, носители актантных валентностей выступают как зависимые, а контр-актантных – как вершинные.

При семантической определенности валентностей на МС-отношения общее число таких валентностей – как актантных, так и контр-актантных – для любой лексической сущности является конечным. При этом количество контр-актантных валентностей обычно тем больше, чем меньше у той же сущности актантных валентностей, и наоборот.

5. Наследование валентностной информации

Как уже указывалось, все В-свойства, проявляемые единицами текста, наследуются ими от инстанцированных в этом тексте языковых сущностей. При этом в зависимости от непосредственного источника наследуемых свойств, можно говорить о двух основных их типах:

- *собственные* В-свойства текстовой единицы – свойства, унаследованные ею от языковых сущностей, инстанциацией которых является она сама или какие-либо из ее составных компонентов;
- *контекстные* В-свойства, полученные текстовой единицей в результате переноса к ней (полностью или частично) В-свойств ее «соседей» по синтагматической структуре.

Рассмотрим те и другие свойства для единиц интересующего нас здесь яруса внутрифразового синтаксиса – словоформ.

5.1. Собственные валентностные свойства словоформы

Собственные валентности словоформы (как и любой другой неэлементарной текстовой сущности) определяются в общем случае в результате взаимодействия процессов множественного наследования, идущих в двух основных направлениях: от части к целому – когда целое наследует свойства компонентов, из которых оно конструируется, и от общего к частному – когда конкретная единица наследует свойства инстанцируемой ею более абстрактной единицы.

3. М. Шаляпина

5.1.1. В-наследование от части к целому для словоформы сводится к объединению и согласованию В-свойств лексемы и сопровождающих ее морфологических характеристик (если те имеются). Основную часть этих свойств несет, как известно, лексема, однако грамматические признаки могут их дополнять или модифицировать.

Так, признак сравнительной степени добавляет к валентностям адъективной лексемы еще две: V_1 – на объект, с которым происходит сравнение (*больше, чем X*), и V_2 – на степень различия сравниваемых объектов (*больше на 10 см*), – а для лексем, допускающих уточнение аспекта рассмотрения характеризуемого объекта, повышает «весовую» оценку валентности на такое уточнение (*больше по объему*). Признаки глагольного статуса не меняют набора предикатно-аргументных валентностей, вводимых лексемой, но задают для части из них свои варианты реализации. Например, валентность, которая для личной формы глагола требует оформления заполняющего ее спутника как подлежащего, для причастной формы требует его оформления как определяемого, а для инфинитивной – как косвенного дополнения (в русском языке обычно дативного), ср.:

- (11) (a) *Студент* ← пишет сочинение
(б) *Студент*, → пишущий сочинение
(в) {Вдвоем мы ухитрились вложить в его голову
достаточно премудрости, чтобы}
ему ← выдержать экзамен [СНД 1986, с. 268]

Залоговые признаки также, как известно, обеспечивают уточнение вариантов реализации валентностей, а в ряде языков, например, в японском, страдательный залог может вводить еще и дополнительную валентность (для нетранзитивных глаголов), как в примере:

- (12) карэ ва амэ ни фура – рэ – та
он NOM дождь DAT/INSTR идти PASS PAST
«он попал под дождь»

При описываемом подходе это означает, в частности, что такого рода сведения о наличии и/или вариантах реализации валентностей должны даваться в статьях не лексем или их классов, но самих морфологических признаков.

Если лексема получена путем словообразования или словосложения, ее В-свойства сами могут определяться как результат их наследования этой лексемой от ее компонентов. Наследование данного типа реализовано, в частности, для русской глагольной префиксации в модели русского синтеза системы ЯРАП [Kanovich–Shalyapina 1994, Шаляпина et al. 2001]. Оно имеет достаточно нетривиальный характер, поскольку при объединении В-свойств корневой лексемы и аффикса может происходить не просто «сложение» тех и других, но и более сложная их модификация. Так, в присутствии префикса *пере-* для лексем движения могут запрещаться некоторые комбинации отношений, допустимых без этого префикса, ср.:

- (13) (a) *прыгнул с берега через ручей*
vs. (б) **перепрыгнул с берега через ручей*
 (в) **перепрыгнул ручей с берега*

При сочетании с лексемами говорения тот же префикс запрещает реализацию их валентностей на содержание информации, а валентность на адресат замещает валентностью на объект (интерпретация которого, как отмечалось выше в п. 4.1, совмещает при этом признаки агента и пациента):

- (14) (a) *кричать что-либо кому-либо*
vs. (б) *перекричать кого-либо*¹.

5.1.2. В-наследование от общего к частному реализуется прежде всего как связь между языком и текстом – перенос к элементарным текстовым единицам В-свойств тех языковых ЛМ-сущностей, инстанциациями которых они являются. Оно же имеет место и внутри языковой системы – как наследование конкретными ЛМ-сущностями В-свойств обобщенно-категориальных сущностей, представленных в их иерархической классификации. В силу двусторонности и самих ЛМ-сущностей и релевантных для них синтагматических отношений, классификация эта может опираться как на формальные, так и на семантические основания.

¹ Подробное описание русской глагольной префиксации, выдержанное в целом в аналогичном ключе, но без определения формальных механизмов наследования, дано в [Кронгауз 1998].

3. М. Шаляпина

Источником структурных валентностей ЛМ-сущностей является прежде всего семантика этих сущностей. В идеале все такие валентности должны наследоваться лексической единицей от семантических элементов, включенных в ее толкование (так что их общее количество зависит в конечном итоге от степени сложности этого толкования). Так, если лексема *сообщить* толкуется как «действие <участника X>, приводящее к наличию <у участника Y> информации <с содержанием Z>», – то она наследует из него три актантные валентности: на субъект-источник информации (X), объект-адресат информации и объект-содержание информации, – все контр-актантные валентности, свойственные элементу «действие» (валентности на цель, причину, время, место и т.п.), а также те из контр-актантных валентностей других элементов толкования, которые не реализованы внутри самого толкования.

В отсутствие полного семантического описания в качестве обобщенных сущностей – носителей валентностей, наследуемых конкретными лексемами, могут служить различные синтаксические и лексико-семантические классы, в том числе частеречные.

Например, в статье «прилагательное» естественно вводить (актантную) валентность на определяемое и группу (контр-актантных) валентностей на приадъективное наречие. В статье «глагол» может вводиться (актантная) валентность на глагольный субъект и группа (контр-актантных) валентностей на обстоятельства, в статье «транзитив» – добавляться валентность на объект и т.д.

Семантическая интерпретация валентностей и семантические ограничения на заполняющие их единицы могут конкретизироваться как в статьях конкретных ЛМ-сущностей, так и в статьях их лексико-семантических классов. Скажем, в описании класса событийных глаголов их субъектную актантную валентность можно уточнить как агентивную, а объектную (если та имеется) – как пациентивную. Среди контр-актантных валентностей в описании того же глагольного класса можно дифференцировать валентности на обстоятельства причины, места и времени. В описании глаголов действия как подкласса предыдущего класса должна добавляться валентность на обстоятельство цели и т.п.

Носителями валентностей на координативные, спецификативные и анафорические отношения могут быть некоторые конкретные служебные ЛМ-сущности. Сочинительную валентность имеют, например, сочинительные союзы *и*, *а*, *но* и др., а также такие знаки препинания, как запятая (в одном из ее нескольких значений) и точка с запятой. Спецификативную валентность естественно приписывать единицам *т.е.*, *именно*, *в частности*, дефису, тире, двоеточию, запятой (в ее уточняющем значении) и др. Анафорическая валентность должна иметься у всех местоимений.

Но кроме того все эти виды валентностей могут индуцироваться (возможно, с меньшим «весом» предикций) и обобщенными грамматическими сущностями.

Так, поскольку практически любое знаменательное слово может сопровождаться в контексте тем или иным уточнением, а также само служить таким уточнением, спецификативные валентности обоих типов должны вводиться в статьях наиболее общих частеречных классов. Их следует задавать, например, в статьях «существительное» и «локативный предлог» с указанием немаркированного аппозитивного варианта их реализации: *мой друг юрист; на втором этаже в угловой комнате под кроватью*. В японском языке (как и в звуковой форме русского) допускается немаркированное сочинение некоторых числительных (*ни сан* «два-три, *го року* «пять-шесть» и т.п.), что является основанием для включения сочинительной валентности с данным вариантом реализации в статью класса, объединяющего эти числительные.

В общих статьях «существительное» и «глагол» должна, очевидно, вводиться и кореферентная анафорическая валентность.

Для представления стандартных средств оформления реализующих валентности отношений могут вводиться классифицирующие сущности особого рода – типы *валентностных реализаций* (ВР-типы). Они моделируют понятие члена предложения как определенный вариант (набор вариантов) реализации переменной валентности переменной лексемы. Например, может быть выделен ВР-тип «слово с предложным дополнением», объединяющий все ЛМ-сущ-

3. М. Шаляпина

ности, у которых хотя бы одна валентность хотя бы в одном варианте реализации заполняется спутником, оформленным как предложное дополнение. В его статье будут заданы свойства, общие для всех предложных дополнений – например, ограничения на позицию припредложной единицы по отношению к предлогу, а предлога – по отношению к единице-носителю реализуемой валентности, указания на допустимость/недопустимость непроективности и т.п. Конкретный предлог, как и другие ограничения, не имеющие столь общего характера, должны указываться, естественно, в соответствующих более конкретных статьях.

5.2. Контекстные валентностные свойства словоформы

Контекстное В-наследование (*KB-наследование*) представляет собой полный или частичный перенос В-свойств от словоформы к словоформе по цепочке структурных связей¹. При этом валентности одних словоформ «дублируются» в виде валентностей других таким образом, что реализация «дублирующих» валентностей в содержательном смысле может рассматриваться как реализация одновременно и исходных, «дублируемых» валентностей. Словоформы, которые передают свои В-свойства другим, мы называем *первичными носителями* этих свойств, или *KB-источниками*, словоформы, которые их приобретают и могут реализовать наравне со своими, – их *вторичными носителями*, или *KB-наследниками*. О валентности KB-наследника, «займствующей» свойства валентности KB-источника, говорится, что она является ее *KB-представителем* и находится с ней в отношении *KB-дублирования*².

¹ Ср. понятие «валентности-посетителя» (*visitor*) в теории Р. Хадсона [Hudson 1984].

² В [Шаляпина 1985] вместо *KB-дублирования* валентностей говорилось об их *кореферентности*. И то и другое передает суть явления не вполне точно. С одной стороны, при контекстном переносе валентности одного слова к другому она чаще всего не просто «дублируется» при этом другом слове, но «склеивается» с одной из его собственных валентностей (иногда частично вытесняя ее первоначальные свойства – см. ниже). С другой стороны, понятие кореферентности валентностей неуместно, если рассматриваемые валентности реализуются нереферентными единицами. За неимением лучшего, мы предпочитаем здесь поэтому более нейтральный термин *дублирование*.

5.2.1. Полное КВ-наследование приводит к расширению самого набора валентностей, имеющихся у слова-наследника. Для актантных валентностей такую способность проявляет, в частности, ряд слов – значений «синтаксических» лексических функций типа $Oper_i$, $Func_i$, $Labor_{ij}$. Ср.:

- (15) (а) *агитация, которую Петров вел среди избирателей*
(б) *борьба, которую женщины вели за право голоса*
(в) *полемика, которую Петров вел с Ивановым по вопросу о происхождении человека*
(г) *семинары, которые Петров вел у первокурсников по этой проблематике*
- (16) (а) *интерес, который Петров проявил к докладу*
(б) *забота, которую Петров проявил о родных друга*

Собственная модель управления лексико-функциональных (ЛФ-) глаголов *вести* и *проявить* включает две актантные валентности: субъектную («кто ведет/проявляет») и объектную («что ведется/проявляется»). Они во всех примерах групп (15) и (16) реализованы, resp., подлежащим и определяемым. Но каждый из двух ЛФ-глаголов сочетается здесь, как видим, также с одной (15а,б; 16а,б) или двумя (15в,г) предложными группами, причем их появление не предсказывается собственными В-свойствами ЛФ-глагола: оно индуцировано свойствами одного из его контекстных структурных спутников – определяемого. Это видно, в частности, из недопустимости присоединения к глаголу тех же предложных групп при других определяемых, ср.:

- (17) (а) * *агитация, которую Петров вел с Ивановым по этой проблематике*
(б) * *борьба, которую женщины вели у первокурсников по вопросу о происхождении человека*
(в) * *полемика, которую Петров вел за право голоса*
(г) * *семинары, которые Петров вел среди избирателей*
- (18) (а) * *интерес, который Петров проявил о родных друга*
(б) * *забота, которую Петров проявил к докладу*

Тем не менее структурно рассматриваемые предложные группы подчинены именно глаголу, поскольку целиком лежат внутри отно-

3. М. Шаляпина

сительного придаточного и отделены от определяемого границей клаузы. Таким образом, глагол «перетянул» здесь к себе валентности существительного-определяемого, полностью заимствовав от него их интерпретацию и оформление, но реализовав их при этом как свои.

Механизмы полного КВ-наследования ЛФ-глаголами валентностей своих аргументов могут, по-видимому, объяснить ряд случаев допустимой непроективности, позволяя свести их к проективным конструкциям. В самом деле, возьмем известный пример

(19) (a) *O докладе дала отзыв комиссия*

[Иорданская 1967, с. 17]

и сравним его с трансформами:

(б) *Отзыв, который дала о докладе комиссия*

(в) *Отзыв, данный о докладе комиссией*.

Ясно, что появление предложной группы *о докладе* обусловлено во всех случаях наличием существительного *отзыв*. Однако в трансформе (19б) эта группа в принципе не может быть подчинена данному существительному, поскольку они находятся в разных клаузах. Сопоставление трансформов (19б) и (19в) заставляет выбрать в качестве ее синтаксического «хозяина» в них ЛФ-глагол *дать*, т.е. постулировать наследование им валентности на рассматриваемую предложную группу от своего спутника по собственной – объектной – валентности данного глагола (реализованной здесь определяемым). Но тогда логично считать, что и в исходной фразе (19а) предложная группа подчинена не существительному, но глаголу, так что структура фразы проективна.

Не исключено, что непроективность удастся в результате свести только к таким специфическим ситуациям, как аналитические формы слов (*этот тезис был более понятным, чем тот*), конструкции с детерминантами (*написал такое письмо, что ...; та страница, которая здесь упомянута*) и т.п.¹

¹ Это, в частности, дало бы еще один аргумент в пользу психологической реальности в языковом сознании восприятия таких конструкций как единиц, в каком-то смысле целостных и допускающих на этом основании объединение в отдельный синтагматический ярус, образующий пограничную область между морфологией и синтаксисом.

5.2.2. Частичное КВ-наследование, в отличие от полного, затрагивает не количество валентностей слова-наследника, но только те или иные их характеристики: формальные и/или семантические.

КВ-наследование формальных требований к реализации валентностей свойственно, например, ЛФ-глаголам *состоять* и *сводиться*, ср.:

- (20) (а) *Утверждение защиты состоит в том (сводится к тому), что произошло простое недоразумение.*
(б) *Требование истца состоит в том (сводится к тому), чтобы ответчик компенсировал нанесенный ущерб.*

Если предлог, оформляющий связь глагола с придаточным, определяется здесь самим глаголом, то вводящий придаточное союз наследуется от валентности подлежащего, семантически дублируемой (представляемой) при глаголе его валентностью на это придаточное, ср.:

- (21) (а) *Утверждение защиты, что произошло недоразумение, выглядит надуманным.*
(б) *Требование истца, чтобы ответчик компенсировал ущерб, было признано справедливым.*

Однако чаще всего КВ-наследник заимствует от КВ-источника только семантическую интерпретацию наследуемой валентности и семантические требования к единицам, способным ее заполнять, а оформление этих единиц полностью определяется его собственными В-свойствами. Именно этот – *семантический* – вид частичного КВ-наследования реализуется в большинстве фразовых, модальных, каузативных и модусных конструкций.

Отметим, что КВ-наследование характерно не только для актантовых, но – возможно, в еще большей степени – и для контр-актантовых, особенно сирконстантных валентностей. Так, в сочетаниях предикатных имен с ЛФ-глаголами обстоятельственные валентности чаще всего реализуются именно при глаголе, ср.:

- (22) (а) *Прошлогодний эксперимент с использованием техники спектрального анализа дал интересные результаты*
(б) *Эксперимент, проведенный в прошлом году с использо-*

3. М. Шаляпина

ванием техники спектрального анализа, дал интересные результаты

- (в) *В прошлом году они провели эксперимент с использованием техники спектрального анализа.*
- (г) *Прошлогодний эксперимент был проведен с использованием техники спектрального анализа*

Как видим, и временное и инструментальное обстоятельства легко отрываются от существительного и «перехватываются» связанным с ним ЛФ-глаголом. Однако тем самым оказываются реализованными и соответствующие валентности существительного¹ – что видно из недопустимости их повторной реализации:

- (д) * *Вчера/в прошлом году был проведен прошлогодний эксперимент²*

В современной лингвистике явления, связанные с КВ-наследованием, изучаются преимущественно в рамках понятия контроля и грамматик Монтегю. Предметом изучения является при этом в основном частичное семантическое КВ-наследование, а соотношение КВ-наследника и КВ-источника рассматривается с точки зрения свойств КВ-наследника – как вопрос описания свойств предиката, «перетягивающего» на себя некоторую валентность своего структурного спутника, и определения по этим свойствам, какую/какие из валентностей и какого из своих спутников такой предикат контролирует (в наших терминах – КВ-дублирует, представляет как свои).

¹ Именно поэтому, надо полагать, для систем автоматического анализа вопрос о синтаксических «хозяевах» сирконстантов нередко оказывается непринципиальным: он важен для коммуникативной организации сообщения, но не для самой сообщаемой ситуации.

² Одновременное наличие обстоятельства, реализующего одну и ту же контр-актантную валентность, и при ее исходном носителе-существительном, и при ЛФ-глаголе возможно только как средство спецификации: (22e) *Прошлогодний эксперимент был проведен в декабре*. Однако в этом случае, как нам представляется, глагол наследует и реализует уже не обстоятельственную валентность существительного, но унаследованную им спецификативную валентность самого обстоятельства (см. об этом также п.6.2.3.2). Заметим попутно, что в контекстах типа *Вчераиний трехчасовой эксперимент*, где, на первый взгляд, могла бы усматриваться повторная реализация контр-актантной валентности событийного существительного на время события, на деле реализуются две разные его валентности: на момент времени и на длительность.

Однако характер и условия КВ-наследования определяются не только КВ-наследником, но и КВ-источником, который играет активную роль прежде всего при определении самого набора допустимых для него КВ-наследников и характера их связи с ним в структуре зависимостей. Это находит свое отражение, в частности, при применении понятия ЛФ в модели «Смысл↔Текст». Если слово-значение лексической функции наследует те или иные валентности слова, являющегося ее аргументом, этот факт задается непосредственно в статье аргумента – КВ-источника – добавлением к имени ЛФ индексов, идентифицирующих наследуемые ею валентности. Само же имя ЛФ (*Oper, Func, Labor, Caus, Incep, Magn* и т.д.) определяет, помимо всего прочего, структурное соотношение ее значения и аргумента.

Но аппарат ЛФ разработан в первую очередь для описания языковой идиоматики (лексической обусловленности), которая только пересекается со сферой КВ-наследования, не совпадая с ней полностью. Между тем свойства КВ-источника могут быть существенны и в случаях, когда КВ-наследник не является лексически обусловленным, а его семантика не сводима к той или иной ЛФ. Таковы, например, конструкции, где КВ-наследником служит глагол типа *грозить, ожидать* и др.: как показано в [Шаляпина 1985], для идентификации наследуемой таким глаголом валентности КВ-источника может требоваться учет валентностного семантического согласования между ним и КВ-наследником¹. К тому же и для конструкций с лексическими функциями возможны ограничения, не описываемые в терминах аппарата ЛФ как такового. Ср. хотя бы примеры (15-16) с явно ненормативными выражениями:

¹ Ср.: *X-у грозят потеряя кормильца* (X – субъект потери); *X-у грозит увольнение* (X – объект увольнения); *X-у грозит ампутация* (X – косвенный объект ампутации). Впрочем, какие-то лексические ограничения имеют место и для глаголов данной группы. Так, допустимо: *X-у грозит опасность*, – но не: **X-у грозит риск*, хотя, скажем, с глаголом *подвергаться* сочетаются оба существительных: *X подвергается опасности/риску*. В общем же случае глагол *подвергаться* более ограничен в своей сочетаемости: недопустимо, скажем, *подвергаться потере/гибели/поражению/позору*, хотя все эти слова совместимы с *грозить*.

3. М. Шаляпина

- (23) (a) * *занятия, которые он вел по математике*
(б) * *исследования, которые он вел языков Востока*
(в) ? *работа, которую он вел над диссертацией*

Представляется поэтому, что способность тех или иных сущностей участвовать в процессах КВ-наследования в роли источников наследуемых валентностей заслуживает самостоятельного изучения и должна составлять отдельный объект лингвистического описания.

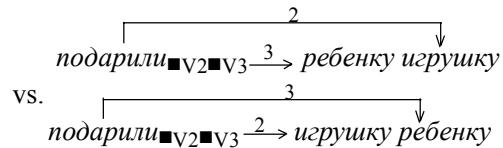
Более конкретно: поскольку при реализации валентности, унаследованной ее контекстным носителем от некоторого КВ-источника, тем самым реализуется, как уже отмечалось, и дублируемая ею валентность данного КВ-источника, само КВ-наследование предстает как способ реализации валентностей КВ-источника и может описываться для каждой валентности этого последнего наряду с другими вариантами ее реализации. В результате все варианты реализации валентностей могут быть собраны в едином описании, что могло бы явиться предпосылкой для разработки их общей типологии, включая общую классификацию КВ-наследников с учетом типов КВ-источников и самих наследуемых валентностей.

Рассмотрим некоторые из вариантов реализации, релевантных при таком интегрированном валентностном описании для актантных валентностей.

6. Возможности реализации межсловных валентностей с учетом контекстного валентностного наследования

Согласно сказанному выше о КВ-наследовании, валентность V сущности C_0 может реализоваться либо *прямо*, либо *косвенно*. При прямой реализации валентности V между ее носителем C_0 и его спутником $C_{\text{п}}$ по данной валентности устанавливается непосредственное («поверхностное») синтаксическое отношение. Косвенная реализация состоит в том, что C_0 вступает в некоторое синтаксическое отношение с другой единицей – КВ-наследником $C_{\text{квн}}$, – у которой в данном контексте реализована (свою очередь, прямо или косвенно) валентность $V_{\text{п}}$, являющаяся КВ-представителем при $C_{\text{квн}}$ валентности V . В общем случае для валентности может иметься несколько вариантов как прямой, так и косвенной реализации.

6.1. В рамках прямых вариантов реализации валентности V сущности C_0 определяются, как известно, такие В-ограничения, как классификационная (в частности, частеречная) принадлежность единицы C_{PV} , реализованной в качестве спутника C_0 по данной валентности¹ (*исполнение■V1* $\xrightarrow{1}$ *автора* vs. *авторское* $\xleftarrow{1}$ ■*исполнение*), морфологические характеристики C_{PV} (*исполнение■V1* $\xrightarrow{1}$ *автора* vs. *исполнение■V1* $\xrightarrow{1}$ *автором {его новой песни}*) и взаимное расположение в линейной цепочке C_{PV} и C_0 (*подарили■V3* $\xrightarrow{3}$ *ребенку {игрушку}* vs. *ребенку* $\xleftarrow{3}$ ■*V3* *подарили {игрушку}*), а также C_{PV} и спутников C_0 по другим валентностям:

Но помимо всего этого, важным элементом знаний о конкретном варианте прямой реализации валентности V является само направление реализующего ее синтаксического отношения: от спутника C_{PV} к носителю C_0 (*прямое направление*) или от носителя C_0 к спутнику C_{PV} (*обратное направление*). Хотя различия данного типа уже иллюстрировались в п. 4.1 примерами (6)-(8), они заслуживают дополнительного комментария.

Реализация валентностей в обратном направлении характерна прежде всего для атрибутивных конструкций, в частности, для конструкций с адъективными определениями. Но таким конструкциям

¹ В дальнейших примерах наследуемая валентность обозначается при ее источнике как ■ $V<x>$, где $<x>$ – индекс, идентифицирующий эту валентность в модели управления источником: номер для актантных валентностей, *s* для координативных, *s* – для спецификативных, *k* (возможно, с номером) – для контрактантных. Валентность, служащая КВ-представителем наследуемой, обозначается $V_{<y>}n(V<x>)$, где $<y>$ задает ее идентификатор в модели управления КВ-наследника. Обозначение вида \xrightarrow{x} идентифицирует синтаксическое отношение, реализующее валентность с индексом $<x>$, носителем которой является управляющий член конструкции. Обозначение вида $\xrightarrow{m<x>}$ идентифицирует отношение, реализующее валентность с тем же индексом, но носителем которой является зависимый член конструкции (= *modifier*).

3. М. Шаляпина

универсально свойственна, как известно, трансформируемость в конструкции с глаголом отождествления:

красный мяч ⇔ мяч является красным <объектом>

Смысл же конструкций последнего типа сводится к спецификации отождествляемых объектов. Можно сделать вывод, следовательно, что спецификация входит в качестве базового компонента в содержание самой той – атрибутивной – валентности, которая реализуется (resp., прямо и косвенно) в конструкциях обоих этих типов¹.

Соответственно, когда атрибутивной конструкцией реализуется валентность, которая изначально атрибутивной не является (как в причастных оборотах), в этом можно усматривать не просто мену направления реализующей ее синтаксической зависимости, но и переход к другому типу валентности (хотя и при том же носителе) – к валентности спецификации. Вариант реализации «от спутника к носителю» имеет тем самым *двойственный* характер: он является *прямым* в том смысле, что реализующее валентность отношение устанавливается непосредственно между ее носителем и его спутником по ней, но *косвенным* в том смысле, что реализация данной валентности происходит через некоторую другую, которая наследует ее семантические свойства, добавляя к ним свою собственную – спецификативную – интерпретацию.

Возможны, по-видимому, и другие типы двойственных вариантов реализации валентностей. К ним можно относить, например, «слитную» реализацию валентностей у предикатов соотношения/взаимного действия, ср.:

- (24) (a) *противопоставить один подход другому*
vs. (b) *противопоставить два подхода*

В (24a) обе валентности глагола *противопоставить* на противопоставляемые объекты реализованы прямым способом: resp., пря-

¹ В пользу этого говорит, среди прочего, то, что при направлении отношений «от спутника к носителю» заметно усиливается идентифицирующая функция конструкции. Так, если в сочетаниях *группа студентов, прочитать текст, бежит мальчик* зависимые существительные могут быть как определенными, так и неопределенными, то в трансформах, где они становятся вершинными: *студенты <этой> группы, прочитанный текст, бегущий мальчик*, – явно «предпочитается» определенность.

мым и дативным дополнением. В (24б) имеется только прямое дополнение, но оно «вбирает» в себя обе эти валентности. Таким образом, валентность, выраженная в (24а) дативом, здесь реализована через другую валентность того же слова.

6.2. В косвенных вариантах реализации валентности V ее носитель C_0 и его спутник C_{P_V} отделены в структуре друг от друга КВ-наследником C_{KBH} , представляющим валентность V через одну из своих валентностей V_n . Здесь существенны поэтому прежде всего типы и структурные функции релевантных для разных вариантов КВ-наследников.

6.2.1. О структурных функциях КВ-наследника C_{KBH} , участвующего в некотором варианте косвенной реализации валентности V сущности C_0 , требуется знать в первую очередь то, как C_0 связано с C_{KBH} в синтаксической структуре и как валентность V_n , служащая при C_{KBH} КВ-представителем валентности V , соотносится с его собственными валентностями.

Для актантных валентностей здесь возможны следующие основные варианты.

1. КВ-наследник C_{KBH} заполняет актантную валентность C_0 , причем ту же, которую наследует. Таковы стандартные *показатели сильного управления* – предлоги и союзы. Валентность V_n , представляющая при них наследуемую валентность V , обычно также стандартна: для предлогов это валентность на припредложную единицу, для союзов – на вводимое ими придаточное:

- (25) (а) *зависеть*■ $V_2 \xrightarrow{2} от■ $V_{2n}(V_2) \xrightarrow{2} результатов$$
- (б) *ожидать*■ $V_3 \xrightarrow{3} от■ $V_{2n}(V_3) \xrightarrow{2} сотрудников$$
- (в) *необходимо*■ $V_1 \xrightarrow{1} чтобы■ $V_{2n}(V_1) \xrightarrow{2} было {сделано следующее}.$$

2. C_0 заполняет актантную валентность своего КВ-наследника. Примеры КВ-наследников такого типа приводились выше в п. 5.2.: это лексические функции с индексами (прежде всего «синтаксические»), а также фазовые, модальные и другие предикаты, актантами которых могут быть КВ-источники, например:

3. М. Шаляпина

-
- (26) (a) Студент_{C_пV1} $\xleftarrow{1}$ ■V_{1п(V1)} опоздал $\xrightarrow{2}$ сдать ■v₁
 {сочинение}
(б) Победителя_{C_пV2} $\xleftarrow{2}$ ■V_{2п(V2)} наградили $\xrightarrow{3}$ премированием ■v₂
(в) Расхитителя_{C_пV3} $\xleftarrow{2}$ ■V_{2п(V3)} наказали $\xrightarrow{3}$ конфискацией ■v₃ {имущества}

В (26а) первая (субъектная) валентность V₁ глагола *сдать* реализована первой же (субъектной) валентностью V_{1п} глагола *опоздать*, у которого сам глагол *сдать* заполняет его вторую (объектную) валентность ($\xrightarrow{2}$). В (26б) вторая (объектная) валентность V₂ существительного *премирование* представлена объектной же валентностью V_{2п} глагола *наградить*, у которого существительное *премирование* реализует его третью валентность ($\xrightarrow{3}$). (26в) отличается от (26б) тем, что здесь КВ-наследнику *наказать* передана для реализации в виде его объекта не вторая, но третья валентность V₃ КВ-источника *конфискация*.

3. C₀ заполняет спецификативную (атрибутивную) валентность своего КВ-наследника, выступая в качестве его синтаксического модификатора. Таковы прежде всего деепричастные конструкции¹:

- (27) \downarrow
подготовившись ■v₁, студент C_пV1 $\xleftarrow{1}$ ответил ■V_{1п(V1)}
{на все вопросы}

4. C₀ заполняет сочинительную валентность своего КВ-наследника. Это стандартная ситуация сочинительного сокращения:

- (28) студент C_пV1 $\xleftarrow{1}$ подготовился ■V_{1п(V1)} \xrightarrow{c} и $\xrightarrow{2}$ ответил ■v₁ {на все вопросы}.

Как видно из примеров, во всех перечисленных четырех случаях КВ-представителем актантной валентности V_i КВ-источника служит одна из актантных же валентностей V_{jп(Vi)} КВ-наследника. Но возможно и КВ-наследование со сменой типа наследуемой валентности:

¹ Выше отмечалось, что для письменного языка самостоятельными сущностями являются, в частности, знаки препинания. В принципе их следовало бы поэтому также включать в общую систему носителей валентностей и КВ-наследников. Здесь этого не делается только из соображений наглядности.

5. C_0 заполняет актантную валентность КВ-наследника, но наследуемая от C_0 валентность представляется не чисто актантной, а спецификативной (атрибутивной) валентностью V_{sp} КВ-наследника:

$$(29) \text{существо}_{CnV1} \xrightarrow{\text{ms}} \text{способное}_{\blacksquare V_{sp}(V1)} \xrightarrow{2} \text{мыслить}_{\blacksquare V_{sp}}$$

6.2.2. Набор КВ-наследников, допустимых для некоторой валентности V сущности C_0 , может задаваться в описании этой валентности в статье C_0 либо прямым их перечислением (если их выбор обусловлен лексически), либо признаками, выделяющими требуемый их класс по формальному и/или семантическому типу их самих или той из их валентностей, которая представляет при них валентность V .

Так, КВ-наследники, resp., 2-й валентности слова *премирование* и 3-ей валентности слова *конфискация* сходны в том, что имеют (или хотя бы допускают) валентность на «объект воздействия», но различны в том, что для первых это воздействие характеризуется как «положительное», а для вторых – как «отрицательное» (негативное). Различны могут быть, естественно, и КВ-наследники разных валентностей одной единицы. Так, первую (субъектную) валентность слова *конфискация* («кто конфискует») могут наследовать только слова, которым свойственна валентность активного действия (которая и представляет при них наследуемую валентность): *осуществить*, *произвести* <конфискацию>; *опоздать*, *успеть* <с конфискацией> и т.д. Третью же валентность того же слова («у кого конфискуют») могут наследовать совсем другие единицы: *подвергаться*, *грозить*, *опасться* и т.п. – те, что имеют валентность на «объект отрицательного воздействия». Обе валентности могут, впрочем, передаваться одному и тому же КВ-наследнику – но только в случае, если он либо изначально имеет валентности и с той и с другой интерпретацией (как слова *наказать* {кого-либо конфискацией}, *приговорить* {кого-либо к конфискации}), – либо способен присоединить валентности недостающего типа, как *требовать* (с дополнительной валентностью «для кого требуют {конфискации}»).

Таким образом, для описания вариантов косвенной реализации валентностей нужна, в частности, валентностно-семантическая клас-

3. М. Шаляпина

сификация языковых единиц, способных выступать в роли KB-наследников¹.

6.2.3. Другие типы лингвистических знаний, требуемые в таком описании, в самом общем виде сводятся к ответам на два вопроса:

- 1) каким образом соотносятся свойства валентности V_p – KB-представителя наследуемой валентности V при ее KB-наследнике со свойствами самой валентности V ;
- 2) каким образом факт KB-дублирования валентности V при данном KB-наследнике влияет на свойства самой валентности V как характеристики ее исходного носителя.

6.2.3.1. Свойства валентности V_p зависят уже от того, добавляется ли она в модель управления KB-наследника C_{KB} как его дополнительная валентность или в функции V_p выступает одна из его исходных валентностей.

Если валентность V_p добавляется к валентностям C_{KB} , то ее семантика, естественно, полностью заимствуется от дублируемой ею валентности V . Но варианты реализации V_p при C_{KB} могут как совпадать с вариантами реализации V при ее источнике C_0 , так и отличаться от них –ср. приводившиеся выше примеры (15)-(16) с примером:

(30) (a) *конфискация■V3* $\xrightarrow{3}$ *у преступника*
{нечестно нажитого имущества}

vs.

2

(б) *требовать■V4p(V3)* $\xrightarrow{4}$ *для обвиняемого конфискации■V3 {имущества}*

Могут появляться также дополнительные ограничения на совместимость заимствованной валентности с собственными валентностями KB-наследника, как в случае:

(в) *?требовать от суда для обвиняемого конфискации имущества и т.п.*

¹ См. в этой связи понятие валентностно-семантического класса, как оно определено в [Шаляпина 1972, 1997].

Более сложным образом определяются свойства валентности V_p , если ее роль выполняет одна из исходных валентностей V_i KB-наследника.

В частности, если семантическая интерпретация V_i противоречит интерпретации V , то в V_p она ею «вытесняется». Так, при употреблении предлога в функции идиоматического показателя сильного управления интерпретация, которую его валентность на придложное существительное имеет при его самостоятельном употреблении, замещается интерпретацией реализуемой в данном контексте валентности управляющего предиката, а атрибутивная валентность вытесняется контр-актантной валентностью на этот предикат. Полное вытеснение собственной семантики валентности, представляющей наследуемую валентность, нередко происходит и в случае «сингексических» ЛФ – в этом, по-видимому, источник оговорок типа *играть значение*, как и аналогичных ошибок в предложном управлении.

Если противоречия в интерпретациях V и V_i нет, то они, по-видимому, могут комбинироваться. Но возможности и условия такого комбинирования пока еще практически не изучены¹.

Формальные требования к реализации V_p , напротив, лишь изредка учитывают отдельные свойства V (см. пример (20)). Обычно же для V_p сохраняются все те же варианты реализации, что и для V_i – разве что с некоторыми более или менее стандартными модификациями этих исходных требований².

Одним из следствий этого является *транзитивность KB-наследования*: способность KB-наследника передавать унаследованную им валентность V дальше по структурной цепочке, в соответствии с воз-

¹ В качестве одной из немногочисленных попыток такого изучения стоит назвать работу А.К. Костыркина о японских деепричастных конструкциях [Костыркин 2001].

² К таким стандартных модификаций относятся, например, более жесткие ограничения на позицию «сильноуправляемых» предлогов по сравнению со «слабоуправляемыми»; в английском языке – большая грамматичность их «отрывов» от придложного существительного в атрибутивных конструкциях (ср.: *the person I waited for* «человек, которого я ждал» vs. **three days I waited for* «три дня, в течение которых я ждал») и т.п.

3. М. Шаляпина

можностями косвенной реализации той его валентности V_{π} , которая представляет при нем валентность V .

В результате возможна реализация «по транзитивности» как актантных и спецификативных, так и контр-актантных валентностей. Примером последнего является, по-видимому, известное явление «переноса отрицания» (NOT-transportation), как в примере:

(31) *I do not suppose Peter wants John to come until morning.*

Глагол *come* передает здесь свою контр-актантную валентность на отрицание (реализация которой является необходимым условием употребления при этом глаголе предлога *until*) управляющему им глаголу *want*, а тот, в свою очередь, глаголу *suppose*, при котором она, наконец, и реализуется в прямом варианте.

Другой яркий случай транзитивного КВ-наследования является собой наследование актантных валентностей в виде спецификативных (атрибутивных) с их дальнейшим «подъемом» по цепочке синтаксических связей¹:

(32) *Бегемот*_{C_пV1} $\xleftarrow{1}$ *страшит*_{■V_{1пп}(V1)} $\xrightarrow{2}$
*непредсказуемостью*_{■V_{сп}(V1)} $\xrightarrow{1}$ *поведения*_{■V1}

Поведение может здесь передать свою актантную валентность V_1 лексеме *непредсказуемость* только как спецификативную (V_{sp}), поскольку единственная актантная валентность этой лексемы уже реализована самим словом *поведение*. На следующем шаге V_{sp} наследуется словом *страшит* вновь как актантная ($V_{1пп}$) и реализуется его субъектом.

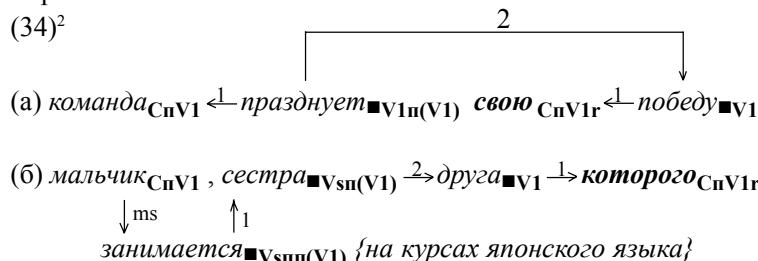
(33) {*The*} *problems*_{C_пV2} \xrightarrow{ms} {*everybody*} *knows*_{■V_{сппп}(V2)} $\xrightarrow{2}$
{*we*} *will*_{■V_{сппп}(V2)} $\xrightarrow{2}$ *have*_{■V_{сп}(V2)} $\xrightarrow{2}$ *to*_{■V_{сп}(V2)} $\xrightarrow{2}$ *solve*_{■V2}
букв.: «проблемы, которые все знают, что мы должны будем решить».

¹ Для наглядности в примерах (32)-(36) перенос валентности к очередному ее КВ-наследнику отмечается добавлением в обозначение ее КВ-представителя при нем еще одной буквы *п*. Так, $V_{1пп}$ означает, что валентность с индексом 1 служит не просто представителем наследуемой валентности при своем носителе, но «представителем представителя» ее исходного экземпляра. Точно так же, $V_{сппп}$ – это спецификативная валентность, которая является «представителем представителя» исходной валентности и т.д.

Наличие спецификативной валентности, представляющей объектную валентность V_2 глагола *solve*, у всех единиц, которым она здесь приписана, подтверждается, среди прочего, допустимостью ее прямой реализации при каждой из них, ср.: *the problems we will have to solve; the problems we have to solve; the problems to solve*.

6.2.3.2. Относительно *свойств самой валентности V*, косвенно реализуемой при КВ-наследовании через валентность V_{Π} КВ-наследника, важно знать прежде всего то, в какой мере V сохраняет при этом способность реализоваться и прямым способом – при своем исходном носителе C_0 .

В случае показателей сильного управления наследуемая валентность, разумеется, утрачивает эту способность, поскольку заполняется самим КВ-наследником. Но в других случаях наличие КВ-наследника формально ее не затрагивает и она может в принципе получить также прямую реализацию. Влияние факта КВ-наследования проявляется при этом в том, что для актантных валентностей такая реализация может быть только редуцированной – местоимен-ной¹. Ср.:

Иначе ведут себя контр-актантные валентности – валентности актанта на определенный тип связи с предикатом. В принципе они, как и актантные, во избежание семантической избыточности реализуются при одном носителе только один раз. Однако возможны кон-

¹ Этим КВ-наследование отличается, в частности, от ситуаций обычной анафоры, которая возможна и с неместоименными единицами.

² Редуцированный вариант структурного спутника, представленный непосредственно при КВ-источнике, выделен здесь добавлением в сопровождающий его индекс буквы г.

3. М. Шаляпина

тексты, где для некоторой контр-актантной валентности V_k единицы C_k можно усмотреть одновременно две реализации: предикатом C_1 , при котором сама единица C_k реализует соответствующую его актантную валентность V_i прямо (как в примере (35a)), или косвенно (как в (35б)), и предикатом C_2 , при котором C_k реализует одноименную актантную валентность V_{r1} , двойственным (атрибутивным – см. выше п.6.1) способом, как в (36):

(35) (a) *помощь■V1=CnV_k* $\xrightarrow{1}$ *доцента■V_k=CnV1=CnV_{r1}* {Иванова},
 \swarrow
 консультировавшего■V_{r1}=CnV_k {автора по ряду вопросов}

(б) {автор} благодарен■V_{2n(V1)} $\xrightarrow{3}$ за помощь■V1=CnV_k

\downarrow
доценту■V_k=CnV1=CnV_{r1} {Иванову},
 \downarrow

консультировавшему■V1=CnV_k {его по ряду вопросов}

(C_k здесь – доцент, C_1 – помощь, C_2 – консультировавший).

(36) {Уже} обработанную■CnV_k=■V2 $\xleftarrow{m2}$ деталь■V_k=CnV2=CnV_{r2}

\uparrow_2

{затем} обрабатывают■V2=CnV_k {вновь}

(C_k – деталь, C_1 – обрабатывать, C_2 – обрабатываемый).

Ни анафоры, ни местоименной редукции здесь, как видим, нет. Зато конструкции, реализующие некоторую контр-актантную валентность V_k одновременно двумя разными предикатами C_1 и C_2 , допускают синонимическое перефразирование в конструкции, где между C_1 и C_2 устанавливается либо спецификативное, либо сочинительное отношение. Ср., resp., (35а,б) с (37а,б) и (36) с (38):

(37) (а) помощь доцента Иванова \xrightarrow{s} – консультирование
 автора по ряду вопросов

(б) Автор благодарен доценту Иванову,
помогавшему {ему в работе} \xrightarrow{s} – консультировавшего
 его по ряду вопросов

(38) Деталь уже обработали \xrightarrow{c} но/и затем обрабатывают вновь

Это дает основания полагать, что в примерах типа (35)-(36) – как и в приводившемся в сноске к п. 5.2.2 примере (22е) – на деле

имеет место не двойная реализация одной и той же контр-актантной валентности, но сочетание реализации (прямой или косвенной) ее самой с косвенной реализацией, resp., спецификативной или сочинительной валентности единицы, реализующей данную контр-актантную валентность.

7. Валентностное описание синтагматики как основа моделирования анализа и синтеза естественно-языковых текстов

С точки зрения компьютерного моделирования естественного языка, последовательно валентностное описание языковой синтагматики на базе понятия лингвистической сущности отличается тем достоинством, что оно может быть полностью представлено в терминах переменных и ограничений на их значения. В результате, как показано в [Костыркин 2000], задачи автоматической обработки естественно-языковых текстов могут быть определены как вид так наз. задач удовлетворения ограничений (Constraint Satisfaction Problems).

В самом деле: уже сама элементарная языковая сущность в своей классифицирующей функции – как результат синтагматического и парадигматического обобщения – представляет собой в общем случае многоуровневую переменную, область значений которой распадается на ряд подмножеств, соответствующих синтагматическим ярусам описываемого языка. Иначе говоря, это суперпозиция переменных, определенных каждой на своем подмножестве (ярусе) таких значений. Так, лексема, взятая в качестве переменной морфологического яруса, определена на множестве своих словоформ, а в качестве переменной синтаксического яруса – на всем множестве неэлементарных синтаксических единиц, которые могут быть сформированы в результате установления отношений МС-яруса между словоформами данной лексемы, с одной стороны, и другими словоформами текста, с другой. Структурные валентности, в терминах которых определяются синтагматические отношения каждого яруса, задавая некоторый набор вариантов своей реализации, предстают тем самым как переменные над множеством этих вариантов. Каждый вариант реализации некоторой валентности языковой сущности, за-

3. М. Шаляпина

данный в ее описании, при соотнесении этого описания с текстом выступает, в свою очередь, как переменная над множеством всех альтернативных способов наложения описания данного варианта на тот или иной контекст. Прямые варианты реализации сводятся при этом к определению в качестве такой переменной структурного спутника данной сущности по данной валентности. Косвенные варианты определяют более или менее сложное сочетание переменных, в котором, помимо самого этого спутника, участвуют контекстные наследники и, возможно, другие диагностирующие данный вариант элементы контекста.

Множество допустимых для каждой переменной значений задается при этом в виде ограничений на соответствующие значения. Частным случаем таких ограничений может быть прямое перечисление всех возможных значений – например, включение в статью некоторой языковой сущности перечня всех релевантных для нее валентностей определенного яруса. Другой стандартный тип ограничений состоит в требовании наличия у значения рассматриваемой переменной определенных характеристик. Так, множество значений переменной сущности, задающей некоторый грамматический класс, ограничено требованием, чтобы лексемы данного класса имели его признак в своей статье. Описание прямого варианта реализации валентности некоторой сущности состоит в общем случае в исчислении ограничений на морфологические, классификационные, семантические и позиционные свойства спутника данной сущности по этой валентности (см. п. 6.1). Могут даваться и лексические ограничения – список конкретных лексем, чьи словоформы предпочтительны в качестве такого спутника. В описании косвенного варианта реализации те же виды ограничений могут налагаться на типы участвующих в данном варианте КВ-наследников и других релевантных для него элементов текста.

Важную роль в организации различных видов валентностных ограничений при рассматриваемом подходе играет последовательное отделение ограничений, изначально указываемых в С-статьях, инстанцируемых той или иной текстовой сущностью, – ее собственных В-свойств – от свойств, наследуемых ею в контексте от других

его элементов. Это дает возможность, среди прочего, достаточно гибко описывать показатели сильного управления, «синтаксические» ЛФ и другие единицы, способные, когда они выступают в роли КВ-наследников, приобретать иные, нежели в их исходных значениях, семантические и синтаксические свойства.

В частности, если такие контекстно-зависимые свойства этих единиц соотносятся с их собственными свойствами регулярным образом, для их описания не обязательно выделять отдельные «служебные» значения соответствующих единиц. Достаточно иметь С-статьи только для собственных, «знаменательных» значений таких единиц и моделировать возможные для них контекстные изменения за счет механизмов КВ-наследования – как вид контекстной полисемии. Сам порядок применения этих механизмов также может быть достаточно гибким: они могут включаться как немедленно по обнаружении в тексте потенциального КВ-наследника, так и на более поздних этапах анализа этого текста. В первом случае исходный набор языковых С-статьей соответствующей единицы будет сразу же дополнен их добавочными контекстно- зависимыми вариантами, так что в процедурах анализа все они смогут обрабатываться как равноправные альтернативы. Во втором случае обращение к контекстным вариантам исходных С-статьй может реализоваться, например, как «переинтерпретация» по ходу анализа связей, установленных на основе собственных свойств рассматриваемых единиц. Тем самым на базе данного подхода реализуема, в частности, модель «дуального анализа» [Dowty 2000], – но не в качестве особого способа организации собственно языковых знаний (= языковой компетенции), а в виде одного из возможных методов обращения к этим знаниям при моделировании того или иного типа речевой деятельности.

Представление всех языковых знаний как переменных и ограничений на их значения обеспечивает также еще одну важную особенность описываемого подхода – возможность последовательного отделения в его рамках содержательных знаний о языковой синтагматике от эвристик, служащих для управления порядком их применения при обработке текста. Поскольку суть таких эвристик сводится в конечном итоге к предпочтительности выбора того или иного из

3. М. Шаляпина

альтернативных вариантов такой обработки, они могут быть сведены к весовым оценкам самих используемых при этом ограничений. Для отдельных языковых сущностей такие оценки могут характеризовать, например, степень допустимости/характерности их инстанциаций в обрабатываемом тексте; для валентностей этих сущностей – степень обязательности их реализации в тексте; для вариантов реализации отдельной валентности – их относительную предпочтительность для данной валентности; для ограничений того или иного типа в пределах отдельного варианта реализации валентности – степень их облигаторности для данного варианта (т.е., в частности, допустимость ослабления соответствующих требований при работе с «неграмматичными» входными данными). Оценки такого рода естественным образом интерпретируются в статистических терминах, что создает очевидную возможность учета в процедурах обработки текстов тех аспектов языковой самокоррекции, которые состоят в «настройке» по мере работы с текстом на предпочтаемые его автором выражения и конструкции.

В заключение подчеркнем еще раз универсальность тех математических понятий – переменных и ограничений на их значения, – в которых, как мы попытались показать, может быть полностью и притом естественным образом представлено описание языковой синтагматики как совокупности валентностных свойств лингвистических сущностей различных типов и уровней. Тот факт, что эти понятия оказываются достаточными для математического моделирования описаний данного типа, означает, в частности, что при использовании таких описаний в моделях автоматической обработки текстов требуемые модели могут разрабатываться с привлечением всего математического инструментария, разработанного для задач удовлетворения ограничений, независимо от того, на материале какой области знаний этот инструментарий создавался.

В частности, в модели автоматического синтаксического анализа, предложенной А.К.Костыркиным [2000], впервые использован метод М. Гинсберга, позволивший существенно повысить эффективность обработки неоднозначных конструкций, в том числе так наз. «предложений заблуждения» (garden path sentences). Данный метод

широко применяется в связи с различными нелингвистическими задачами искусственного интеллекта, но до сих пор не получал своей интерпретации при моделировании естественного языка. Между тем очевидно, что естественно-языковые механизмы не могут быть полностью отличны от механизмов работы со знаниями других типов, но должны опираться на какие-то общие подходы и принципы. Такие образом, существенный подход к описанию языковой синтагматики обеспечивает расширение возможностей компьютерной лингвистики в этом отношении и ее более полную интеграцию в общую сферу моделирования механизмов обработки и накопления знаний.

Литература

- Андреев et al. 1959 – *Андреев Н.Д., Берков В.П., Засорина Л.П.* Исчисление валентностей при переходе от входного языка к языку-посреднику // Тезисы совещания по математической лингвистике. М., 1959. С. 72.
- Апресян et al. 1989 – *Апресян Ю.Д., Богуславский И.М., Иомдин Л.Л. и др.* Лингвистическое обеспечение системы ЭТАП-2. М.: Наука, 1989.
- Граудина et al. 1975 – *Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П.* Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М.: Наука, 1976.
- Жолковский–Мельчук 1969 – *Жолковский А.К., Мельчук И.А.* К построению действующей модели языка «Смысл↔Текст» // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып.11. М., 1974. С. 5-35.
- Золотова 1988 – *Золотова Г.А.* Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988.
- Иорданская 1967 – *Иорданская Л.Н.* Автоматический синтаксический анализ. Новосибирск: Наука, 1967.
- Кацнельсон 1948 – *Кацнельсон С.Д.* О грамматической категории // Вестник ЛГУ. 1948. № 2. С.114-134.
- Костыркин 2000 – *Костыркин А.К.* Применение технологий ограничений в синтаксическом анализе предложения // Труды международного семинара ДИАЛОГ 2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Том 2. Протвино, 2000. С.199-208.
- Костыркин 2001 – *Костыркин А.К.* Конструкции на -ТЭ/-ДЭ как ис-

3. М. Шаляпина

точник синтаксической неоднозначности в японском языке // Труды международной конференции «Японский феномен: взгляд из Европы». М.: ИВ РАН: Российская ассоциация японоведов, 2001 [в печати].

Кронгауз 1998 – Кронгауз М.О. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

Мельчук 1974 – Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл↔Текст». М.: Наука, 1974.

Модина–Шаляпина 1996 – Модина Л.С., Шаляпина З.М. Принципы анализа японских текстов при моделировании японской лексико-морфологической системы // Труды международного семинара ДИАЛОГ '96 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 1996. С. 169-174.

Модина–Шаляпина 1997 – Модина Л.С., Шаляпина З.М. Лексико-грамматическая классификация японских лингвистических сущностей и ее функции в модели японско-русского автоматического перевода ЯРАП // IV Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Часть I. М.: ИСАА, 1997. С.142-150.

Падучева 1975 – Падучева Е.В. Некоторые проблемы моделирования соответствия между текстом и смыслом в языке // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка, 1975. Т.34. № 6. С. 548-559.

СНД 1986 – Судьбы наших детей. М.: Радуга, 1986.

Труб 1975 – Труб В.М. К проблеме обнаружения нестандартно оформленных валентностей предиката на этапе семантико-синтаксического анализа при машинном переводе // Международный семинар по машинному переводу. М.: ВЦП, 1975. С.126-128.

Чехов 1980 – Чехов А.С. Проблемы описания кореферентных и анафорических отношений в языке. АКД. М.: МГУ, 1980.

Шаляпина 1972 – Шаляпина З.М. Семантические элементы как основа лексикографического описания: общие принципы и формальный аппарат // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып.15. М.: МГПИИ им. М.Тореза, 1972. С. 54-98.

Шаляпина 1974а – Шаляпина З.М. Англо-русский многоаспектный автоматический словарь (АРМАС) // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып.17. М.: МГПИИ им. М.Тореза, 1974. С. 7-67.

Шаляпина 1974б – Шаляпина З.М. Семантико-синтаксический ана-

Структурные валентности...

лиз в системе англо-русского автоматического перевода (АРАП) [ПГЭПЛ, вып.47]. М.: ИРЯ АН СССР, 1974.

Шаляпина 1975а – Шаляпина З.М. О соотношении синтаксиса связного текста с синтаксисом предложения // Вопросы методики использования текста в обучении иностранным языкам. М.: МГПИИЯ им. М.Тореза, 1975. С. 217-225.

Шаляпина 1975б – Шаляпина З.М. Вопросы организации и записи семантической информации в автоматическом словаре. АКД. М.: МГПИИЯ им. М.Тореза, 1975.

Шаляпина 1980 – Шаляпина З.М. Макет лингвистического обеспечения системы японско-русского автоматического перевода ЯРАП: общая структура и основные компоненты. М.: ИВ РАН, 1980 [Деп. в ИНИОН АН СССР].

Шаляпина 1981 – Шаляпина З.М. Межфразовые связи как способ реализации лексических валентностей // Аспекты изучения текста. М.: УДН, 1981. С. 80-87.

Шаляпина 1985 – Шаляпина З.М. О двух типах условий кореференции валентностей в предикатно-актантных конструкциях // Типология конструкций с предикатными актантами. Л.: Наука, 1985. С. 46-50.

Шаляпина 1991б – Шаляпина З.М. Грамматика и ее соотношение со словарем при словоцентрическом подходе к языку (На опыте формализованного лингвистического описания) // ВЯ. 1991. №5. С. 42-54.

Шаляпина 1997 – Шаляпина З.М. Об одном формализме для записи толкований слов и словосочетаний // Обработка текста и когнитивные технологии. Вып.1. М., Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 1997. С. 73-110.

Шаляпина 1999 – Шаляпина З.М. Оппозиция «часть-целое» и существенный подход к моделированию языковой компетенции // Роман Якобсон: тексты, документы, исследования. М.: РГГУ, 1999. С.541-551.

Шаляпина et al. 1997 – Шаляпина З.М., Модина Л.С., Канович М.И., Любченко В.И. и др. Словари различных лингвистических уровней в модели японско-русского автоматического перевода ЯРАП // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лексикографии. Иваново: Юнона, 1997. С. 238-249.

Шаляпина et al. 2000 – Шаляпина З.М., Канович М.И., Костыркин А.В., Модина Л.С. Лексико-синтаксическая информация в словаре для автоматического перевода (В рамках существенного подхода

3. М. Шаляпина

к лингвистическому описанию) // Словарь в современном мире. Иваново, 2000. С.117-121.

Шаляпина et al. 2001 – *Шаляпина З.М., Модина Л.С., Канович М.И., Любченко В.И. и др.* Экспериментальный комплекс ЯРАП для лингвистических исследований по японско-русскому автоматическому переводу (Первая очередь). М., 2001 [Деп. в ИНИОН РАН].

Dowty 2000 – *Dowty D.* The Dual Analysis of Adjuncts/Complements in Categorial Grammar // ZAS Papers in Linguistics. Vol.17. 2000.

Hornby et al. 1958 – *Hornby A.S., Gatenby E.V., Wakefield H.* The Advanced Learner's Dictionary of Current English. L.: Oxford University Press, 1958.

Hudson 1984 – *Hudson R.* Word Grammar. Oxford: Basil Blackwell.

Kanovich–Shalyapina 1994 – Kanovich M.I., Shalyapina Z.M. The RUMORS system of Russian synthesis // Proceedings of COLING 94. Vol.1. Kyoto, 1994. P.177-179.

Modina–Shalyapina 1994 – *Modina L.S., Shalyapina Z.M.* The JaRAP experimental system of Japanese-Russian automatic translation // Proceedings of COLING 94. Vol.1. Kyoto. P.112-114.

Ruus-SpangHensen 1986 – *Ruus H., Spang-Hensen E.* A theory of semantic relations for large-scale natural language processing // Proceedings of COLING 86. Bonn, 1986. P. 20-22.

Shalyapina 1998 – *Shalyapina Z.M.* Towards a conception of linguistic competence underlying diverse modes of linguistic performance // Proceedings of the XVIth International Congress of Linguists / Caron, B., ed. ISBN 0-08-043438-X CD-ROM. Pergamon, Oxford: Elsevier Science. Paper No. 0430.

Sleator-Temperley 1993 – *Sleator D., Temperley D.* Parsing English with a Link Grammar // Third International Workshop on Parsing Technologies, 1993.

Sleator 2000 – *Sleator D.* The Link Grammar System // sleator@cs.cmu.edu.

Starosta 1988 – *Starosta S.* The Case for Lexicase. London, New York: Pinter Publishers, 1988.

Tesnière 1953 – *Tesnière L.* Esquisse d'une syntaxe structurale. Paris: Klincksieck, 1953.

A. B. Костыркин

К описанию синтаксической неоднозначности в японском (на примере частицы *НО*)¹

1. Введение

Синтаксическую неоднозначность принято определять как возможность сопоставления одной и той же последовательности слов двух или нескольких разных синтаксических структур – т.е. структур, различающихся либо своей конфигурацией (тем, между какими словами установлены связи), либо интерпретацией каких-либо из связей, либо и тем и другим. Так, в предложении *омосирои апуро:ти НО ару хэнкёку* группа *омосирои апуро:ти НО* “интересный подход” может быть отнесена либо к единице *ару* как к глаголу-связке “быть”: а) “аранжировка, в которой есть <применен> интересный подход”, либо к существительному *хэнкёку* “аранжировка” (при *ару* “какой-то”); б) “какая-то аранжировка интересного подхода”.

Понятно, что от выбранной для предложения структуры существенно зависит его смысл. Поэтому описание синтаксиса того или иного языка должно обеспечивать, во-первых, выявление для каждого синтаксически неоднозначного выражения всех допустимых для него синтаксических структур и, во-вторых, выбор в каждом контексте наиболее приемлемой из них. Для этого требуется, в частности, выделить языковые единицы, которые могут служить в

¹ Исследование выполняется при частичной финансовой поддержке РФФИ, грант № 01-01-598. Автор искренне благодарен также своему учителю Зое Михайловне Шаляпиной за неоценимую помощь в работе.

данном языке источником подобной неоднозначности, и определить те их свойства, которые ее вызывают.

В данной работе будет рассмотрена с этой точки зрения одна из единиц японского языка, регулярно приводящая к синтаксической неоднозначности, – частица *НО* в конструкции *A НО B*. *A* и *B* далее называются *спутниками* единицы *НО* в данной конструкции.

В своем исследовании мы опираемся на *сущностный подход* к языку [4], принимая следующие его положения: (i) любое синтаксическое отношение между двумя сущностями реализует валентность той или другой из них; (ii) установленное отношение интерпретируется согласно семантике реализуемой им валентности; (iii) семантика валентности, как и ее наличие у данного носителя, определяется либо семантикой его самого, либо *наследуется* от его структурных спутников в данном контексте.

2. Частица НО в современной японоведческой лингвистике

В работах, посвященных конструкции *A НО B*, непосредственным объектом описания часто служит само отношение между *A* и *B*, постулируемое как самостоятельный лингвистический объект – носитель собственной семантики и собственных ограничений на связываемые им единицы. Такой подход противопоставлен сущностному как реляционный – опирающийся на отношения (relations). Количество различаемых для данной конструкции типов отношений варьирует при этом от 9 в [2], где среди прочих даются такие, например, типы, как:

гурэ: НО сэйфуку “униформа серого цвета” – атрибут;

рагуби: НО ко:ти “тренер по регби” – объект;

якю: НО сэнсю “бейсбольный игрок” – категория;

kadзэ НО уирусу “вирус гриппа” – результат;

рёко: НО дзюоми “подготовка к путешествию” – цель; и др., до 86 в [10].

Структурные основания для выделения тех или иных отношений в этих работах не даются, и перечень их классов носит ин-

дуктивный характер: очередной пример вполне может потребовать в подобной классификации новой ячейки. Это и понятно, если принять тезис существенного подхода, что синтаксическое отношение – не автономный объект, но производное от синтаксической валентности одного или обоих связываемых им слов: поскольку валентности суть свойства конкретных лексем, типы реализующих их отношений соответствуют (валентностно-) семантическим классам самих лексем. Поэтому в реляционных описаниях типы отношений дробятся с дроблением классов лексем, а собственно синтаксические аспекты описания смешиваются с лексическими. Это создает тем большие трудности, что, как показано в [12: 202], практически для любых значений лексем *A* и *B* можно представить ситуацию, где конструкция *A HO B* имеет осмысленную интерпретацию.

Для самой единицы *HO* чаще всего выделяются грамматические значения (функции) генитива, связки, субстантиватора (номинализатора), местоимения и заключительной частицы. Но их количество, соотношение и подзначения у разных авторов различны. Так, в [9:72] для номинализатора выделены актанное, фактитивное, временное значения и функция вопросительной частицы, в [3:87] – аппозитивное и объектное значения, и т. д.

Что же касается соотношения собственных валентностей *HO* в разных его значениях с валентностями его структурных спутников *A* и *B*, то его не рассматривают даже при исследовании свойств *HO* в связи с синтаксической неоднозначностью ([11], [9:71], [8:869] и др.). Между тем это соотношение представляет для ее выявления особый интерес. Его мы и попытаемся здесь рассмотреть.

3. Синтаксические свойства единицы **НО**

Мы выделяем у *HO* три наиболее общих функции – показателя генитива, связки и номинализатора. В каждой из них единица *HO* и ее валентности имеют достаточно абстрактную семантику, которая может уточняться путем наследования семантики у контекстуальных спутников этой единицы. Рассмотрим основные случаи¹.

¹ Кроме описываемых ниже, *HO* имеет также ряд других употреблений, но рамки данной статьи заставляют оставить их без рассмотрения.

НО1 – падежный показатель.

Собственное значение единицы *НО1* является посессивным и вводит две валентности, интерпретируемые как “обладатель” и “обладаемое”. В конструкции *A НО B* они реализуются, resp., “слугой” *A* и “хозяином” *B*, ср.:

- (1) *имо:то НО нэко* “кошка сестры”
- (2) *коно бо:си ва дарэ НО десу ка* “чья это шапка?”

В данном значении “хозяином” *НО1* может быть только существительное или, как в (2), глагол-связка.

Если у спутников *A* или *B* единицы *НО1* есть свои сильные валентности, она может становиться их оформителем, и их семантика частично или полностью вытесняет ее собственную. В таких случаях “хозяином” *НО1* могут быть, помимо существительных, глаголы (пример (5)) и прилагательные: предикативные (6) и полупредикативные (7). Для *НО*-оформителя выделяются два основных случая: *НО1-1* и *НО1-2* – и подслучай *НО1-2a*.

НО1-1. Носителем валентности, реализуемой в конструкции *A НО B*, является ее правый участник (*B*), заполнителем – левый (*A*), а *НО1* оформляет их связь, представляя данную валентность единицы *B* как свою. В (3) так реализована валентность слова *мэдару* “медаль” на материал, из которого медаль изготовлена. В (4) *НО1* оформляет объектную валентность единицы *риё*: “использование”, аналогично показателю *O* в *компью:та O риё*: *суро* “использовать компьютер”. В сочетании с глаголом или прилагательным в придаточном ((5)-(7)) *НО1* выполняет функцию *ГА*.

- (3) *кин НО мэдару* “золотая медаль”
- (4) *компью:та НО риё*: “использование компьютера”
- (5) *имо:то НО кайта э* “картина, которую нарисовала сестра”
- (6) *соко НО фукая кава* “река, у которой глубокое дно” = “глубокая река”
- (7) *дзибун НО суки на кёку* “мелодия, которая мне нравится”

НО1-2. Носитель реализуемой валентности – зависимый (левый) член конструкции *A*, заполнитель – ее вершинный (правый) член *B*. В (8) заполняется валентность *юки* “направляющийся” на

К описанию синтаксической неоднозначности...

субъект передвижения, в (9) – валентность *ձիմոտо* “местность” на то, что локализовано в данной местности, в (10) – валентность *ака* “красный” на носитель данного свойства.

- (8) *москува юки HO хико:ки* “самолет, летящий в Москву”
- (9) *ձիմոտо HO հիտօ* “местный житель”
- (10) *ака HO պն* “красная ручка”

HO1-2а. Модификацией случая *HO1-2* следует, по-видимому, считать сочетания *HO* с другими оформителями валентностей: частицами *ձэ*, *կարա*, *մադէ*, *э*, показателем *յуки* (когда он выступает в этой роли) и др. Реализуемая валентность вершинного члена конструкции *B* наследуется здесь прежде всего показателем, который непосредственно вводит заполняющую ее единицу *A*, а уже от этого показателя – частицей *HO1*, вводящей его самого. Так, в (11) *ազրօֆորո:տօ* заполняет ту же валентность *տաբի* “путешествие”, что и в (12). В (13) связь устанавливается по валентности *կիռու* “билет” на конечную точку маршрута (ср. с (8), где *յуки* выступает как самостоятельный носитель той же валентности).

- (11) *ազրօֆորո:տօ ՃԷ HO ձչյո:ձիկան հօ սօրա հօ տաբի* “10-часовое воздушное путешествие Аэрофлотом”
- (12) *ազրօֆորո:տօ ՃԷ տաբի սորու* “путешествовать Аэрофлотом”
- (13) *մոսкуվա յуки HO կիռու* “билет до Москвы”

HO2 – связка.

Единица *HO2* имеет, как и *HO1*, две валентности, но отношение, устанавливаемое с их помощью между ее спутниками *A* и *B*, является спецификативным (уточняющим). В японском языке такие отношения стандартно выражаются также конструкциями вида *B то ва A ձэ արу*, *B ա Ձ ձէ արу*, *A օ B տօ իւ*, *A օ B տօ սադամէրու*, *A օ B տօ յէբու* и др. [5]. Из них для *A HO B* наиболее регулярна perífrase *A ձэ արу B* (напр., для (16) – *унаги ձэ արу սականա*).

Данное значение единицы *HO* реализуется, в частности, в метафорических оборотах “уподобления”, например,

- (14) *օ-հասի HO կա* “палочки как весла”
- (15) *օ-վան HO ֆոնէ* “чашка как лодка” [12].

А. В. Костыркин

Однако чаще *НО2*, как и *НО1*, оформляет валентность того или другого из своих спутников, наследуя ее семантику:

- валентность имени класса *B* на его элемент *A* (дает таксономическое отношение):

(16) *унаги НО сакана* “рыба - угорь”

- валентность имени собственного *B* на именуемое *A*, обычно единичной природы (столица, жена, начальник):

(17) *цума НО миёко дэсу* “моя жена - Миёко”

- валентность числового параметра *A* (18) или *B* (19) на его значение (вводит отношение количественного равенства):

(18) *коно ханбуn НО 2,000,000 t* “половина этого, составляющая примерно 2,000,000 тонн”

(19) *ити мэ:тору НО нагаса* “длина в один метр” (= “равная 1 метру”)

- валентность количества *B* (20) или *A* (21) на исчисляемое:

(20) *фан НО минна сан* “все поклонники”

(21) *ни сацу НО гакуфу* “две тетради нот” и т.п.

НО3 – номинализатор.

Как номинализатор *НО* имеет единственную валентность, реализуемую его “левым” спутником – предикативной группой *A*; связь *НО3* со спутником *B* (также предикатным) реализует некоторую валентность *B*. Номинализатор семантически открыт для группы *A* и заимствует либо ее спецификативную валентность, т.е. событийную или фактитивную семантику ее самой (*НО3-1*), либо семантику одной из не заполненных в ней валентностей (*НО3-2*).

НО3-1 – событие / факт.

НО3-1 может иметь несколько разных коммуникативных функций.

НО3-1-1 – нейтральная функция номинализатора. Семантика *НО3-1-1* и определяемые ею возможности его функционирования в качестве актантов других единиц, а также его спецификативная валентность – те же, что у вводимой им предикативной группы. Так, в (22) связь *НО3* с *тайхэн* “тяжело” через связку *дэсё*: возможна именно потому, что *НО3* приобретает значение “игра в таком темпе”.

К описанию синтаксической неоднозначности...

(22) *коно тэмпо дэ хику HO ва тайхэн дэсё*: “наверное, тяжело играть в таком темпе?”

(23) *коно кёку о энсо: ситэ иру HO о киитэ, сёкку о укэмасита* “послушав исполнение этого произведения, испытал потрясение”

(24) *кими мо ику HO ка* “ты тоже идешь?”

НО3-1-2 – функция вопросительной частицы.

(26) *дзю:ё: дзя най HO?* “разве это не важно?”

Традиция отделяет вопросительное *HO* от *HO* номинализатора, но мы не видим для этого причин – тем более, что у стандартной вопросительной частицы *ка* функция номинализатора выражена синтаксически не менее четко, чем у *HO*. Не кажется оправданным и исключение из значений номинализатора эмфатического и императивного употреблений *HO*:

НО3-1-3 – функция эмфатической частицы.

(27) *хонто: ни кандо: суру HO!* “по-настоящему впечатляет!”

НО3-1-4 – функция императива.

(28) *мудадзукай ва синай HO* “не растрчивай денег”

НО3-2 – местоимение.

НО3-2 заимствует семантику от одной из актантных или обстоятельственных валентностей *V* своего синтаксического “слуги” *A*, не заполненной в его группе. Тем самым *НО3-2* наследует и саму валентность *V*, но преобразует ее в спецификативную, реализуемую через связку. Из актантных обычно наследуются субъектные ((29), (32)) и объектные (30) валентности, из обстоятельственных – временные (31) и локативные (33).

(29) *сайсё ни хийта HO ва боку да*

“первым играл я”, букв. “игравшим первым был я”

(30) *сайсё ни хийта HO ва рафуманиошу но 2 бан дэсу*

“сначала сыграл второй <концерт> Рахманинова”,

букв. “сыгранное вначале – второй <концерт> Рахманинова”

(31) *саппоро ни ику HO ва асу дэсу* “в Саппоро еду завтра”

(32) *саппоро ни ику HO ва танака дэсу* “в Саппоро едет Танака”

(33) *марико ни атта HO ва мосукува да* “место, где <я> встретился с Марико, – Москва”.

4. НО как источник синтаксической неоднозначности

Неоднозначность конструкции $A \text{ } HO \text{ } B$ в контексте может порождаться тремя группами факторов, взятыми в отдельности или в том или ином сочетании:

- 1) неоднозначность выделения единицы HO в тексте;
- 2) неоднозначность единиц A и B – спутников HO в данной конструкции;
- 3) неоднозначность самой единицы HO , предполагающая:
 - a) выбор одного из ее трех базовых значений;
 - b) выбор между базовым значением HO и одним из его подзначений, в том числе для $HO1$ и $HO2$ – выбор того из спутников HO , чью валентность HO наследует в качестве ее оформителя, и самой этой валентности, для $HO3$ – выбор наследуемой валентности спутника A .

Первые два фактора не специфичны для самой единицы HO . Неоднозначность ее выделения (известным примером которой является цепочка $НОНИ$ как выражение либо союза “хотя”, либо сочетания номинализатора HO с частицей $НИ$) обусловлена общими проблемами членения японского текста на минимальные синтаксические единицы в случаях формального совпадения выражения одной единицы с частью выражения другой. Не связана со свойствами HO и возможная неоднозначность ее спутников в конструкции $A \text{ } HO \text{ } B$, хотя от выбора их значений может зависеть интерпретация устанавливаемых в этой конструкции синтаксических связей (см. ниже п. 4.2.2).

Мы рассмотрим здесь поэтому только случаи синтаксической неоднозначности, обусловленные факторами третьей группы.

4.1. Неоднозначность синтаксической интерпретации конструкций с $HO1$.

4.1.1. Когда спутник A частицы $HO1$ в конструкции $A \text{ } HO \text{ } B$ обозначает человека, а B имеет валентность, допускающую оформление частицей HO , и обозначает предмет, $HO1$ может как заимство-

вать у *B* эту валентность, выступая в роли ее оформителя, так и сохранять собственное посессивное значение, ср.:

(34) *танака HO хон*

- а) “книга, написанная Танака” (реализуется валентность слова *хон* “книга” на автора)
- б) “книга, принадлежащая Танака”

4.1.2. Если спутник *B* частицы *HO1* имеет две или несколько валентностей, которые может заполнить *A*, неоднозначен выбор той из них, которую *HO1* оформляет в данном контексте. Так, в (35а) сэкэн “общественность” заполняет объектную валентность слова *хинан* “осуждение” (“кого осуждают”), в (35б) – субъектную (“кто осуждает”):

(35) *сэкэн HO хинан* “осуждение общественности”

- а) “осуждение, направленное на общественность”
- б) “осуждение общественностью”

4.1.3. В принципе неоднозначность конструкции *A HO B* может вызываться также способностью посессива *HO* оформлять валентности и своего “левого” спутника (*HO1-1*), и “правого” (*HO1-2*), но таких примеров у нас нет.

4.2. Неоднозначность синтаксической интерпретации конструкций с *HO2*.

4.2.1. *HO2-связка* vs. *HO1-оформитель*: если оба спутника *HO* обозначают людей и спутник *B* имеет валентность, оформляемую частицей *HO*, в конструкции *A HO B* может реализоваться как связочное отношение, так и данная валентность *B*:

(36) *гакусэй HO томодати*

- а) “друг, который является студентом” (*HO2*)
- б) “друг студента” (*HO1*)

4.2.2. *HO2-оформитель* vs. *HO1-оформитель*. Данный вид неоднозначности выбора между *HO1* и *HO2* обычно связан с лексической неоднозначностью одного из спутников. В (37а) посессив *HO1* оформляет валентность части на целое, имеющейся у спутника *B* – *мати* в значении “улица”, в (37б) связка *HO2* оформляет валент-

ность на именуемое, имеющуюся у *A* – названия города *канадзава*, при том, что *мати* имеет значение “город”. Чтобы *HO1* могло использоваться с *мати* “улица” (37в), а *HO2* с *мати* “город” (37г), требовались бы другие значения *канадзава*.

(37) *канадзава HO мати*

- а) “улица <города> Канадзава” (*HO1, мати*=“улица”)
- б) “город Канадзава” (*HO2, мати* = “город”)
- в) * “город, принадлежащий Канадзава”, (*HO1, мати* = “город”)
- г) * “улица – Канадзава”, (*HO2, мати* = “улица”)

4.3. Неоднозначность синтаксической интерпретации конструкций с *HO3*.

4.3.1. *HO3-1 vs. HO3-2*: событийное/фактивное значение *HO3-1* предполагает, в отличие от местоименного *HO3-2*, что в глагольной группе *A* конструкции *A HO B* реализованы все актанты. Но при свойственном японскому языку эллипсисе глагольных актантов конструкция неоднозначна:

(38) *такада сан га цукаттэ има HO о обоэтэ имасу ка* [7]

- а) “Ты помнишь то, что Такада” <этим> пользовался? “

HO3-1 = событие/факт использования Такадой объекта, не упомянутого в составе придаточного (в примере оно подчеркнуто), но подразумеваемого в нем.

- б) “Ты помнишь, чем пользовался Такада?”

HO3-2 замещает объектную валентность группы *цукаттэ има* “пользовался”

4.3.2. *HO3-1-2 vs. HO3-1-3 vs. HO3-1-4*. Выбор между вопросительной, эмфатической и императивной интерпретациями конструкции *A HO* (при *HO* в заключительной позиции) одновременно определяет и заполнение субъектной валентности глагола *A*:

(39) *гакко: ни ику HO*

- а) “Иду в школу!” б) “Идешь в школу?” в) “Иди в школу!”

4.3.3. НО3-2 как наследник одной из нескольких незаполненных валентностей своего левого спутника A. Неоднозначность данного типа иллюстрируют примеры (29)-(33). Из них видно, в частности, что если у спутника А местоимения НО3-2 более одной незаполненной валентности, то установить, которую из них НО наследует в данном контексте, можно только по семантическим требованиям, предъявляемым его вторым спутником В к той своей валентности, которую заполняет само НО3.

4.4. Неоднозначность конструкций с НО в составе более крупных структур.

4.4.1. Конструкции A НО B в сочетании друг с другом. Помимо неоднозначности интерпретаций связей, вводимых единицей НО, для каждого ее вхождения здесь возможен разный выбор ее спутников, что дает конфигурационную неоднозначность. Так, фраза *гакуся но сидзин но кэнкю:* из [8:869] допускает две разных конфигурации (40а) и (40б), каждая из которых имеет неоднозначную интерпретацию:

(40а) *гакуся ←НО сидзин ←НО ←*
 a1) Obj / a2) Subj
 ↑
 a1) Subj / a2) Obj |

a1) “исследование учеными поэтов”

a2) “исследование ученых поэтами”

(40б) *гакуся ←НО ←*
 61,3) Poss / 62,4) Copul | *сидзин ←НО ←*
 61,2) Obj / 63,4) Subj | *кэнкю:*

61) “исследование, посвященное поэтам ученых”

(исследуются поэты, принадлежащие ученым)

62) “исследование, посвященное поэтам-ученым”

(исследуются поэты, являющиеся учеными)

63) “исследование, проводимое поэтами ученых”

64) “исследование, проводимое поэтами-учеными”

Добавим, что интерпретации (40б1) и (40б3) сами неоднозначны, так как НО в *гакуся НО сидзин* может в принципе служить оформителем объектной валентности лексемы *сидзин* “поэты”, чье значение вытеснит в этом случае значение посессива: *поэты, воспевающие ученых*. Таким образом, всего (40) получает 8 интерпретаций.

4.4.2. Конструкция $A HO B$ в сочетании с другими конструкциями.

За отсутствием места рассмотрим только два типа таких случаев.

В сочетании с сочиненной именной группой $X TO Y$, как в (41), HO может связываться либо с ней в целом (а), либо только со вторым ее членом (б). Для самого HO допустима здесь только интерпретация $HO1$.

(41) ёити TO каёко HO кодомо [6: 75]

- а) Ребенок Ёити и Каёко ($[X TO Y] HO B$, $A = X TO Y$)
- б) Ёити и ребенок Каёко ($X TO [Y HO B]$, $A = Y$)

Если в $A HO B$ перед B -существительным стоит прилагательное, оно само может быть принято за B как компонент оборота типа *сэ HO хикуй* “низкорослый” (см. пример (6)). Если же прилагательное стоит перед A , оно может относиться как к A так и к B :

(41) мудзукасий нихонго HO сюкудай [6: 75]

- а) “Сложное домашнее задание по японскому языку”
- б) “Домашнее задание по японскому языку, который сложный”

5. Заключение.

Проблема многозначности HO традиционно представляет сложность в описании этой единицы; как правило, ее решение достигается простым перечислением всевозможных значений HO , в некоторых подходах их число доходит до нескольких десятков. В данной работе удалось избежать такого умножения сущностей: множество значений HO сведено к трем базовым (падежный показатель, связка и номинализатор), и показано, что другие значения HO могут быть представлены как *контекстные уточнения* трех базовых значений.

В данной работе также приведено исчисление неоднозначных конструкций с единицей HO , которое не является, разумеется, исчерпывающим. Из него видно, однако, что учет взаимодействия валентностей HO и ее структурных спутников дает надежную базу для дифференциации различных возможных здесь случаев и позволяет

К описанию синтаксической неоднозначности...

достаточно полно и точно определять типы и источники связанной с *НО* синтаксической неоднозначности. Думается, что полученным результатам может найтись место не только в теоретической грамматике японского языка, но и в решении задач преподавания, лексикографии, машинной обработки японских текстов и др.

Литература

Костыркин А.В. Синтаксическая неоднозначность в японском языке // Вопросы истории, экономики, языкоznания и литературы. М.: ИВ РАН, 2001. С.33-61.

Курохаси С. Гэнго но ими о кэйсанки де ацукау // Гэнго сёри гаккай, дай-6-кай нэндзи тайкай тю:ториару. 2000. № 3. С. 21-28.

Подлесская В.И. Вопросы лексической и синтаксической семантики // Анафора в японском языке. М.: Наука, 1990.

Шаляпина З.М. Структурные валентности как универсальный инструмент описания языковой синтагматики (в рамках существенного подхода к ее моделированию) // Московский лингвистический журнал. 2001. № 2. С. 35-84.

Fujii A, T. Ishikawa. Utilizing the World Wide Web as Encyclopedia: Extracting Term Descriptions from Semi-Structured Texts // Proceedings of the 38th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (ACL-2000). October 2000. P. 488-495.

Makino S., Tsutsui M. Dictionary of Intermediate Japanese Grammar. Tokyo: The Japan Times, 1999.

Makino S., Tsutsui M. A Dictionary of Basic Japanese Grammar. Tokyo: The Japan Times, 2000.

Martin S.E. A Reference Grammar of Japanese. New Haven, London: Yale Univ. Press, 1975.

Matsuoka Y. McClan. Handbook of Modern Japanese Grammar. Tokyo: Hokuseido Press, 1981.

Shimazu A., Naito S., Nomura H. Analysis of semantic relations between noun connected by a Japanese particle “no” // Mathematical Linguistics. 1988. Vol.15(7). P.247-266.

A. B. Костыркин

Siegel M. Japanese Particles in an HPSG Grammar. Verbmobil Report 220. Allgemine Linguistik Universitaet des Saarlandes, 1998.

Tsuda H., Harada Y. Semantics and pragmatics of adnominal particle NO in Quixote // Langue Ordinateur – Mentalite. Paris: Universite Denis Diderot, 1997. P.201-217.

O. M. Mazo

Суффикс *-h и части речи в древнекитайском языке¹

1. Суффикс *-h является одним из немногих аффиксов, реконструированных для древнекитайского языка. История его реконструкции связана с исследованиями происхождения падающего тона в среднекитайском языке. Некоторые ученые (Karlgren 1957 и др.) считали, что этот тон появился в результате падения конечных согласных. Позже падающий тон стали возводить к суффиксу *-s (Baxter 1992, Haudricourt 1954, Pulleyblank 1962, Яхонтов 1959). Согласно реконструкции Старостина (Старостин 1989), в раннедревнекитайском существовал суффикс *-s, который к периоду классического древнекитайского языка перешел в *-h, за исключением сочетаний -ts, *-ps, *-js после *-i- and *-ə-, которые перешли в ́-.

Предположение Одрикура о том, что конечный *-s является не просто частью финали, но словообразовательным аффиксом, было поддержано другими учеными, такими, как Бекстер, Даунер, Forrest, Пуллиблэнк, Старостин, Яхонтов (см., например, Baxter 1992, Forrest 1965; Pulleyblank 1962; Старостин 1989, 1994, Яхонтов 1965).

Ван Ли, хотя и не реконструировал суффикс (Ван 1982а), однако считал, что слова, имеющие в среднекитайском падающий тон, являются производными от слов с ровным или восходящим тоном (Ван 1982б). В качестве подтверждения своей теории он приводил слова с дублетными чтениями, а также случаи, когда производные слова с па-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 00-06-80101.

О. М. Мазо

дающим тоном в последствии получали новое написание, что особо отмечалось в словарях.

Проводились параллели с тибетским языком (Forrest 1965, Mazo 2000b), в котором суффикс -s служит для образования имен от глаголов, например, zab-па быть глубоким – zabs глубина (Forrest 1965, с.124). Форрест также обратил внимание на то, что у китайского суффикса есть, как минимум, две функции: субстантивная и глагольная. Он выделял две группы слов: слова типа 量 liáng мерить – 量 liàng мерка, когда от глагола образуется существительное, и слова типа 王 wáng ван – 王 wàng править, когда от существительного образуется глагол. (Следует отметить, что помимо этих функций, суффикс *-h мог также образовывать глаголы от глаголов (см., например, Мазо 2000a, Мазо 2000б, Старостин 1989, Яхонтов 1965).)

2. Однако вопрос о частях речи в древнекитайском языке является достаточно сложным. Графическая форма знака – иероглиф – не позволяет определить морфологический и фонетический состав слова. В древнекитайском языке не было специальных морфологических показателей, позволяющих отнести слово к тому или другому классу. Определение частей речи с помощью синтаксиса также затруднительно, т.к. большинство слов может занимать любую синтаксическую позицию, т.е. в предложении они могут быть как актантами, так и предикатами.

Существует две точки зрения на эту проблему. Согласно одной из них, части речи определяются исходя из синтаксики слова. Если слово в большинстве случаев употребляется в актантной позиции, то оно считается существительным, если же в предикативной – то глаголом. Если же имя встречается в позиции предиката или глагол (к которым мы относим и прилагательные) – в позиции актанта, то их значения описывается с помощью набора стандартных функций. Для имен такими функциями будут, в частности, «вести себя, как подобает кому-то», «выполнять обязанности такого-то», если существительное обозначает человека, и «действие, совершающее с помощью орудия», если существительное обозначает орудие (Яхонтов 1965, с.42).

Для глагола Яхонтов выделяет две типичные функции: название предмета по признаку и имя действия (Яхонтов 1965, с.43).

Суффикс *-h ... в древнекитайском языке

Другой способ решения этой проблемы заключается в выделении семантико-грамматических разрядов слов исходя из того, какими членами предложения слова могут быть в предложении (Cikoski 1978, Старостин 1994). Всего выделяется два разряда: слова, не являющиеся членами предложения и слова, являющиеся членами предложения. Последние делятся на четыре группы в зависимости от того, какие позиции слова могут занимать в предложении.

Мы придерживаемся второй точки зрения. Как уже отмечалось выше, графическая форма иероглифа не позволяет получить информацию о его произношении. Поэтому для большинства слов невозможно определить изменялось или нет их произношение в разных синтаксических позициях. Указаниями на такого рода изменения являются средневековые комментарии, не всегда совпадающие между собой. В частности, согласно этим комментариям, некоторые слова в определенных контекстах меняли свой этимологический тон на падающий. Если же взять практически любое слово без контекста, то определить его частиречную характеристику не представляется возможным.

Хоппер и Томсон (Hopper 1984) рассматривают лингвистические формы (имеются в виду корни – *O.M.*) как лишенные категориальной принадлежности, а принадлежность форм к имени или глаголу диктуется их функциями в дискурсе. Это положение относится к любым языкам и древнекитайский язык, как нам кажется, является его хорошей иллюстрацией.

Для удобства описания в п. 3 мы будем пользоваться терминами «имя» и «глагол» в том смысле, в котором они используются при статистическом подходе, а затем в п. 4 изложим свою интерпретацию имеющихся данных.

Пока же отметим следующее. Слова с аффиксом и без него могут иметь разную графическую презентацию, т.е. записываться разными иероглифами, а могут быть разными чтениями одного иероглифа. Данная работа представляет собой попытку рассмотреть разные чтения одного иероглифа и на их основе проанализировать имеющиеся типы словообразования.

О. М. Мазо

После иероглифа указывается его современное и древнекитайское (в реконструкции Старостина) чтение и перевод; после примера из текста приводится его современное чтение. Ссылки на Мэнцзы приводятся по изданию Harvard-Yenching 1973, ссылки на Луньюй – по изданию Чжуцзы цзичен 1957. Ссылки на Лицзи, Цзочжуань, Чжоу ли, Чуньцю, Шан шу, Шицзин приводятся по изданию Сыбу бэяо 1936, ссылки на Го юй – по изданию Сыбу цункань 1929-1937.

3.1 Преобразование глагола в существительное. Глаголы, к которым присоединяется этот суффикс, можно разделить на 5 групп в зависимости от значения глагола.

3.1.1. К сожалению, в современной морфологии отсутствует специальный термин для обозначения объекта, занимающего вторую валентность глагола. Мы будем называть такие существительные *nomina passiva* (примеры 1-3). От глагола «слышать» образуется существительное со значением «то, что слышат», т.е. «звук/доброе имя», «репутация»; от глагола «хранить» – существительное со значением «то, что хранят»; от глагола «передавать» – существительное со значением «то, что передают», т.е. «записи». Последнюю пару можно трактовать двояко: можно считать, что существительное обозначает объект действия, «то, что передают», а можно – «то, с помощью чего передают», и тогда оно будет иметь инструментальное значение и его следует относить ко второй группе (см. п. 3.1.2).

1a 聞 wén mən слышать

曰....聞其聲,不忍食其肉

yuē wén qí shēng bù rěn shí qí ròu (Мэнцзы 1A7:3)

говорить слышать посс крик не мочь есть посс мясо

Сказал: «Если [цюньцы] услышит их крики (т.е. крики убиваемых животных), то [он] не может есть их мясо»

16 聞 wèn mən h доброе имя, репутация

今有仁心仁聞 (Мэнцзы 4A1:26)

jīn yǒu rén xīn rén wèn

теперь иметь гуманность сердце гуманность репутация

Теперь князья имеют гуманные сердца и репутацию людей, действующих согласно «жэнь»

Суффикс *-h ... в древнекитайском языке

1в 聞 wèn mənh звук

之 子 于 征

zhī zǐ yú zhēng

так благородный муж в поход

Так благородные мужи находятся в пути,

有 聞 無 聲

yǒu wèn wú shēng(Шицзин 10:10)

иметь звук не иметь голос

что слышится звук [копыт], но не слышно голосов [людей].

2a 藏 cáng cāng 1) прятать, скрывать 2) хранить

商 賈 皆 欲 藏 於 王 之 市

shāng gǔ jiē yù cáng yú wáng zhī shì (Мэнцы 1A7:4)

торговец все хотеть хранить на царь посс рынок

Все торговцы захотят хранить [свой товар] на рынках царя.

2б 藏 zàng cāng запасы; то, что хранят

擇 三 有 事

zé sān yǒu shì

выбирать три иметь министр

[Он] выбрал троих в качестве [своих] министров

亶 侯 多 藏 (Шицзин 11: 7)

dǎn hóu duō zàng (Шицзин 11:7)

щедрый хоу много богатство

[Все они] действительно очень богаты

(Комментаторы отмечают, что в последней строчке вместо 亶 dǎn

«щедрый» следует читать 信 xìn «действительно», а вместо 侯 hóu
«хоу» должна быть эмфатическая частица 維 wéi).

За 傳 chuán dron переда(ва)ть, довести до сведения

舜 為 法 於 天 下,

Shùn wéi fǎ yú tiān xià

Шунь быть образец для Поднебесная

Шунь стал примером для Поднебесной,

可 傳 於 後 世 (Мэнцы 4B28:33)

kě chuán yú hòu shì

мочь передать для следующий поколение

поэтому [память о нем] могла быть передана потомкам.

О. М. Мазо

36 傳 zhuàn dronh 1) комментарий 2) записи

孟子對曰，於傳有之

Mèng-zì dùi yuē yú zhuàn yǒu zhī (Мэнцзы 1B2:5)

Мэнцзы отвечать сказать в записи иметь Зед

Мэнцзы ответил: «Это есть в записях».

3.1.2. Ко второй группе относятся пары, в которых существительные имеют инструментальное значение. Инструмент понимается в самом широком смысле: в паре 4 это средство, в парах 5-9 – орудие. В зависимости от глагола, существительное занимает либо вторую валентность (сесть – повозка), либо третью (измерять – мера, проткнуть – сверло), либо существительное не является актантом глагола (стрелять из пращи – праща, считать – число, знать – разумность). Пару 4 можно также отнести и к первой группе. В паре 8 существительное «число», возможно, является производным от другого существительного – «счет» (см. п. 3.1.5.).

4a 乘 chéng lèi 1) сесть (в повозку и т.п.), ехать 2) взобраться

乘其四駢

chéng qí sì qí (Шицзин 10:7)

править посс четыре пегая лошадь

Едет на [коленице, запряженной] четырьмя пегими скакунами

4б 乘 shèng lèi hē колесница; четырехлошадная колесница, четверка лошадей

萬乘之國，弑其君者，

wàn shèng zhī guó shì qí jūn zhē

10 тысяч колесница посс государство убить посс государь тот

В государстве где есть 10 тысяч колесниц, тот, кто убьет его государя,

必千乘之家

bì qiān shèng zhī jiā (Мэнцзы 1A1:1)

должен тысяча колесница посс род

должен быть главой рода с тысячию колесниц.

5a 量 liáng rai мерить, оценить

量敵而後進

liáng dí ér hòu jìn (Мэнцзы 2A2:10)

Суффикс *-h ... в древнекитайском языке

оценить враг и потом наступать

Наступать только после того, как оценить врага

56 量 liàng rāŋh мера, мерка

謹 權 量 (Луньюй 23:414)

jín quán liàng

придерживаться вес мера

Он строго придерживался [установленных] мер веса и объема

Этот корень восходит к сино-тибетскому корню *raŋ «считать», от которого также произошли тибетские слова graŋ «считать» – graŋs – «число»

6a 弹 tán dhār стрелять (из пращи)

從 臺 上 弹 人(Цзочжуань 21:5)

cóng tái shàng tán rén

С башня верх стрелять человек

С башенки стрелял по людям

6b 弹 dàn dhārh праща

褰 裳 蹤 步, 執 弹 而 留 之(Чжуанцы 5:128)

qiān cháng jué bù zhí dàn ér lú zhī

подобрать одежду ускорить шаг держать пращу и ждать Зед

Он подобрал одежду и ускорил шаг, в руках держал пращу и стал ждать ее (т.е. птицу)

7a 鑽 zuān cōn protkнуть, просверлить, прокопать

不 待 父 母 之 命, 媒 妒 之 言,

bù dài fù mǔ zhī mìng méi shuò zhī yán

не ждать отец мать посс наказ сваха посс слово

Не дожидаясь родительского наказа и посредничества свахи,

鑽 穴 隙 相 窥(Мэнцзы 3B3:23)

zuān xuè xì xiāng kuī

сверлить отверстие щель взаимно подглядывать

пробивают [в стене] отверстия, чтобы тайком смотреть друг на друга.

7b 鑽 zuàn cōnh сверло; то, чем протыкают; также орудие пытки

中 刑 用 刀 鋸,

zhōng xíng yòng dāo jù

средний пытка использовать нож пила

O. M. Mazo

При пытке средней тяжести использовали нож и пилу,
其次用鑽笮(Го юй 4:6)

qí cì yòng zuàn zuó
следующий использовать бур бур
при следующей по тяжести пытали бурами.

8a 數 shǔ sro? считать
以 數 軍 實 (Цзочжуань 3 : 12)

yǐ shǔ jūn shí
чтобы считать военный богатство
Чтобы посчитать оружие

86 數 shù sro?h число

號 物 之 數 謂 之 萬

hào wù zhī shù wèi zhī wàn (Чжуанцзы 4:101)
говорить сущность посс число называть Зед 10 тысяч

Говоря о числе сущностей, называли его (число) 10 тысяч.

9a 知 zhī tre знать

不 吾 知 也(Луньюй 14:252)

bù wú zhī yě
не мы знать част
Нас не знают

9б 知 zhì treh разумность (в конфуцианстве- врожденная способность человека, позволяющая познавать). Также записывается как 智.

知者利仁 (Луньюй 5:75)

zhì zhē lì rén
мудрость тот желать гуманность
Мудрые люди хотят гуманности

3.1.3. К третьей группе относятся 2 пары, в которых существительные обозначает результат действия, выраженного глаголом. Эти существительные не являются актантами исходных глаголов и не выражают их валентности.

10a 縫 féng bhoŋ 1) залатать 2) зашить

摻 摻 女 手

shān shān nǚ shǒu

нежный жена рука

Суффикс *-h ... в древнекитайском языке

Нежные руки молодой жены

可 以 縫 裳 (Шицзин 5:8)

kě yǐ féng cháng

мочь шить одежду

могут сшить одежду

106 縫 fēng bhoŋh шов

羔 羊 之 縫

gāo yáng zhī fēng

ягненок баран посс шов

Швы на [шкурах] ягнят и баранов

素 絲 五 縫 (Шицзин 1:14)

sù sī wǔ zōng

суровая шелковая нить пять стежок

сшиты пятью стежками суровых шелковых нитей

11a 陳 chén dhrən выставить, расставить в порядке

陳 帥 鞠 旅 (Шицзин 10:8)

chén shī jū lǚ

расставить армия обратиться армия

Построил воинов и обратился к ним

11b 陳 zhèn dhrənh боевой порядок, позиция

衛 靈 公 問 陳 於 孔 子 (Луньюй 18:331)

Wèi Líng-gōng wèn zhèn yú Kǒng-zi

Вэй Лин-гун спрашивать боевой порядок у Конфуций

Вэй Лин-гун спросил у Конфуция о боевом порядке войск.

3.1.4. К четвертой группе относится пара, где существительное обозначает первый актант, что противопоставляет ее вышеперечисленным парам, где существительное заполняло не первую валентность. Кроме того, обозначение действия является типичным для глагола в позиции актанта. Поэтому оформление существительного суффиксом в этом случае является исключением.

12a 從 cóng ㄔㄥˊ следовать за

公 之 媚 子

gōng zhī mèi zi

Гун посс фаворитка

Фаворитки гуна

О. М. Мазо

從 公 于 狩 (Шицзин 21:6)

cóng gōng yú shòu

сопровождать гун на охота

сопровождают его на охоте

12a 從 zòng ㄔㄨㄥˋ сопровождающий

齊 子 歸 止

qí zǐ guī zhǐ

Ци женщина вернуться остановиться

Женщина из Ци вернулась.

其 從 如 水(Шицзин 17:5)

qí- zòng rú shuǐ

посс спутник подобный вода

Ее спутники подобны [потоку] воды (так их многр)

3.1.5. К пятой группе относятся пары, в которых существительное обозначает имя действия.

В паре 13 существительное «трудность» является причиной ситуации «трудно». Подлежащее при глаголе «быть трудным» не является агенсом, а является объектом состояния «трудно» или действия, выраженным последующим глаголом. От этого глагола стандартным способом (без изменения формы слова) образуется каузатив со значением «посылать бедствия, делать так, чтобы было трудно», у которого есть две валентности: кто посыпает и кому посыпает (оформляется предлогом 为). Существительное, таким образом, не является актантом глагола. Не является актантом и существительное в паре 14.

Хотя в китайском языке практически любое слово, обозначающее действие, в позиции субъекта или объекта имеет значение имени действия, оформление этого значения суффиксом является исключением, а не правилом. Однако в тибетском языке такое значение для суффикса -s является типичным,ср. akhru-ba мыть(ся), купать(ся) – khrus купание, мытье, хотя случаи, когда глагол и имя действия имеют одно означающее, также представлены в языке.

13a 難 nán nār быть трудным, трудно

曰, 難 言 也(Мэнцзы 2A2:11)

yuē nán yán yě

Суффикс *-h ... в древнекитайском языке

говорить трудно говорить част

Сказал: «Трудно сказать».

136 難 nàn nār бедствие, трудности

王 事 多 難(Шицзин 9:9)

wáng shì duō nàn

Царь дело много трудность

Царь испытывает многочисленные трудности (в его делах)

14a 數 shù sro? считать

以 數 軍 實 (Цзочжуань 3 : 12)

yǐ shù jūn shí

чтобы считать военный богатство

Чтобы посчитать оружие

146 數 shù sro?h счет, математика

六 藝: 禮, 樂, 射, 御, 書, 數 (Чжоу ли 10:7)

liù yì lǐ yuè shè yù shù shù

шесть искусство ли музыка стрельба из лука управление колесницами чтение счет

Есть 6 искусств: ли, музыка, стрельба из лука, управление колесницами, чтение и счет.

3.2. Преобразование существительного в глагол. В отличие от именного словообразования, существительное часто понимается в переносном смысле. Случаи такого рода либо выделяются в отдельную группу, либо оговариваются особо.

3.2.1. Этую самую многочисленную группу можно, в свою очередь, разделить на 3 подгруппы, в зависимости от того, основное или производное значение существительного, влияет на образование глагола, а также от количества участников ситуации.

3.2.1.1. Подгруппа А. К ней относятся пары, в которых существительное обозначает неодушевленный объект Y, а глагол – стандартное, обычное действие, которое одушевленный X производит с Y. В зависимости от валентностей глагола возможен третий участник ситуации, на которого направлено действие (пары 15,17,18).

15a 鹽 yán lam соль

膠 瓢 舉 於 魚 鹽 之 中 (Мэнцзы 6B12:50)

jiāo gé jǔ yú yú yán zhī zhōng

О. М. Mazо

Цзяогэ призвать на службу от рыба соль посс середина

Цзяогэ был призван на службу, когда он занимался рыбой и солью

156 鹽 yàn lamh солить

屑桂與鹽以洒諸上而鹽之 (Лицзи 28:5)

xiè guì yǔ yán yǐ sǎ zhū shàng ér yán zhī

Измельчить корица с имбирем чтобы посыпать заготовка верх и посолить Зед

Измельчить корицу с имбирем, посыпать ими сверху и все посолить.

16a 棺 guān kʷān гроб

鯉也死,有棺而無槨 (Луньюй 14:240)

Lǐ yě sǐ yǒu guān ér wú guāng

Ли част умереть иметь гроб и не иметь саркофаг

Был Ли. Когда он умер, у него был гроб, но не было внешнего саркофага.

16б 棺 guān kʷānh класть тело в гроб

為其所得者,棺而出之 (Цзочжуань 16:10)

wéi qí suǒ dé zhē guān ér chū zhī

быть Зед то иметь тот положить в гроб и выносить ЗедТех, чьи [тела] были, положили в гроб и вынесли оттуда (из города.)

17a 衣 yī ?эj одежда

齊必有明衣,布 (Луньюй 12:218)

zhāi bì yǒu míng yī bù

пост должен иметь чистый одежда полотно

В время поста [он] всегда носит чистые платья из полотна (сделанного из пеньки)

17б 衣 yī ?эjh (на)одевать(ся)

衣錦裊衣 (Шицзин 10:9)

yì jǐn jiōng yī

Носить парчовый одинарный одежда

Носит парчовые одежды без подкладки

18a 冠 guān kʷān головной убор

羔裘玄冠不以弔 (Луньюй 12:216)

gāo qíu xuān guān bù yǐ diào

Суффикс *-h ... в древнекитайском языке

ягненок шуба черный шапка не использовать соболезновать
Выражая соболезнования, не носил шубу из ягненка и черную шапку

18б 冠 guàn kʷānh надеть головной убор

許 子 冠 乎 (Мэнцзы ЗА4:20)

Xū zǐ guàn hū

Сюй господин носить шапка вопр

Господин Сюй носит шапку?

Глагол из пары 17 может быть интерпретирован и по-другому: «использовать Z (что-то другое) в качестве Y стандартным способом», т.е. носить шелк, парчу, мех и т.д. в качестве одежды. Тогда эту пару следует относить к подгруппе Б вместе с парой «подушка – использовать что-то в качестве подушки».

К этой подгруппе можно также отнести и еще одну пару, в которой Y обозначает одушевленный объект.

19a 宾 bīn pīn гость:

我 有 嘉 宾 (Шицзин 30:3)

wō yǒu jiā bīn

я иметь дорогой гость

У меня дорогие гости

Попадая в позицию предиката, это слово может иметь значение «принимать гостей». Для обозначения этого значения использовался также и специальный иероглиф:

19б 摆 bìn pīnх принимать (гостей) (Ван 1982б, с.50)

君 召 使 摆 (Луньюй 11:198)

jūn zhāo shǐ bìn

государь вызывать поручать принимать гостей

Если государь вызывал его и поручал принимать гостей

3.2.1.2. Подгруппа Б. К этой подгруппе относится пара, в которой существительное обозначает неодушевленный объект Y, а глагол имеет значение «X использует Z в качестве Y стандартным способом».

20а 扪 zhēn tēm? подушка

輾 轉 伏 扪 (Шицзин 23:10)

zhǎn zhuǎn fú zhēn

ворочаться лежать подушка

О. М. Мазо

Ворочаясь, [я] лежу на подушке
206 拊 zhèn təm̫h использовать в качестве подушки
子 曰, 飯 疏 食 飲 水,
zǐ yuē fàn shū shí yǐn shuǐ
Мудрец говорить есть сырая пища пить вода
Мудрец сказал: « Я ем сырую пищу и пью воду,
曲 肱 而 拊 之 (Луньюй 8:143)
qū gōng ér zhèn zhī
сгибать локоть и использовать вместо подушки Зед
сгибаю локоть и кладу на него голову (использую его вместо по-
душки)».

3.2.1.3. Подгруппа В. К этой подгруппе относятся пары, в которых существительное обозначает неодушевленный объект Y, а глагол имеет значение «X использует Z в качестве Y в переносном смысле». Иногда этот переносный смысл есть у существительного (пара 23), иногда он появляется только в значении глагола (пары 21, 22).

21a 文 wén mən узор, украшение
文 猶 質 也,
wén yóu zhì yě
Украшенность как сущность част
Украшенность так же [важна], как и сущность
質 猶 文 也 (Луньюй 15:267)
zhì yóu wén yě
сущность как украшенность част
Сущность так же [важна], как и украшенность (т.е. содержание и
форма одинаково важны).
21б 文 wén mən h приукрашивать, выставлять в лучшем свете (ис-
пользовать слова в качестве узора)
子 夏 曰, 小 人 之 過 也,
zǐ xià yuē xiǎo rén zhī guò yě
Цзы Ся сказать маленький человек посс ошибаться част
Цзы Ся сказал: «Когда маленький человек совершает проступок,
必 文 (Луньюй 22:403)
bì wén

Суффикс *-h ... в древнекитайском языке

обязательно приукрашивать
он обязательно постараётся выставить его в лучшем свете».

22а 蔽 yīn ?эм тень, место, куда не попадает солнце

趙 孟 視 蔽 (Цзочжуань 41:9)

Zhào Mèng shì yīn Чжао Мэн смотреть тень

Чао Мэн посмотрел на тень

22б 險 yīn ?эмh укрывать, покрывать (дать кому-то тень)

即 之 險 女 (Шицзин 59:6)

jí zhī yīn rǔ

идти част укрыть ты

[Я] иду дать тебе убежище (букв. укрыть тебя [от опасности])

23а 道 dào lhū? дорога

獸 踏 鳥 跡 之 道,

shòu tā niǎo jì zhī dào

зверь след птица след посс дорога

Тропы от звериных и птичьих следов

交 於 中 國 (Мэнцы 3A4:20)

jiāo yú zhōng guó

пересекаться в государство

пересекались во всей Поднебесной

23б 道 dào lhū? путь как истинный способ, метод, принцип

天 下 之 無 道 也 久 矣 (Луньюй 4:72)

Tiān xià zhī wú dào yě jiǔ yǐ

Поднебесная част не иметь путь част давно част

Поднебесная давно уже не следует Пути

23в 道 dǎo lhū?h вести, направлять (показывать дорогу)

子 曰 忠 告

zǐ yuē zhōng gào

Мудрец сказать преданно предупреждать

Мудрец сказал: «Преданно предупреждай [друга]

而 善 之 (Луньюй 16:279)

ér shàn dǎo zhī

и умело направлять Зед

и умело направляй его».

23г 道 dǎo lhū?h управляемъ

子 曰, 道 千 乘 之 國

zǐ yuē dǎo qiān shèng zhī guó

Мудрец сказать управлять тысяча колесниц посс государство

Мудрец сказал: «Управляя государством, где есть тысяча колесниц,

敬 事 而 信 (Луньюй 1:7-9)

jìng shì ér xìn

почтительно служить и быть верным

почтительно служи [государю] и будь верен (не обманывай)».

В примерах 22 и 23 есть объект, на который направлено действие: укрывать – кого, управлять/направлять – кого. Слово «украшать» встречается только в одном контексте без дополнения:

3.2.2. Ко второй группе относятся пары, которые можно разделить на две подгруппы в зависимости от количества участников ситуации.

3.2.2.1 Подгруппа А. К этой подгруппе относятся пары, в которых существительное обозначает одушевленный X, а глагол имеет значение «X функционирует стандартным способом, совершает действие, для которого он предназначен». У глаголов в парах 24 и 25 есть объект, на который направлено действие: править – кем\чем, быть женой – кому.

24a 王 wáng wáŋ ван

王 欲 行 王 政 (Мэнцзы 1B5:6)

wáng yù xíng wàng zhèng

царь хотеть проводить царский политика

Если Вы, о царь, захотите проводить истинно царскую политику

24б 王 wàng wáŋh царствовать, править должным образом

今 王 與 百 姓 同 樂, 則 王 矣 (Мэнцзы 1B1:5)

jīn wáng yù bǎi xìng tóng lè zé wàng yǐ

Теперь ван с народ вместе радоваться то царствовать част

Теперь, о ван, если Вы позволите народу иметь с Вами (разделить с Вами) общие радости, то будете законным правителем мира.

25a 女 nǚ nrā? 1) женщина 2) девушка 3) жена 4) дочь 5) невеста

窈 窕 淑 女

yǎo tiǎo shū nǚ-

очаровательная добродетельная девушка

Суффикс *-h ... в древнекитайском языке

Очаровательная добродетельная девушка

君子好逑 (Шицзин 1:12)

jún zì hǎo qiú

господин хорошая пара

будет господину хорошей парой.

25б 女 nǚ nǚ?h быть женой

堯之於舜也,使其子九男事之,

Yáo zhī yú Shùn yě shǐ qí zǐ jiǔ nán shì zhī

Яо част для Шунь част велеть посс сын девять мужчина служить Зед

Яо велел девяти своим сыновьям служить Шуню,

二女女焉 (Мэнцы 5B6:41)

èr nǚ nǚ yān

два дочь быть женой Зед

а двум дочерям быть ему женами.

26а 弟dì 𠀤(х) 𠀤 j? младший брат:

悌tì 𠀤(х) 𠀤 jh уважительно относиться к старшему брату, к старшим (Ван 1982б, с.50).

Ван Ли (Ван 1982б) отмечает, что изначально 悌 писался как 弟, то есть слова с глагольным и именным значением записывались одинаково, а потом глагол выделился в отдельное слово.

Это хорошо видно в текстах. Изначально «отношение между братьями» и «младший брат» имели одну графическую презентацию:

26б 兄曰,嗟予弟行役 (Шицзин 18:5)

xiōng yuē jiē yú dì xíng yì

старший брат говорить увы мой младший брат идти поход

Мой старший брат говорит: «Увы! Мой младший брат ушел в поход!»

26в 亦教之孝弟而已矣 (Мэнцы 7A39:54)

yì jiāo zhī xiào dì ér yǐ yǐ

част учить Зед сыновья почтительность уважительное отношение к старшим братьям и част част

Научи его только сыновьей почтительности и уважительному отношению к старшим братьям.

26г 申之以孝弟之義 (Мэнцы 1A3:2)

О. М. Мазо

shēn zhī yǐ xiào tì zhī yì

уделять внимание Змн инстр сыновья почтительность посс правильный уважительное отношение к старшим братьям

И в них будет обращаться особое внимание на сыновью почтительность и уважительное отношение к старшим братьям.

3.2.2.2. Подгруппа Б. К этой подгруппе относится пара, в которой существительное обозначает неодушевленный X, а глагол имеет значение «Y функционирует как X стандартным способом». 27a 膏 gāo kāw жиры и масла

膏澤下於民(Мэнцы 4B3:30)

gāo zé xià yú mǐn

жир влага спускаться на народ

Народу были оказаны милости

27б 膏 gào kāw h uтучнить

陰雨膏之(Шицзин 25:6)

yīn yǔ gào zhī

благотворный дождь смазать Змн

Благотворные дожди утучнили их

В этом примере дождь функционирует как жир (в переносном смысле) по отношению к почве. У этого глагола есть валентность на объект, на который направлено действие.

3.2.3. К третьей группе относятся пары, в которых глагол обозначает действие, результатом которого является существительное. Объект, обозначаемый существительным, появляется только благодаря этому действия.

Отношение между членами последней пары сильно отличается от остальных членов группы. В парах 28 и 29 глагол имеет значение, выводимое из значения существительного: «получить X (семью, жену)», а в паре 30 значение слова «умереть» не выводится из значения слова «траур». Поэтому, возможно, этот случай следует рассматривать особо.

28а 妻 qī shè j жена

衛侯之妻(Шицзин 10:9)

wèi hóu zhī qī

Суффикс *-h ... в древнекитайском языке

Вэй хоу посс жена

Жена вэйского хоу

286 妻 qì shə⁻jh сделать кого-то своей женой, жениться

妻 帝 之 二 女 (Мэнцзы 5A2:35)

qì dì zhī èr nǚ

жениться император посс два дочь

Женился на двух дочерях императора

28в 妻 qì shə⁻jh дать кому-то жену

帝 之 妻 舜,

dì zhī qì Shùn

император част женить Шунь

Император женил Шуня

而 不 告 何 也 (Мэнцзы 5A1:34)

ér bù gào hé yě

и не сказать почему част

и ничего не сказал [его родным]. Почему это?

29a 家 jiā krāj семья:

曰, 往 之 女 家,

yuē wàng zhī rǔ jiā

говорить идти част ты семья.

Говорит: «Ты отправляешься к себе домой (в твою семью).

必敬必戒 (Мэнцзы 3B2:24)

bì jìng bì jiè

должен уважать должен быть осторожным

Относись [ко всем] с уважением и будь осторожна».

29б 嫁 jià krājh выйти замуж (Ван 1982б, с.50)

女子 之 嫁, 也 母 命 之 (Мэнцзы 3B2:24)

nǚ zhī jià yě mǔ mìng zhī

девушка част выходит замуж част мать наставлять Зед

[Когда] девушка выходит замуж, мать наставляет ее

30а 哭 sāng sāng траур

孟 子 之 後 哭 蹤 前 哭 (Мэнцзы 1B16:9)

Mèng zì zhī hòu sāng yú qián sāng

Мэнцзы посс последний траур превосходить предыдущий траур

Последний траур Мэнцзы превосходит предыдущий.

О. М. Мазо

30б 褒 sāng sāŋ telo и гроб покойного

夫 人 氏 之 褒 至 自 齊 (Чуньцю 12:1)

fū rén shì zhī sāng zhì zì Qí

жена госпожа посс гроб прибыть из Ци

Гроб с телом госпожи прибыл из Ци.

30в 褒 sàng sāŋh потерять, утратить

勇 士 不 忘 褒 其 元 (Мэнцзы 3B1:22)

yǒng shì bù wàng sàng qí yuán

герой не забыть потерять посс первый

Герои не забудут тех, кого потеряли первыми

30г 褒 sàng sāŋh умереть

武 王 即 褒, 管 叔 及 其 群 弟

Wǔ wáng jí sàng Guǎn-shū jí qí qún dì

У-ван только умереть Гуань-шу и посс все младший брат

Как только умер У-ван, как Гуань-шу и его младшие братья

流 言 於 國 (Шаншу 13:6)

liú yán yú guó

распространять слух по государство

стали распространять по Поднебесной слухи.

4. Можно сделать следующие предположения о характере рассмотренных явлений. Возможно, процесс словообразования с помощью суффикса *-h происходил таким образом: слово в нетипичной для него синтаксической функции могло получать специальную суффиксальную маркировку. Слово с основным значением действия или состояния, например, «передавать» или «знать», употребляясь в актантной функции («записки» или «разумность»), получало оформление при помощи суффикса *-h. И, наоборот, слово с основным предметным значением, например, «соль», в предикативной функции («солить») маркировалось аналогичным образом. Впоследствии для такого употребления могло появиться и новое написание.

Таким образом, одним из значений суффикса *-h было образование семантических частей речи: семантических имен, т.е. слов, для которых значение предмета является основным, от семантических

Суффикс *-h ... в древнекитайском языке

глаголов, т.е. слов для которых основным является значение действия или состояния, и наоборот.

На вопрос о том, почему именно в этих словах комментаторы отметили падающий тон, ответить достаточно сложно, т.к. корпус древнекитайских текстов ограничен, комментарии не всегда совпадают между собой. С одной стороны, причиной таких комментариев могло быть изменение тона только у небольшой группы слов. С другой стороны, возможно наоборот, такое суффикальное словообразование было достаточно регулярным, а в данных словах комментаторы по каким-то причинам посчитали нужным специально подчеркнуть тональное изменение.

Аргументом в пользу первого предположения может, в частности, служить то, что слова с суффиксом выступают в нестандартных функциях. Действительно, из 14 случаев образования существительного от глагола, только в 3 случаях (примеры 12-14) значения существительного (имя действия и название предмета по признаку), являются стандартными для глагола в позиции актанта, однако маркируются суффиксом. В остальных же 11 случаях существительное обозначает объект, инструмент или результат.

С глаголами дело обстоит несколько сложнее. Из 16 случаев образования глагола от имени в 13 (примеры 15-27) значение глагола стандартно: «действие, совершаемое с помощью существительного (использовать что-то, использовать что-то в качестве исходного существительного в прямом и переносном смысле)» и «вести себя, действовать как подобает кому-то». В остальных 3 случаях глагол имеет нестандартное значение «действие, результатом которого является исходное существительное». Возможно, сохранение суффикса в этих 13 случаях связано с идиоматичными употреблениями глаголов. Например, 翰 guàn означает не только «носить головной убор», но и «ритуальное действие, надевание шапки юношам при достижении ими совершеннолетия». 王 wàng означает не просто «править», а «править должным, правильным образом», тогда как у существительного семантический компонент «должным образом» не входит в его значение и т.д.

О. М. Мазо

В любом случае, независимо от регулярности, наличие вышеперечисленных значений у суффикса *-h позволяют сделать некоторые предположения о семантике сино-тибетской морфеме *-s, к которой восходит древнекитайский суффикс. Данные классического тибетского языка, в котором у суффикса – s также была функция образования имени от глагола (Мазо 2000в) позволяют предположить, что одной из функций *-s было преобразование глагола в имя. Тибетский суффикс почти не использовался для образования имен от глаголов, поэтому для реконструкции такой функции у сино-тобетской морфемы необходимы дополнительные данные других языков.

Мне хотелось бы выразить благодарность С.Е. Яхонтову и С.А. Старостину за полезные замечания.

Список сокращений

вопр – вопросительная частица
посс – показатель принадлежности
част – частица
Зед – местоимение 3 лица единственного числа
Змн – местоимение 3 лица множественного числа

Библиография

Мазо 1998 – *Мазо О.М. Аффиксация в древнекитайском языке// Материалы IX Международной конференции по китайскому языко-знанию. М., 1998*

Мазо 2000а – *Mazo O.M. Suffix *-h in Old Chinese: semantics, distribution, perspectives // Доклады и тезисы международной конференции*

Суффикс *-h ... в древнекитайском языке

«Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия». М., 2000

Мазо 2000б – *Мазо О.М.* О некоторых «нестандартных» употреблениях древнекитайского суффикса *-h // Материалы X Международной конференции по китайскому языкознанию. М., 2000

Мазо 2000в – *Мазо О.* Reflexes of Sino-Tibetan *-s in Classical Tibetan and Old Chinese // Ninth Seminar of the International Association for the Tibetan Studies hosted by the International Institute for Asian Studies in Leiden: Book of Abstracts. Leiden, 2000.

Старостин 1989 – *Старостин С.А.* Реконструкция древнекитайской фонологической системы. М., 1989.

Старостин 1994 – *Старостин С.А.* Заметки о древнекитайском языке // Знак, М., 1994.

Сыбу бэйяо 1936 – Сыбу бэйяо. Чжунхуа шуцю. Шанхай, 1936
四部備要, 中華書局, 上海, 1936.

Сыбу цункань 1929-1937 – Сыбу цункань. Шан'у иньшугуань.
Шанхай, 1929-1937 四部叢刊, 商務印書館, 上海, 1929-1937.

Чжуцзы цзичен 1957 – Чжуцзы цзичен. Чжунхуа шуцю. Пекин,
1957 諸子集成, 中華書局, 北京, 1957.

Яхонтов 1959 – *Яхонтов С.Е.* Фонетика китайского языка I тысяча-
челетия до н. э. (система финалей) // Проблемы востоковедения. М.,
1959.

Яхонтов 1965 – *Яхонтов С.Е.* Древнекитайский язык. М., 1965.

Baxter 1992 – Baxter W.H. A handbook of Old Chinese phonology //
Trends in Linguistics. Studies and Monographs. Berlin: Mouton de Gruyter,
1992. №64.

Cikosky 1978 – *Cikosky J.S.* Three Essays on Classical Chinese Gram-
mar // CAAAL. 1978. №8-9.

Forrest 1965 – *Forrest C.A.D.* The Chinese Language. London, 1965.

Harvard-Yenching 1973 – Harvard-Yenching Institute Sinological Index Series. Suppl.17: A concordance to Meng Tzu. Taipei, 1973.

Haudricourt 1954 – *Haudricourt A.G.* Comment reconstruire le chinois
archaïque.// Word. 1954. Vol.10. Part 1-2.

Hopper 1984 – *Hopper P.J., Tomson S.A.* The discourse basis for lexical categories in universal grammar // Language. 1984. Vol.60. №4.

O. M. Mazo

Karlgren 1957 – *Karlgren B. Grammata Serica Recensa // Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities. Stockholm, 1957. № 29.*

Pulleyblank 1962 – *Pulleyblank E.G. The Consonantal System of Old Chinese // Asia Major, 1962. Vol.9. Part.1; 1963. Part 2.*

Ван 1982а - Ван Ли. Ханьюй иньюоньсюэ. Пекин, 1982 王 力, 漢語音韻學, 北京, 1982

Ван 1982б - Ван Ли Тунюй цзыдянь. Пекин, 1982 王 力, 同源字典, 北京, 1982

ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АРХИВОВ

К истории количественных методов в переводоведении

Несколько слов в предварение
статьи А. М. Финкеля

Историю количественных методов в отечественном переводоведении принято связывать прежде всего с работами М.Л. Гаспарова и его учеников¹. Самая ранняя, постановочная публикация М.Л. Гаспарова по этим вопросам была издана в 1975 г.². Между тем пятью годами ранее в печати появились сведения о том, что проблемами количественной оценки близости перевода к оригиналу еще в первой половине 1960-х годов начал заниматься известный лингвист, переводчик и теоретик перевода Александр Моисеевич Финкель (1899-1968)³. В свой очерк, написанный под свежим впечатлением

¹ См., например, Гаспаров М.Л. Брюсов и подстрочник [Изд. 2.] // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т.2. М.: Языки русской культуры, 1997; Настопкене В.В. Опыт исследования точности перевода количественными методами // Ученые записки ВУЗов Литовской ССР. Литература. 1981. Т.23.(2). С. 58-70.

² Гаспаров М.Л. Подстрочник и меры точности // Теория перевода и научные основы подготовки переводчиков: Тезисы докл. Ч.1. М.: МГПИЯ, 1975. С.121-122.

³ Биографические сведения об А.М. Финкеле и его мемуарный портрет см. в названном ниже очерке И.Я.Айзенштока. Перечень его прижизненных научных и методических публикаций см.: Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды. Т.3. Минск: Изд. БГУ, 1978. С. 252-254. О посмертно опубликованных работах см.: Гиндин С.И. Опора на словари и специфика поэтической речи в «Опытах лингвистического анализа» А.М. Финкеля // Русский язык. 2000. №41. С.5. О Финкеле как переводчике и классике русской пародии см. предисловия Л.Г. Фризмана к публ.: Шекспир У. Сонеты: Перевод А.М. Финкеля // Шекспировские чтения, 1976. М.: Наука, 1977; Паперная Э.С., Розенберг А.Г., Финкель А.М. Парнас дыбом: Лит. пародии. М.: Худож. лит., 1989.

С. И. Гиндин

от кончины Финкеля, И.Я. Айзеншток, наряду с обзором опубликованных работ покойного по проблемам перевода, включил (в своем переводе с украинского) неопубликованные тезисы А.М. Финкеля «Про критерии точности стихотворного перевода». В них утверждалось, что «лингвистический анализ» позволяет «объективно точно установить степень адекватности стихотворного перевода». Вслед за тезисами приводился фрагмент статьи 1963 г. «О точности стихотворного перевода», содержащий перечень критериев оценки лексико-семантической близости перевода к оригиналу¹.

К сожалению, в заглавии очерка И.Я. Айзенштока указание на проблему критериев оценки перевода отсутствовало, а сборники «Мастерство перевода» не входили в круг чтения лингвистов и литературоведов, занимавшихся разработкой точных методов исследования. Поэтому сообщение И.Я. Айзенштока прошло незамеченным (нет ссылок на него и в публикациях М.Л. Гаспарова). Не помогла ввести идеи А.М. Финкеля в научный оборот и моя попытка их краткого сопоставления с методикой М.Л. Гаспарова².

Очевидно, настала пора познакомиться с самими неопубликованными работами А.М. Финкеля. Настоящая публикация – первая из двух предполагаемых – содержит статью 1963 г. «О точности стихотворного перевода». Если судить по датам, сообщаемым И.Я. Айзенштоком³, по времени создания это второй из серии опытов сравнительного анализа различных русских переводов одного стихотворения⁴.

Вместе с тем это самая ранняя из попыток разработки количественных критериев сравнения. Совмещенные в одной статье подробных теоретических рассуждений и эмпирического обследования многочисленных переводов стихотворения Байрона не могли не при-

¹ Айзеншток И.Я. А.М.Финкель – теоретик художественного перевода // Мастерство перевода. Сб.7. М.: Сов. писатель, 1970. С. 111-116.

² Гиндин С.И. О количественных методах оценки близости перевода к оригиналу // Всесоюзная конференция «Совершенствование перевода научно-технической литературы и документов»: Тезисы докл. и сообщ. М., 1988. С. 28-30.

³ Айзеншток И.Я. Указ. соч. С. 111.

⁴ После издания обзора Айзенштока был опубликован еще один опыт из этой серии: Фінкель А.М. «Заповіт» Т.Г.Шевченка в російських перекладах // Мовознавство. 1975. №2. С. 67-75.

вести к некоторой громоздкости и рыхлости целого, в котором несколько теряется изложение самих критериев количественного сопоставления (см. раздел I.10.).

К тому же и место этих критериев в общей системе сравнения переводов с оригиналом, их соотношение с «качественным», «содержательным» анализом, еще не вполне ясны автору статьи, только нащупываются им.

В дальнейшем и сама система количественных критериев, и порядок ее применения обретут у А.М. Финкеля большую четкость и большую «полноправность» в общей процедуре оценки⁸. Но без публикуемой ранней пионерской статьи и история разработки количественных методик сравнения перевода с оригиналом, и наши представления о возможных вариантах критериев сравнения остались бы неполными. Не потеряла научной ценности и читательского интереса и историко-эмпирическая часть статьи – исследование перипетий воссоздания на русском языке маленького шедевра Байрона.

Статья публикуется по фотокопии машинописного экземпляра, правленого автором и имеющего авторскую помету: «Окончательный вариант». Сама машинопись вместе с большинством научных рукописей А.М. Финкеля была сдана его вдовой Анной Павловной Финкель в Государственный архив-музей литературы и искусства Украины. Фотокопия была в свое время прислана Анной Павловной Финкель, предоставившей мне право ее публикации.

При подготовке к печати авторский текст не подвергался редакторской правке, а необходимые – в случаях неясности или неполноты – добавления отдельных слов заключались в ломаные скобки. Более пространные разъяснения (впрочем, немногочисленные) вынесены в подстрочные примечания, помеченные, в отличие от авторских, словами *Примеч. публикатора*.

В подаче примеров устранен присущий авторской машинописи разнобой в употреблении курсива и кавычек. Там, где разбираются

⁸ См. позднейшую статью, доступную пока только в газетной публикации: Финкель А.М. «Ночная песня странника» в русских переводах // Русский язык. 2001. №13. С.6-12.

С. И. Гиндин

сами языковые выражения, они выделяются в публикации курсивом. Напротив, обсуждаемые значения, языковых выражений всюду набраны прямым шрифтом и заключены в кавычки. В частности, там, где А.М. Финкель, говоря: «Слова Байрона», – приводит лишь русский эквивалент этих «слов», русский эквивалент рассматривался как запись значения английских выражений и заключался в кавычки.

Было решено сохранить подстрочный порядок расположения примечаний и архаичное сегодня, но хранящее аромат времени неформализованное оформление библиографических данных.

Нумерация разделов в оригинале ведется лишь в пределах каждой из глав. При публикации у арабскому номеру раздела для удобства всюду присоединен спереди номер главы.

В подготовке текста помимо автора этого предисловия, участвовала Ю. Звягильская.

С. Гиндин

A. M. Финкель
О точности стихотворного перевода

I. Вводные замечания

При каких условиях стихотворный перевод получает право называться точным?

I.1.

То, что понятие адекватности, или точности перевода, не совпадает с понятием буквальности, или дословности его, и что они якобы даже противоречат одно другому, давно уже стало общим местом теории перевода и повторяется весьма охотно и чересчур часто. Однако ни одно из этих противопоставляемых понятий, т. е. ни понятие точности (адекватности), ни понятие дословности (буквальности) никаких четких критериев не имеют и определенным, общепринятым содержанием не обладают¹. Сплошь и рядом ими оперируют как известными и всеми одинаково расцениваемыми, как имеющими одинаковый объем и одинаковое содержание для всех жанров литературы и всех видов перевода. Между тем это далеко не так: понятие дословности никакого точного содержания вообще не имеет, а понятие точности по отношению к различным литературным жанрам имеет разное содержание и определяется показателями, во многом не совпадающими. Поэтому первая задача в данной области

¹Правильное и вполне нами разделяемое содержание понятия «адекватность», данное А.А. Смирновым в «Литературной энциклопедии» (Т.8. М., 1934. Стб. 527), является, к сожалению, чересчур широким и никаких критериев, кроме самых общих и жанрово не дифференцированных, не дает.

А. М. Финкель

состоит в уточнении этих понятий и в нахождении для них каких-то объективных критериев.

Мы не ставим перед собой задачи установить эти критерии во всем их объеме и по отношению ко всем жанрам – это тема особая, большая, требующая специальных исследований. Наша задача скромнее: на основании сравнительного анализа нескольких переводов одного стихотворения попытаться установить те черты, которые можно было бы выдвинуть в качестве критерия не только научного понятия точности, но и эстетического понятия совершенства перевода (по отношению к стихотворному переводу, конечно). Мы полагаем при этом, что эти два понятия неотделимы одно от другого, причем эстетическая оценка должна опираться на научный анализ и его показатели. В какой мере научный анализ может опереться на оценки эстетические, является вопросом более сложным, ибо тут входят в силу не только показатели лингвистические, стилистические, жанровые, т. е. внутренние и более или менее устойчивые, но и показатели внешние, исторически изменчивые – кого переводят, кто переводит, когда переводят, для кого переводят, какие идеально-эстетические предпосылки лежат в основе перевода, и т. д., и т. п., – т.е. историко-литературные.

Анализируя переводы отдельных, да еще небольших произведений, задачи лингвистические и стилистические ставить и решать можно; задачи же историко-литературные требуют привлечения материала, не только большего по объему, но и иного по характеру и по методам исследования. Вот почему, вполне сознавая их ценность и необходимость, мы все же не считаем себя вправе касаться в данной работе вопросов историко-литературных.

I.2.

В чем проявляется специфика стихотворного перевода, сказывающаяся на содержании понятий «точность», «буквальность», «совершенство» перевода, и под каким углом зрения следует подойти к установлению объективных критериев для этих понятий? Не так давно Вячеслав Всееволодович Иванов в работе «Лингвистические

О точности стихотворного перевода

вопросы теории перевода» выдвинул следующее положение: «Основной проблемой теории перевода (в том числе и машинного перевода) является вопрос об инварианте, сохраняемом при преобразовании текста, которое называется переводом»¹.

Если в математические термины вкладывать соответствующее строгое математическое содержание, то под инвариантами и здесь следовало бы подразумевать величины или выражения, остающиеся неизменными при определенном преобразовании связанных с ними переменных, как например, при переходе от одной системы координат к другой. Но в языке все это приобретает иное содержание. Перевод, конечно, преобразование, но преобразование совершенно иного рода, нежели преобразования математические. В языке «система координат» и «переменные величины, подвергающиеся преобразованию», неотделимы так, что «система координат» лишь в этих «переменных величинах» и существует; они, так сказать, есть способ существования данной системы. Фонемный состав языка, его акцентологическая система, его грамматический строй, значения слов, их эмоциональная окраска, вызываемые словами побочные представления, принадлежность слова к той или иной лексической категории, отношения их в плане современности и в плане историческом – все это образует и то, что характеризует язык в целом («систему координат»), и те переменные величины, которые должны подвергнуться преобразованию.

Если бы вся суть стихотворного перевода ограничивалась бы только вмещением какого-то количества слов с каким-то содержанием в какое-то наперед данное количество слогов, образующих некую метрическую схему, то как бы это ни было трудно, все же это было бы значительно легче того, с чем фактически приходится иметь дело переводчику. Тогда, пожалуй, установление инвариантов было бы не только возможно, но и однозначно. В действительности же все это несравненно сложней.

Заданное автором количество слогов подчиняется некоей метрической схеме с определенным расположением ударений, чередо-

¹ B.B. Иванов Лингвистические вопросы теории перевода. Труды Ин-та точной механики и вычислительной техники АН СССР. Вып.2. М., 1961. С.370.

А. М. Финкель

ванием сильных и слабых слогов, разными ритмическими модуляциями и т. д., и т.д. Стихи связаны друг с другом рифмами разного характера и расположения. Слова следуют одно за другим в определенной последовательности, создающей и ритм стихотворения, и его синтаксические особенности, и смысловые связи. Синтаксические же особенности связаны не только с ритмомелодикой данного языка, но и с порядком слов и допустимыми отклонениями от него, с характером предложения в целом (цель высказывания, модальность предложения, его эмоциональный характер и т. д.) и – самое главное – с содержанием высказывания. Последнее же в свою очередь проявляется в выборе слов не только под углом зрения семасиологическим (многозначность, метафоричность, синонимичность и т. д.), но и под углом зрения лексикологическим (слова архаические, просторечные, поэтические и т. д.). Все это образует единую систему поэтического языка внутри данной «системы координат», называется единством формы и содержания¹ и требует того преобразования, которое называется переводом. Но поскольку все эти явления воспроизведимы на другом языке не в равной степени, то под «инвариантом» можно понимать как те величины, которые должны остаться неизменными, так и те, которые лишь могут остаться неизменными при переходе от данного конкретного языка к другому. Ни то, ни другое не имеет однозначного ответа. Некоторые языковеды и теоретики перевода полагают, что к числу этих должны остаться неизменными величин («инвариантов») относится не только значение слова, но и все его сознания, и его внутренняя форма, и морфологические особенности, и звучание, а поскольку это невозможно, считают перевод вообще невозможным². Но и со всей решительностью отвергая подобную

¹ В.В. Иванов вводит термин «поэтическая модель» с таким разъяснением: «Под поэтической моделью текста понимается его поэтическое значение, не сводимое к значению подстрочки, потому что в поэтическую модель входит не только непосредственное содержание стихотворения, в какой-то мере поддающееся прозаическому пересказу, но и модель структуры стихотворения» (там же, стр. 370).

² Критику этого <взгляда> см. в нашей работе «О некоторых вопросах теории перевода» (Ученые записки Харьковского ин-та иностранных языков. Вып. I, 1939).

О точности стихотворного перевода

точку зрения, все же следует иметь в виду, что при переводческом «преобразовании» – в силу взаимоотношений лингвистических, литературных, стилистических, культурных, как в плане синхроническом, так и диахроническом – легко переводимыми могут оказаться величины малосущественные, второстепенные, в то время как явления первостепенной важности могут оказаться трудновоспроизводимыми, а то и вовсе невоспроизводимыми. Вследствие этого понятие «инварианта» сильно осложняется.

I.3.

Так как расхождение между тем, что должно остаться неизменным, и тем, что может таковым остаться, не исчезает никогда, то сплошь и рядом воспроизведение одной какой-либо черты стихотворения оказывается возможным лишь при условии невоспроизведения какой-то другой, причем невоспроизведение это вынужденное и переводчиком сознаваемое. Поэтому для достижения художественного единства перевода и гармонической его цельности, при невозможности воспроизведения всех особенностей оригинала, всегда приходится производить отбор, т. е. что-то сохранить, а чем-то пожертвовать. Отбор материала, т. е. что отбрасывается, а что сохраняется, определяется многими соображениями: во-первых, идеологическими, социально-культурными, философско-эстетическими, а во-вторых, неразрывно с ними связанными литературно-лингвистическими, причем как те, так и другие весьма разнообразны и дифференцированы. Так как отбор этот в силу сложности и разнообразия всех этих условий производится различными переводчиками по-своему, то всегда возможны несколько разных переводов того же произведения. Тем самым стихотворный перевод становится чем-то вроде решения одного уравнения со многими неизвестными: единого ответа нет, а всегда есть несколько одинаково возможных ответов. Сравнительный же анализ весьма интересен и поучителен, ибо показывает, сколь разнообразно может быть «пересочинение» поэтического текста, каково разное прочтение его переводчиками, каково вмешательство переводчика в оригинал и чем оно подсказано, какие элементы

А. М. Финкель

произведения выдвигаются на первый план, а какие оставлены в тени или обойдены. Иначе говоря, сравнительный анализ переводов выдвигает и дает возможность разрешить целый ряд вопросов как историко-литературных, так и лингвистически-стилистических. Но если несколько решений одного уравнения равноценны, то разные переводы одного произведения, в отличие от математики, не равноценны: сравнительные их достоинства определяются многими соображениями идеино-философского, эстетического, историко-литературного и лингвистического характера. Вот почему нельзя довольствоваться оценками, основанными на субъективных и произвольных впечатлениях, а следует установить какие-то критерии, которые с возможной объективностью могли бы отделить точность от неточности, адекватность от перепева, хороший перевод от плохого. Такую задачу и ставит перед собой данная работа, и потому характер ее не так историко-литературный, как лингвистический и стилистический.

I.4.

В качестве объекта исследования нами взято одно стихотворение Байрона из его знаменитого цикла «Еврейские мелодии» (1814-1815 гг.), а именно «Sun of the sleepless» («Солнце бессонных»). Оправдывать этот выбор нет, кажется, никакой необходимости. Что касается данного конкретного стихотворения, то показательным является уже одно количество переводов его на русский язык.

Нам известны такие переводы:

1. *И. Козлов* К звезде, в бессонную ночь – «Новости литературы». 1823. № 12. С. 188
2. *Он же*. Еврейская мелодия – «Северные цветы на 1826 год» <СПБ. 1826>
3. *Н. Маркевич* Мелодия – В его кн.: Стихотворения: Элегии. Еврейские мелодии. М., 1829.
4. *П.А. Козлов*. Звезда. 1860 г.
5. *А.К. Толстой*. Солнце неспящих. (Между 1855 и 1866 гг.)
6. *А.А. Фет*. О, солнце глаз бессонных... (Примерно тогда же)

О точности стихотворного перевода

7. *Алеко* – В кн. «Байрон в переводах Алеко». 1886 г.

8. *Д. Михаловский*. Солнце неспящих... 1893 г.

9. *С.Я. Маршак*. Солнце бессонных. 1953 г.

Кроме того, в полном собрании сочинений Байрона, выпущенном под ред. А.Михайлова в качестве приложения к журналу «Живописное обозрение» за 1894 г., помещен прозаический перевод этого стихотворения (как и всех прочих произведений Байрона).

Мы позволили себе использовать и свой перевод (1963 г.), так как считаем, что это дает возможность привести некоторые соображения, в иных случаях остающиеся неизвестными¹.

Анализируемое стихотворение звучит в оригинале так:

1. Sun of the sleepless! melancholy star!
2. Whose tearful beam glows tremulously far,
3. That show'st the darkness thou canst not dispel,
4. How like art thou to Joy remembered well!
5. So gleams the past, the light of other days,
6. Which shines, but warms not with its powerless rays.
7. A night-beam Sorrow watcheth to behold,
8. Distinct, but distant – clear – but, oh how cold!

В прозаическом подстрочном переводе этому соответствует:

1. Солнце бессонных! печальная звезда!
2. Чей луч, полный слез, дрожа, светит вдали,
3. Так что, освещая темноту, ты не можешь рассеять (ее).
4. Как ты похожа на воспоминание о былой радости!
5. Так мерцает прошлое, свет прежних дней,
6. Который сияет, но бессильные лучи которого не греют.
7. Печаль подстерегает ночной луч,
8. Ясный, но далекий, чистый, но, увы, какой холодный!

¹ Полные тексты всех переводов собраны в приложении, помещенном в конце статьи. Там же восполнены недостающие библиографические данные и исправлены ошибки в датировке переводов А.А. Фета, А.К. Толстого и С.Я. Маршака – Примеч. публикатора.

I.5.

Художественная ценность всякого поэтического произведения достигается совокупным действием чрезвычайно многих, теснейшим образом между собой связанных слагаемых. Сюда входит и то, что называется содержанием, и то, что называется формой, но и то и другое находит свое воплощение в очень многих явлениях, друг от друга хотя и отличных, но друг в друге нуждающихся, друг без друга не существующих, друг друга обосновывающих. Поэтическое произведение – это в равной мере и поэтическое означаемое, и поэтическое означающее, а потому переводчик не может отдавать предпочтение чему-то одному, игнорируя другое. Что же характеризует данное стихотворение Байрона, требуя обязательного воспроизведения?

Ответ на это будет даваться постепенно; пока же отметим наиболее важные черты.

Стихотворение Байрона состоит из восьми строк и написано пятистопным ямбом, причем все рифмы мужские, т.е. все стихотворение состоит из 80 слогов. В эти 80 слогов Байрон вложил все, что он хотел в этом стихотворении выразить. Для этого ему понадобилось 62 слова, из которых 45 знаменательных и 17 служебных. Отсюда возникает основной стоящий перед переводчиком вопрос, вопрос лингвистический: предоставляет ли для воспроизведения всего этого русский язык такие же возможности, какие были у автора, писавшего на английском языке? По отношению к разным компонентам стихотворения ответ на это неодинаков.

Для воспроизведения общей метрической структуры байроновского стихотворения со стороны русского языка препятствий нет: ни система русского стихосложения, ни русская поэтическая традиция никаких ограничений здесь не ставит, и стихотворений, написанных пятистопным ямбом с мужской рифмой, в русской поэзии достаточно много. Конечно, ритмическая характеристика стихотворения и точность ее воспроизведения этим не исчерпываются, но пока ограничим себя этим.

О тождественном воспроизведении эвфоники стихотворения говорить вообще не приходится. Омофонические (чаще всего калам-

О точности стихотворного перевода

бурные) совпадения вроде итальянского *O, son amore, divo son* и русского *O, сон на море, диво сон* или даже французского *la tappa* и русского *сатана* («Кармен» Готье в переводе В. Брюсова) настолько редки, что их принимать во внимание нельзя. Речь может идти лишь о более или менее приблизительном воспроизведении аллитераций, ассонансов и т.п., да и то лишь тогда, когда они явно выполняют какое-то художественное задание. В этом отношении переводы с английского не отличаются от переводов с других языков.

О переводимости синтаксической структуры также говорить не приходится: нормальным конструкциям английского языка должны соответствовать столь же нормальные русские; они могут совпадать, могут и не совпадать, но требовать их обязательного совпадения было бы противоестественно. Только в тех случаях, когда синтаксической конструкции дано какое-то специальное художественное задание, можно ставить вопрос о необходимости ее воспроизведения.

Иначе обстоит дело с лексикой, а отсюда и с семантикой: общезвестно, что английский язык компактней русского, в результате чего в русские 80 слогов обычно вмещается меньше слов, чем в 80 английских. Однако при этом нужно иметь в виду, что вследствие различия в грамматическом строе этих двух языков русский язык не требует такого количества служебных слов. Русский прозаический перевод укладывает все байроновское стихотворение в 53 слова (против 62 в оригинале), из которых самостоятельных – 44, а служебных – 9 (против 17 в оригинале); потеря одного самостоятельного слова идет за счет английского описательного оборота.

Однако русский стихотворный перевод сохранить это не может. В тех переводах, которые сохранили метрическую схему оригинала и его 80 слогов, знаменательных слов значительно меньше: у Фета 41, у Маршака – 39, у Финкеля – 38. Хотя «количество смысла» из количества слов непосредственно не вытекает, все же потеря от 7 до 14% слов не может не повлечь за собой потери какой-то части содержания.

Отсюда и возникает известная дилемма: либо сохранить метрическую схему оригинала, но пожертвовать какой-то частью содержания.

А. М. Финкель

ния, либо передать максимум содержания, но пожертвовать метрической структурой. Конечно, все это значительно сложнее и не так прямолинейно, осложнено многими иными соображениями, но дилемма эта все же в том или ином виде существует.

I.6.

Иногда дилемма эта получает решение до чрезвычайности простое. Это мы видим в переводах, изданных «Живописным обозрением» под редакцией А. Михайлова. В предисловии к ним читаем: «...я должен сказать... несколько слов о том, почему мы решились дать сочинения Байрона в прозаических переводах. Стихотворные переводы великих произведений почти всегда плохи и далеки от подлинников... Точно и близко к подлиннику можно переводить произведения великих поэтов почти исключительно в прозе... Правда, при этих прозаических переводах неизбежно нарушается гармония стиха, но с этим приходится мириться, желая прочитать в переводе именно то, что написал Байрон, а вовсе не то, что ради стихотворного размера и рифмы прибавил к его произведениям или урезал от этих произведений тот или другой плохой стихотворец-переводчик. Вот причины, заставившие нас остановиться на прозаическом переводе произведений Байрона» (Предисловие, стр. I-II, подчеркнуто нами – *A.Ф.*).

Таким образом, для Михайлова это действительно дилемма, «или – или», причем поставленная и разрешенная весьма прямолинейно и категорически. Для него главное в поэзии – это ее «содержание», понимаемое при этом как сумма значений входящих в стихотворение слов, а потому гармонией стиха, размером и рифмой можно пренебречь, тем более, что переводчик-стихотворец всегда плох и неточен.

Не будем полемизировать с Михайловым, а лишь напомним заслуживающие внимания слова Д.Н. Овсянико-Куликовского. В своей известной работе «Лирика как особый вид творчества» он писал: «... переложите сцену в прозу, лишенную ритмического каданса <...> Не всегда можно сделать такую операцию. Есть произведения, содержание которых неразрывно слито с их ритмической формой.

О точности стихотворного перевода

В них лирическая эмоция вторгается во все детали; образы обработаны лирически; психологический анализ проникнут лирической эмоциональностью. Если эту эмоциональность устраниТЬ, пострадает психологический анализ; образы будут уже не те, их смысл изменится. Такие произведения нет возможности переложить в прозу, лишенную ритмического каданса. Очень трудно, иногда невозможно переводить их на другой язык, характеризующийся другим ритмическим строем»¹.

Для А. Михайлова все это был книгой за семью печатями, и его крайне утилитарный и упрощенный подход стирает всякую грань между переводом поэтических произведений и переводом деловых бумаг. Для нас такой перевод никакого интереса не представляет, и в дальнейшем мы его касаться не будем.

I.7.

Однако и стихотворные переводы далеко не всегда сохраняют структуру оригинала. Хотя, как было сказано, со стороны русского языка никаких препятствий к точному воспроизведению структуры байроновского стиха нет, тем не менее в некоторых переводах имеются достаточно заметные отклонения. Их можно показать в такой таблице:

	Число строк	Размер	Характер рифмовки	Количество слогов
Оригинал	8	Пятистопный ямб	Мужская, смежная	80
Михаловский	10	Дактиль и ямб (трех- и четырехстопный)	Дактилические и мужские	112
И. Козлов (I-й вариант)	12	Пятистопный ямб	Смежная; в нечетных парах – мужская, в четных – женская	126
Маркевич	14	Четырех-, пяти- и шестистопный ямб	Мужская и женская всех видов	140

¹ См. сб.: «Вопросы теории и психологии творчества», т. II, вып. 2, СПб, б/г, стр. 194. (Цит. сверена по переводу: *Овсянико-Куликовский Д.Н. Собр. соч. Т.6. Изд. 3-е. СПб., 1914. С. 175 – Примеч. публикатора*).

А. М. Финкель

Поскольку эти отступления из особенностей русского языка не вытекают, то следовательно они вызваны причинами не внешними, не объективными, а иными. Но и думать, что это вызвано причинами личного характера (отсутствие слуха, невнимание и т.п.), было бы, конечно, наивно. Причины, по всей видимости, были более принципиальные. О них можно судить по показаниям одного из наших переводчиков – Алеко¹, и можно думать, что примерно такими же они были и у других переводчиков.

В послесловии к своим переводам он писал: «...у Байрона, кроме свойственной многим поэтам музыкальности стиха, самый язык еще, сам по себе, крайне поэтичен. Поэзия чувствуется у него на каждом шагу, при всяком обороте мысли, при любом эпитете. Эта-то особенность и производит то, что Байрон почти ничего не теряет и в прозе, если только сохранен его язык, его способ выражаться. Между тем способ этот у всех почти переводчиков наших всегда пожертвован в пользу каких-нибудь других целей. Настоящий переводчик задался, поэтому, целью, как раз противоположной: пожертвовать всем в пользу байроновского языка. Он пренебрегал и размерами подлинника, и числом строф, стихов и стоп, и порядком рифм, и самой дословностью иногда, и наконец, даже некоторыми образами и мыслями, – лишь бы сохранить, по мере сил, байронизм языка, хотя бы это стоило иногда англизмов в русской речи, и иногда русицизмов в английском поэте» (стр.85, подчеркнуто нами).

При всей расплывчатости и малой вразумительности этой тирады одно в ней совершенно ясно: переводчик пренебрегал структурой, размерами, рифмой не по произволу и не по невниманию, а подчиняясь требованиям своего понимания Байрона, своему эстетическому отношению к нему и соображениям, такое отношение вызвавшим. Вследствие этого и перед ним стояла задача чем-то во имя чего-то пожертвовать, но в плане более сложном, чем у Михайлова.

¹ Алеко – псевдоним Александра Ивановича Стронина (1827-1889). В 1886 году он выпустил в СПб. книгу «Байрон в переводах Алеко». В книге дано послесловие под заглавием «Байронизм как форма» (стр. 82-101). Стронин по образованию был историк, а по профессии учитель гимназии. Как его переводы, так и послесловие имеют крайне дилетантский характер.

О точности стихотворного перевода

Позиция Михайлова чересчур механистична и для русской переводческой традиции нетипична. Позиция Алеко – независимо от результатов, достигнутых им лично, – является чрезвычайно распространенной, хотя не всегда декларируемой столь откровенно. А между тем она чревата большими опасностями, ибо она порочна в самой своей основе. Пренебрежение «и размерами подлинника, и числом строф, стихов и стоп, и порядком рифм, и самой дословностью иногда, и наконец даже некоторыми образами и мыслями» во имя того, чтобы сохранить, как в данном случае, «байронизм языка», или, как сплошь и рядом говорят, «дух оригинала», может завести переводчика так далеко, что вместе с водой он рискует выплыть из ванны и ребенка, тем более, что в поэтическом произведении не так уж легко отделить воду от ребенка. Мы не в состоянии рационально постичь, установить и терминологически выразить, какой характер носит внутренняя причинная связь между содержанием стихотворения, его лирико-эмоциональным тоном, с одной стороны, и его метрикой, ритмикой, характером и расположением рифм, с другой. Но что такая внутренняя, эстетически, творчески необходимая связь есть, нам представляется несомненным. «Содержание», вложенное в текст, выраженный гекзаметром, станет в каком-то отношении иным, если его изложить четырехстопным хореем. А из этого следует, что коль скоро Байрон из всех возможных стихотворных размеров избрал пятистопный ямб со смежными мужскими рифмами, то первым условием достижения точности перевода является точное воспроизведение этой структурной особенности. Это и должно, и можно воспроизвести.

При этом надо иметь в виду еще одно важное обстоятельство. Метрическая структура стиха связана с содержанием и тоном стихотворения не только внутренне, но и более наглядно, более постижимо. В частности, чрезвычайно важным нам представляется следующее. Мы уже говорили, что все содержание анализируемого стихотворения уложено Байроном в 80 слогов, вмещающих 45 самостоятельных слов (русских – 44). Но изменение стихотворного размера и увеличение количества слогов влечет за собой необходимость за-

А. М. Финкель

полнения этого пространства каким-то лексическим материалом. Если отклонения невелики, то это может и не произойти в силу большей в среднем длины русских слов по сравнению с английскими. Но если увеличение это значительно, то заметно должно увеличиться и количество слов, что и проявилось в названных переводах:

	Количество строк	Количество слов	В % к оригиналу	Количество слов	В % к оригиналу
Оригинал	8	80	100	44	100
Михаловский	10	112	140	49	111
И. Козлов <1-й вариант перевода>	12	126	157,5	56	128
Маркевич	14	140	175	58	132

Если даже допустить, что основные 44 слова в точности совпадают с байроновскими (чего, конечно же, нет), то все же превышение количества слов от 11 до 32% бесследным быть не может: ведь в это количество слов вложено какое-то содержание, какие-то значения, смыслы, образы, эмоции, причем все это, конечно, сверх того, что имеется в оригинале.

I.8.

Во что это выливается на практике, можно показать на наших переводах. Начнем с перевода Д. Михаловского.

1. Солнце неспящих, светило печальное!
2. Трепетно льешь ты сияние дальнее
3. В тьму, но не можешь ее победить.
4. Как ты похоже на радость минувшего,
5. Полосу света, в былом потонувшего,
6. Света, что память не может забыть.
7. Светит, не греет он слабым сиянием,
8. Так и твой луч, столь любимый страданием,
9. Явственно виден, но как удален!
10. Светел и чист, но как холоден он!

О точности стихотворного перевода

Не будем возвращаться к метрической стороне стиха и к превращению строгого пятистопного ямба с мужской рифмой в плаксивый растянутый стих переводчика. Но увеличение количества строк и слогов и необходимость заполнения их словесным материалом заставили переводчика увеличить лексическую нагрузку стихотворения на 11%. Но от содержания оригинала отступают не только эти привнесенные слова, но и ряд других, и в результате появляются образы и обороты, которых у Байрона нет, как например, *льешь ты сияние дальнее; луч, столь любимый страданием* и полностью придуманные переводчиком стихи 5 и 6, не говоря уже о структуре синтаксической, также искажающей оригинал.

То же видим и в первом переводе И.И.Козлова:

К звезде, в бессонную ночь

1. Звезда, приветный свет тоски моей!
2. Уныло ты горишь во тьме ночей
3. И трепетно в такой дали мерцаешь;
4. Ты мрак один лишь только умножаешь.
5. Всё призраков ночь страшная полна!
6. С бывалою ты радостью сходна;
7. Так прежних дней и благ воспоминанье,
8. Как томное твое, звезда, сиянье,
9. Обманчивой отрадою манит,
10. Волнует дух, а сердце не живит.
11. Так и звезда во тьме чуть пламенеет,
12. Горит вдали, блестает, но не греет.

Метрическая схема этого перевода иная, чем у Михаловского, но отступления от оригинала еще более значительны. Превышение количества стихов и слогов в полтора раза повлекло за собой увеличение количества слов почти на 30%. Отсюда появление обращений, эпитетов, образов, которых у Байрона нет и которые изменяют все содержание, текст и подтекст стихотворения. Таковы стихи 1, 2, 5, 7-11 и ряд других. Если учесть при этом совершенно иную синтакси-

А. М. Финкель

ческую структуру перевода, то возникает вопрос, можно ли это вообще считать переводом¹.

Столь же далек от оригинала и перевод Н. Маркевича:

О солнце тех, кто не вкушает сна,
Звезда задумчивых, печальная луна!
Украся свод небес эфирный и пространный,
Сколь ты прелестна для очей!
Но луч твой нежный и туманный
Не разгоняет тьмы ночей.

—

Луна! Твоим лучам равно воспоминанье
О наслажденьях прошлых лет:
Других времён далекий свет, -
Протекших радостей сиянье,
Для нас одарено небесной красотой,
Оно задумчивость рождает;
Но слабый луч его на сердце оставляет
Печали хлад и мрак ночной.

Под чьим бы литературным влиянием ни был бы написан этот перевод, меньше всего он напоминает Байрона. Дело не только в том, что строгое стихотворение превращено чуть ли не в романс, а количество строк увеличено чуть ли не вдвое. В 140 слогов (вместо 80) переводчик вместил 58 слов, т.е. на целую треть больше, чем у Байрона. Поскольку же эти слова все же как-то связаны с байроновским текстом, то не только они приспособлены к нему, но и Байрон приспособлен переводчиком к себе (это, разумеется, имело место и у Михаловского и у Козлова). Отсюда такие строки, как 3-6, в которых на 17 слов приходится только 5 байроновских, или 9-12, полностью присоединенные переводчиком, не говоря уже о менее объемистых вставках. Но так как все эти вставки идут за счет оригинала, то отступления становятся еще более значительными. Все это сказывает-

¹ К чести Козлова нужно сказать, что он коренным образом переработал этот перевод и в дальнейшем его не публиковал.

О точности стихотворного перевода

ся и на синтаксисе, и ритме, и на интонации, ибо изменение одной черты не может не сказаться на структуре стихотворения в целом.

Эти три перевода настолько далеки от оригинала, что к нашей задаче они прямого отношения даже не имеют, и в дальнейшем мы к ним возвращаться не будем¹.

I.9.

Но если в то же количество слогов русский язык не может вместить такого же количества слов, как английский, то потеря какого-то количества слов, а вместе с этим и содержания, является неизбежной. Не возвращаемся ли мы опять к старой дилемме: сохранить структуру, но потерять часть содержания, или сохранить максимум содержания, но нарушить ради этого структуру стиха? Если бы такая дилемма действительно стояла, то она была бы объективно неразрешима и всецело зависела бы от субъективной воли переводчика, чем бы эта воля ни определялась. К счастью, это не так.

Как мы только что видели, изменение структуры стихотворения не только не обеспечивает сохранения содержания, а наоборот – влечет за собой более или менее значительные его изменения. Тем самым формула «или – или» превращается в формулу «и – и», т.е. утрачивая структуру стиха, перевод утрачивает и его содержание. Правда, какая-то часть содержания теряется и при сохранении структурных особенностей, но все же общая сумма потерь в этом случае должна быть меньше, чем в первом². Вдобавок – и это обязательно надо

¹ Ссылки историко-литературного порядка на общую поэтику русского перевода начала XIX столетия на произведенном анализе отражаться не должны: неточность остается неточностью, чем бы она не объяснялась, а выяснение этих причин в нашу задачу не входит. К слову сказать, перевод Михаловского датирован 1893 годом, так что на него эти исторические извинения вообще не распространяются.

² Мы оперировали материалом, в котором переводчики увеличивали количество слогов, что влекло за собой увеличение количества слов. Переводов, в которых бы количество слов было меньше, чем у Байрона, мы не встретили. Но если бы какой-либо переводчик изменил пятистопный ямб на четырехстопный или на трехсложный трехстопный размер, оставляя то же количество строк, то в итоге получилось бы либо 64, либо 72 слога, в которые вместилось бы еще

А. М. Финкель

иметь в виду – не все слова стихотворения имеют одинаковый вес и одинаковую ценность. Как справедливо отметил В. Левик в отношении В.А. Жуковского, «будучи сам поэтом, творцом великолепных оригинальных стихотворений, он отлично понимал, что не все в стихотворении самое важное, самое главное. Некоторые детали пристраиваются к этому главному не потому, что они должны быть именно такими, а не другими, но потому, что они могут быть и такими, лишь бы они не мешали общему строю стихотворения или строфы»¹.

Поэтому потеря какого-то количества слов не всегда означает потерю такого же количества содержания, и дилемма «структура или содержание» оказывается мнимой: сохранение структуры, даже при потере какого-то количества слов, не обязательно сопровождается потерей содержания (иногда потери эти столь незначительны, что на общей эстетической ценности перевода даже не сказываются). Все упирается здесь в то, что переводчик оставил и чём пожертвовал. Но так как здесь возможны самые различные решения, то во избежание субъективности в оценках, попытаемся и здесь наметить некие объективные критерии, проверяя их на тех переводах, которые сохранили структуру оригинала или отклонились от нее не очень значительно.

I.10.

Что же можно здесь выдвинуть в качестве критерия? Содержание художественного произведения не сводится к простой сумме всех его подлежащих, сказуемых и второстепенных членов. Содержание – это не только то, что сказано, но и то, что не сказано, что подразумевается, на что намекается, т.е. не только текст, но и подтекст. Но так как подтекст вытекает из текста, таится в нем, то задача его прочтения – это задача не только литературная, но и лингвистическая: надо понять каждое слово оригинала во всех его значениях, сознаниях и совокупностях значений в

меньше слов, чем в 80 словах. Таким образом, и такое изменение структуры стиха неизбежно отзывается на его содержании.

¹ В. Левик. О точности и верности – В кн.: «Мастерство перевода». М., Сов. писатель, 1959, стр. 271.

О точности стихотворного перевода

их связях, с их местом в целом и найти аналогичные явления в языке перевода. Текст для всех переводчиков один и тот же. Но одинаков ли подтекст? Известная доля субъективизма здесь неизбежна, но переводчик и теоретик перевода должны учитывать справедливые указания Вячеслава Всеволодовича Иванова: «...подобно тому, как значение языковой единицы не зависит от индивидуальных особенностей отдельных говорящих, поэтический смысл стихотворения не зависит от личного восприятия того или иного читателя (в том числе и от восприятия самого автора)»¹. Помня это, переводчик может избежать субъективизма.

Вместе с тем следует помнить, что содержание художественного произведения не исчерпывается одними лишь понятиями и суждениями, выраженными в словах и предложениях. Содержание определяется и тоном высказывания (торжественный, шутливый и т.д.), что находит свое проявление в отборе лексики и в синтаксисе. Изменение тона, транспонировка стихотворения в иную тональность, даже при максимально точном сохранении значения каждого слова в отдельности, приводит к иному зучанию, к изменению содержания, к неточности, что мы и видели на примере приведенных выше переводов.

Но так как и это проявляется в языке, в первую очередь в его лексике и семантике, то в качестве критерия точности следует, кроме метрических, выдвинуть показатели лексико-семантические, которые при этом должны быть исчислимые, измеримы. Каковы же эти критерии?

1. Слово перевода может быть точным семантическим и лексикологическим эквивалентом слова оригинала – это одна группа².

2. Слово перевода может быть синонимичным слову оригинала или описательной заменой – это вторая группа.

¹ Вяч. Вс. Иванов. Лингвистические вопросы стихотворного перевода, стр. 372.

² Об абсолютной точности говорить, конечно, не приходится, ибо смысловой объем слов в разных языках, да еще в поэтическом тексте, совпадает далеко не всегда. Поэтому слово *точность* имеет здесь содержание лексикографическое, т.е. то, что считается достаточным для переводных словарей.

A. M. Финкель

3. Слово перевода может быть добавлением переводчика, и в оригинале слову этому ничего не соответствует – это третья группа.

4. Слово оригинала в переводе никакого эквивалента не нашло – это четвертая группа.

Совокупность этих показателей при непременном условии качественного лексико-семантического анализа определяет и количественные, и качественные соотношения между переводом и оригиналом и дает объективные показатели меры и степени точности передачи «содержания».

Исходя из этого, мы в своем анализе будем обращать внимание на такие показатели:

1. Соблюдена ли метрическая структура оригинала (размер, количество стихов и слогов, расположение и характер рифм);

2. Соблюдены ли синтаксические и связанные с ними ритмико-intonационные особенности оригинала;

3. Количество использованных в переводе знаменательных слов и соотношение их с оригиналом (сохранено, опущено, добавлено);

4. Содержание и характер употребленной в переводе лексики (показатели качественные).

Совокупность всех этих показателей и определяет степень точности перевода.

За вычетом трех рассмотренных выше переводов, объектами нашего сравнительного анализа являются переводы И. Козлова (2-й вариант), П.А. Козлова, Фета, А. Толстого, Алеко, Маршака и Финкеля (всего семь).

II. Анализ

II.1.

В какой мере рассматриваемые переводы сохранили и с какой степенью точности воспроизвели структурные особенности оригинала, вновь покажем в сравнительной таблице:

О точности стихотворного перевода

	Количество строк	Размер	Характер рифмовки	Количество слогов
Оригинал	8	Пятистопный ямб	Мужская, смежная	80
И. Козлов	8	Трехстопный амфибрахий и ямб	Мужская, смежная	88
П. Козлов	8	Шестистопный ямб	Смежная; в нечетных парах – мужская, в четных – женская	100
Фет	8	Пятистопный ямб	Мужская, смежная	80
А. К. Толстой	8	Пяти- и шести-стопный ямб	Мужская, смежная	88
Алеко	8	Шестистопный ямб	Мужская и женская, перекрестная	100
Маршак	8	Пятистопный ямб	Мужская, смежная	80
Финкель	8	Пятистопный ямб	Мужская, смежная	80

Из семи анализируемых переводов только три (Фет, Маршак, Финкель) сохранили <стиховую> структуру байроновского стихотворения. Все остальные более или менее значительно отступают от заданной автором структуры. В какой мере это связано со всеми прочими компонентами стихотворения и какова степень точности воспроизведения лексико-семантических и прочих его сторон, попытаемся установить, производя построчный анализ всех переводов.

II.2.

Первая строка стихотворения (*Солнце бессонных! Печальная звезда!*) и синтаксически и ритмически отчетливо разбивается на два полустишия, что, безусловно, и должно, и можно воспроизвести на русском языке. Большинство переводчиков сохранило это, понимая второе полустишие как самостоятельное обращение. Однако И. Козлов и Фет восприняли второе полустишие как приложение к первому, в результате чего изменили и конструкцию, и интонацию стиха: у И. Козлова – *Бессонного солнце, в тумане луна* (интонация вдбавок изменена употреблением иного размера), а у Фета еще резче – *O, солнце глаз бессонных, звездный луч*. Уже в этом одном отношении переводы И. Козлова и Фета менее точны, чем остальные.

А. М. Финкель

Сложнее обстоит дело с лексико-семантическими особенностями. Английское *sleepless* действительно обозначает «бессонный». Но русское *бессонный* чаще обозначает «проходящий без сна», «проводимый без сна», выступая как определение к слову *ночь* и т.п. Значение же «бодрствующий», «неспящий» встречается значительно реже. Можно указать на гоголевское *Стояла бессонная стражса* (Тарас Бульба) или в «Ричарде III» Шекспира в переводе А. Радловой *Тебе свой дух бессонный отдаю*. Субстантивация же этого прилагательного со значением «человек» встречается и того реже. Поэтому сочетание *солнце бессонных* в смысле семантической точности безупречным не является. Употребленное И. Козловым единственное число – *Бессонного солнце* – никаких семантических изменений не вносит.

Еще дальше от оригинала отстоят и только внешнее сходство имеют переводы Фета – *O, солнце глаз бессонных* – (вряд ли корректным является сочетание *бессонные глаза*) и Алеко – *Звезда бессонницы*, что вообще мало понятно.

Не лучше и толстовский вариант – *Неспящих солнце*. Не спать человек может в силу разных причин, часто случайных, временных, внешних, а между тем Байрон имеет в виду не тех, кому случайно не довелось в эту ночь лечь во-время спать.

Пожалуй, точнее всех передал это П. Козлов – *Звезда лишенных сна*: именно таких людей и назвал Байрон *sleepless*. Но эта точность далась П. Козлову ценой целого ряда неточностей – и семантических, и синтаксических, и ритмических. У Байрона определяемым является слово «*солнце*» (*солнце лишенных сна*). В метрическую схему П. Козлова слово *солнце* войти не может (из-за ударения), и переводчик заменил его словом *звезда*, что не только само по себе неточно, но и разрушает бароновскую поэтическую синонимику *солнце – звезда* и превращает ее в повторение одного и того же слова в обоих полустишиях. Далее: слова *звезда лишенных сна* охватывают три стопы, так что вторая половина стиха *печальная звезда* ни при каких лексических заменах в остающиеся две стопы не вмещается, но в то же время отброшена быть не может. Чтобы сохранить этот эпитет, Козлову понадобилось уделить этому также три стопы, т.е. превра-

О точности стихотворного перевода

тить пятистопный ямб в шестистопный, и поменять обращения местами: основное байроновское обращение – «бессонных солнце» – поставить на второе место, а характеристику его – «печальная звезда» – на первое. Итак, точность в одном отношении достигнута ценой многих нарушений не менее существенной точности в ряде других. Если взвесить и то и другое, то баланс окажется не в пользу П.Козлова.

Таким образом, наиболее приемлемым, если учесть к тому же морфологическую структуру слова, оказывается передача английского *sleepless* русским словом *бессонный*.

II.2а. Различные толкования приобретает также и слово *star*. Большинство переводчиков передает его словом *звезда*. Однако в переводе И. Козлова (как и в переводе Маркевича) оно передано словом *луна*. В 1825 г. в журнале «Сын отечества» №7 Л. Глебов напечатал свое подражание Байрону, начинающееся словами: «Тебя задумчиво, светило, иду встречать лишенный сна», – озаглавив его «К луне». В «Избранном» Байрона, выпущенном Государственным издательством детской литературы в 1960 г., редактор Ю. Кондратьев дает к этому стихотворению примечание: «*Бессонных солнце – луна*» (стр. 291). Таким образом, подобное толкование не является единичным. Но если его принять, тогда слово *star* надо переводить не *звезда*, а *светило*, ибо назвать луну звездой нельзя даже в поэтическом произведении. Так поступил и Алеко. Думаем все же, что подобная астрономическая педантичность здесь не нужна – «солнцем бессонных» Байрон мог назвать не обязательно луну, а и любую яркую звезду, так что толкование слова *star* как луны является чересчур узким и не единственным возможным. Неоправданно далек от оригинала перевод Фета – *звездный луч*.

II.2б. Что касается слова *melancholy*, то его можно перевести и *грустный*, и *печальный*. Слово *скорбный* (в переводе Маршака) имеет иной эмоциональный тон, так как *скорбь* – это «глубокая печаль», «горесть», а на такое понимание стихи Байрона не наталкивают (как и на понимание «горестный», «унылый» и т.п.).

А. М. Финкель

В переводе Фета этот эпитет вообще опущен; у Алеко – *тумление светило*, а у И. Козлова – *в тумане луна*, что уже выходит за границы перевода.

II.2в. Применяя приведенные выше критерии, можно показать, с какой степенью точности воспроизведена эта строка:

	Сохранено	Заменено синонимами	Добавлено	Всего <слов в переводе>	Опущено
И. Козлов	2	–	2	4	2
П. Козлов	2	2	1 ¹	5	–
Фет	1	–	4	5	3
А. Толстой	4	–	–	4	–
Алеко	1	1	2	4	2
Маршак	4	–	–	4	–
Финкель	4	–	–	4	–

Дополняя количественные показатели анализом содержания, мы видим, что дальше всех от оригинала стоят И. Козлов, Фет, и Алеко; ближе всех – Толстой, Маршак и Финкель; перевод П. Козлова занимает промежуточное положение.

Таковы особенности перевода первого стиха – наиболее легкого. Перейдем к последующим.

II.3.

Второй и третий стихи непосредственно продолжают первый, будучи по отношению к нему определительным придаточным предложением:

¹ В машинописи, по фотокопии которой публикуется статья, здесь стоит цифра 2. Поскольку в первой строке перевода П.А. Козлова всего 5 слов, то это явная ошибка. Строго говоря, в этой строке Козлов вообще ничего не «добавил от себя» – в общепринятом смысле такой характеристики. Финкель при подсчете перевода *sleepless* как *лишенных сна*, очевидно, трактовал как «замену синонимом» (в отличие от «сохранений» *star* – звезда и *melancholy* – печальная). Стока при такой замене удлинилась, но новых семантических единиц переводчик не привнес – недаром при разборе этой строки в тексте статьи Финкель назвал *лишенных сна* самым точным из всех вариантов передачи *sleepless*. – *Примеч. публикатора.*

О точности стихотворного перевода

2. Чей луч, полный слез, дрожа, светит вдали,
3. Так что, освещая темноту, ты не можешь рассеять (ее).

Стихи эти до такой степени лапидарны и насыщены, что требуют чуть ли не буквального воспроизведения: во 2-й строке обязательно следует сохранить, что звездный луч полон слез, далек и дрожит; в третьей – что он (или звезда) хотя и освещает темноту, но рассеять ее не в силах. Все это образует единый ключевой образ стиха.

Однако это смысловое их единство не совпадает со структурным: второй стих связан рифмой с первым, образуя с ним одно двустишие, а третий образует двустишие с четвертым, но отделен от него синтаксически. Поскольку русский синтаксис здесь не совпадает с английским, то о сохранении всех особенностей оригинала говорить не приходится. Но и воспроизведение содержания требует многих взаимных уступок.

Второй стих не может быть передан по-русски с абсолютной точностью прежде всего потому, что даже в самом экономном прозаическом переводе он должен состоять из одиннадцати слов, т.е. превысить вместимость пятистопного ямба. Следовательно, не сокращая содержания, текст надо сократить на один слог. При этом нужно воспроизвести рифму к первому стиху и предусмотреть смысловые и синтаксические связи с третьим. Естественно, что задача эта получает разные решения.

II.3а. Отметим прежде всего те переводы, в которых задача эта разрешена совершенно неудовлетворительно, – это переводы И.Козлова, Фета и Алеко.

На 12 самостоятельных слов оригинала в их переводе находим:

	Сохранено	Заменено	Добавлено	Всего	Опущено
И.Козлов	2	1	7	10	9
Фет	2	–	9	11	10
Алеко	3	2	7	12	7

Даже эти, пока еще немые, цифры достаточно красноречивы: от байроновского материала Алеко сохранил лишь 1/4, а И.Козлов и

А. М. Финкель

Фет – 1/6. Зато своего, у Байрона отсутствующего, лексико-семантического материала у Алеко 60%, у И.Козлова – 70%, а у Фета даже 80%. Соответственно опущено, не передано: у Алеко – 60%, у И.Козлова – 75%, а у Фета свыше 80% байроновского материала. Конкретно это проявилось в следующем.

У И. Козлова стих 2-й – *Горишь ты* (т.е. луна) *далеко, грустна и бледна* – ни в какой мере не подпадает под понятие перевода – это весьма далекий и приблизительный пересказ. Стих 3-й – *При тусклом мерцанье мрак ночи страшней* – столь же далек от оригинала и никак не воспроизводит то противопоставление («освещашь темноту, но не можешь ее рассеять»), на которое опирается весь байроновский подтекст и весь внутренний смысл стихотворения.

II.3б. Еще более далек от оригинала перевод Фета:

Как слезно ты дрожишь меж дальних туч!
Сопутник мглы, блестящий страж ночной,..

Слово *луч* из первого стиха повлекло за собой рифму *туч*, а потому байроновское *светишь вдали* превратилось в определение к тучам – *дальние*. Сама по себе вольность эта не очень значительна, но тон и смысл стиха резко нарушены введением наречия *слезно*. И во времена Фета и в настоящее время, и в языке литературном и в языке разговорном слово *слезно* означает «жалко, плачевно, жалобно, со стремлением разжалобить», сочетаясь с глаголами *просить, умолять, молиться* и т.п. Но байроновский «луч, полный слез» отнюдь не означает «жалобный» или «слезливый», а перенесение Фетом этого эпитета с существительного на глагол (*слезно дрожишь*) и неупотребительно, и превращает луч в жалкого просителя.

Третий стих весь принадлежит Фету, сам по себе мало вразумителен и к оригиналу никакого отношения не имеет.

II.3в. Столь же далек от Байрона и еще менее совершенен перевод Алеко:

Ты, чей плачевный свет мерцает без лучей,
Где мрак означить лишь, а не прогнать есть сила!

Байроновский «луч, полный слез» превращен в *плачевный свет*

О точности стихотворного перевода

(т.е. «тоскливыи, жалобныи, жалкии, ничтожныи»), так что Алеко повторил семантическую ошибку Фета. Предложение *Свет мерцает без лучей* никак не равнозначно словам «дрожа, светит вдали»; третий же стих, тяжелый, неуклюжий и малопонятный сам по себе, со вторым никак не увязан и байроновского содержания не передает.

Перейдем теперь к тем переводам, которые к Байрону ближе.

II.3г. П.А. Козлов, как мы уже знаем, удлинил размер на два слога, что позволило ему довести количество слов в этих двух стихах до 14, т.е. превысить оригинал на два слова. Но использовал он этот материал нерационально: от байроновского текста он сохранил лишь три слова, а три заменил синонимическими; шесть слов (т.е. 50%) он опустил, но зато добавил 8 своих. В результате его перевод звучит так:

Твой бледный свет уныл, ты трепета полна.
Рассеять мрак ночной твой свет не в состоянье.

Образное «луч, полный слез» превращено в шаблонное *бледный свет уныл*; физическое мерцание, рисующее дрожание света, превращено в психологическое *трепета полна*, что вдобавок может быть понято как «напугана, охвачена страхом»; совершенно опущено, что луч светит вдали. Пожалуй, здесь действительно дан образ луны, а не звезды, но тогда это вступает в противоречие с первой строкой.

Сильно изменена и ритмико-синтаксическая структура 2-го стиха: он разбит на два отчетливых полустишия, каждое из которых представляет отдельное предложение; они однотипны и параллельны, так что между ними образуется сильная пауза.

Деформация второго стиха сказалась и на третьем. Он у П. Козлова не продолжает второго, а является совершенно самостоятельным. Подлежащее его – *твой свет* – буквально повторяет подлежащее второго стиха, что делает стих растигнутым и вялым. Но дело даже не в этом: у Байрона, как мы уже упоминали, этот стих построен на противопоставлении и уступке – хотя луч несколько освещает темноту, но рассеять ее он не в силах. Это противопоставление подготавливает в то же время содержание четвертого стиха. Поэтому сохранение

А. М. Финкель

этого противопоставления является существенно необходимым во многих отношениях. В переводе же П. Козлова, как и в предшествующих, это противопоставление утеряно и сведено к констатации факта, что свет слабее мрака. Изложено же это П. Козловым языком не поэтическим, а канцелярским (*не в состоянье*), да еще в устно-просторечной форме (*-ньe*, а не *-ниi*). Так стих третий оторвался от дальнейшего.

II.3д. Иначе передал эти строки А. Толстой:

Как слезно луч мерцает твой всегда,
Как темнота при нем еще темней.

При 12 словах оригинала у Толстого их 11. Однако совпадающих с оригиналом всего три; это значит, что им опущено 9 слов авторских и привнесено 8 своих. Трудно при этом ждать какой-либо точности. Анализ лексико-семантический показывает следующее.

То, что «луч звезды светит вдали», Толстой опустил и признак пространственный («светит вдали») заменил на временной (*мерцает всегда*). Желая сохранить, что луч полон слез, он разрешил это так же неудачно, как и Фет, т.е. вместо определения к существительному он дал обстоятельство к глаголу (*мерцает слезно*).

Стих третий весь в целом принадлежит переводчику. Хотя сам по себе стих этот очень выразителен и поэтичен, однако смысловой акцент его не тот, что в оригинале: вместо противопоставления («хотя освещает, но не рассеивает») здесь дано иное – слабый свет только подчеркивает темноту (*темнота при нем еще темней*), и противопоставления нет. В результате этого четвертый стих отрывается от третьего (как у П. Козлова), причем у Толстого они еще более самостоятельны из-за синтаксических отклонений: все три стиха (2, 3 и 4) Толстой начинает с анафорического «как», т.е. заменяет подчинение сочинением, что делает их синтаксически (а значит в какой-то мере и семантически) равноправными. Приданная им всем восклицательная интонация также не соответствует оригиналу.

II.3е. Перевод этих строк у Маршака по характеру своему очень близок к переводу Толстого. Звучит он так:

О точности стихотворного перевода

Твой влажный луч доходит к нам сюда.
При нем темнее кажется нам ночь.

В этом переводе только одно слово *луч* из второго стиха совпадает с оригиналом; все же остальное принадлежит переводчику, т.е. 11 байроновских слов заменены 10 своими.

Во втором стихе не показано, что луч полон слез и что он дрожит. Единственное, чем он характеризуется, – это эпитет *влажный*. Но понять, почему он назван влажным, не зная оригинала, нельзя. Конечно, глаза, полные слез, не могут не быть влажными; но быть влажными они могут и не от слез. По какой же причине влажен луч звезды, неизвестно, а потому эпитет *влажный* в данном контексте даже отдаленным намекающим синонимом к образу «полный слез» не является. Можно расценивать этот эпитет и все сочетание *влажный луч* как очень тонкие, поэтические, многосмысленные и настолько емкие, что в них входит и понятие дрожания (если луч влажен, то он дрожит), однако к Байрону все это отношения не имеет.

Признак отдаленности («светит вдали») Маршаком передан, но косвенно – глаголом *доходит*, показывающим, что луч достигает нас, пройдя какое-то, по всей видимости, далекое расстояние.

Таким образом, из всех байроновских атрибутов Маршак передал лишь один – отдаленность луча, да и то намеком.

Третий стих в всех отношениях, кроме интонации, близок к Толстовскому, вплоть до сохранения сочетания *при нем темнее*, отличаясь лишь подлежащим: у Толстого *темнота*, у Маршака – *ночь*. Противопоставления нет, как не было его и в предшествующих переводах, с уже известными нам следствиями в отношении стиха 4-го.

II.3ж. Анализируя свой перевод, мы имеем возможность говорить не только о результатах, но и о тех соображениях, которые заставили нас остановить свой выбор на том или ином решении. Мы перевели так:

Луч, полный слез, шлешь издали сюда,
Горишь, но не рассеешь темноты.

А. М. Финкель

Против 12 слов оригинала у нас 10, из которых совпадающих 8; два слова опущено, а добавлено от себя также два.

Второй стих был переведен нами в трех вариантах:

1. Слезой дрожащий луч ты шлешь сюда.
2. Луч, полный слез, дрожа, ты шлешь сюда.
3. Луч, полный слез, шлешь издали сюда.

Вариант 1 сохранял и то, что луч в слезах, и то, что он дрожит; но не передавал, что луч светит вдали. Это нас не удовлетворило. Вдобавок и сочетание *слезой дрожащий луч* по своему синтаксису представляется нам громоздким и искусственным.

Вариант 2 лучше тем, что он достаточно точно воспроизводит байроновское «луч, полный слез» и образ дрожания. Однако дрожание явилось у нас атрибутом не того действия, что в оригинале (не «светит дрожа», а *шлешь дрожа*). То, что луч светит вдали, не передано и тут. Сохранить в русском пятистопном ямбе все признаки – и слезы, и дрожь, и отдаленность – мы не смогли. Считая же, что для понимания последующего признак отдаленности весит больше, чем точное физически и тонкое психологически *дрожа*, мы в конце концов остановились на варианте 3.

Стих третий – *Горишь, но не рассеешь темноты* – связан со вторым тем, что его сказуемое стоит в той же форме и относится к тому же слову (*звезда*), что и сказуемое стиха 2-го; тем самым стих 3-й продолжает 2-й, хотя и без союза. Однако более существенным мы считаем то, что нам удалось сохранить противопоставление и лексически, и грамматически. Если бы обращение было направлено к лучу, то, кажется, лучше было сказать *блестишь*; но по отношению к звезде более поэтичным нам представляется *горишь* (к сожалению, слово *сияешь* в строку не вмещается). Что касается меньшего количества слов (4 против 6), то здесь это на содержании не отзывается: формы второго лица глаголов позволяют обойтись без местоимения *ты*, а форма будущего времени имеет здесь значение настоящего, так что *не рассеешь* означает «не можешь рассеять». Так грамматика пришла на помощь лексике.

II.4.

Вся совокупность этих образов и мыслей подготавливает строку 4-ю («Как ты похожа на воспоминание о былой радости»), являющуюся и заключением предшествующих, и введением к следующим. Стока эта замечательна во всех отношениях: и текстом, и подтекстом, и поэтической емкостью, и эмоциональной насыщенностью, и строем, и интонацией, и тем, что разрешая тему 1-й строфы, сама она получает разрешение во 2-й. Это высокое мастерство поэта нашло отражение в переводах не в равной мере.

Одной из отличительных черт этого стиха является его восклицательный характер, причем восклицательность эта не бурная, не интенсивная, выражаясь не восторг, а раздумье, наблюдение, но окрашенные эмоционально. Вот почему частица «как», с которой начинается этот стих, безусловно требует своего сохранения в переводе. Между тем И. Козлов, П. Козлов и Маршак этого «как» не воспроизвели и превратили тем самым предложение восклицательное, эмоциональное в повествовательное, рассудочное:

И. Козлов: *Так в памяти радость утраченных дней.*

П. Козлов: *О днях былых с тобой сходны воспоминанья.*

Маршак: *Ты – память счастья, что умчалось прочь.*

Изменение строя и тона стиха оторвало его от предшествующих.

Противоположную ошибку, но привешую к тем же результатам, допустил А. Толстой. У него три стиха – 2, 3 и 4 – начинаются с анафорического восклицательного *как*. В результате этого гипертрофируется общий эмоциональный тон всего четверостишия, и на этом фоне перестает выделяться 4-й стих, а эмоциональность его обесцвечивается.

В остальных переводах эта особенность стиха 4 сохранена. Что касается смыслового наполнения этого стиха, то оно сводится к следующему: полный слез свет отдаленной звезды, свет, который все же не может осилить окружающую тьму, напоминает поэту не так даже былую радость, как воспоминание о ней; в этом психологическая

А. М. Финкель

точность и поэтическая сила этого сравнения, подготовленная и образом полного слез луча, и его дрожанием, и его отдаленностью, и тем, что его воспринимает человек, лишенный сна, не могущий уснуть. Это, конечно, требует сохранения. Для выражения этого поэту понадобилось 8 слов (самостоятельных и служебных), вместившихся в 10 слогов. Но эти же 8 слов требуют в русском языке 18 слогов (Как ты похожа на воспоминание о былой радости). Таким образом, полностью сохранить текст невозможно и его нужно сократить чуть ли не вдвое. Что же дают переводы?

II.4a. Наиболее далеки от оригинала И. Козлов и Маршак. У них:

	Сохранено	Заменено	Добавлено	Всего	Опущено
И. Козлов	1	2	2	5 (+1 сл<ужеб- ное>)	3
Маршак	1	1	3	5 (+ 1 сл<ужеб- ное>)	4

У обоих переводчиков от Байрона оставлено слишком мало, причем у Маршака это составляет лишь 20% всего лексического материала. При всей ограниченности языковых возможностей (10 слогов вместо 18 и 6 слов вместо 8) переводчик допустил ничем не оправданную расточительность и «былую радость» оригинала превратил в *счастье, что умчалось прочь*, истратив на это 7 слогов из 10. В остающиеся три слога оказалось возможным вместить лишь слова *ты – память*. Естественно, что при этих условиях перевод понес большие потери: звезда перестала быть похожей на воспоминание о былой радости, а стала сама воспоминанием о счастье; несколько грустная «былая радость» стала резким и стремительным *счастьем, что умчалось прочь*; интонация, как было сказано, из эмоциональной стала констатирующей.

Не более точен и перевод И. Козлова. При той же утвердительной интонации им введен оборот *радость утраченных дней*, за счет чего утеряно, что звезда лишь похожа на воспоминание; сравнительное же *tak* не обладает достаточной выразительностью.

О точности стихотворного перевода

II.46. Остальные переводчики сохранили больше авторского лексического материала: П. Козлов, Фет и Толстой – по 4 слова, а Алеко и Финкель по 5 слов из 6 знаменательных. Однако, одними количественными сопоставлениями дело, конечно, не решается. Показателен в этом отношении перевод Фета:

Как по былом тоска сходна с тобой!

Фет сохранил и восклицательное «как», и восклицательную интонацию; *сходна с тобой* и «ты похожа на» семантически эквивалентны; субстантивированное *по былом* также эквивалентно атрибутивному «о былой...». Но вместо «воспоминания о былой радости» у Фета дана *тоска по былом*, и замена «воспоминания о радости» на *тоску* в корне искажает все содержание стиха, в результате чего пропадает и текст, и подтекст, и вся тональность стиха.

П. Козлов увеличил количество слогов до 13 (*О днях былых с тобой сходны воспоминанья*), но перевод его не стал от этого богаче. Сохранив такие слова, как «воспоминание о былых...», он все же обесцветил эту сторону тем, что лишил ееной эмоциональности, а к тому же его воспоминание – это воспоминание не о былой радости, а о былых днях; какими же были эти дни – радостными, грустными или какими-либо иными, – неизвестно. В результате этого стих потеряла свою выразительность и связь с предшествующим.

Толстой, Алеко и Финкель дали более близкие переводы.

Толстой: *Как он похож на радость прежних дней!*

Алеко: *О, как похоже ты на радость прежних дней!*

Финкель: *Как с радостью ушедшей схожа ты!*

Всюду здесь сохранен восклицательный характер предложения и слово *как*, всюду указано, что луч или звезда похожи на ушедшую радость, всюду подсказано, что радость эта была в прошлом; но всюду же опущено, что похожи они не на самую радость, а лишь на воспоминание о ней. То, что у Толстого и Алеко это *радость прежних дней*, а у нас *радость ушедшая*, большой роли не играет. Конечно, потеря образа-понятия «воспоминание» – это потеря существенная, но все же то, что в этих переводах сохранено, дает больше, чем в

A. M. Финкель

предшествующих. Удалось же это переводчикам потому, что они сохранили от 70% (Толстой) до 90% (Алеко, Финкель) лексики оригинала, а от себя добавили или опустили не более одного-двух слов. При соблюдении синтаксических, интонационных и ритмических условий это обеспечило точность перевода.

II.5.

Стихи 5 и 6 продолжают, расшифровывают и углубляют то сходство, о котором говорил стих 4-й. Звучит это так:

5. Так мерцает прошлое, свет прежних дней,
6. Который сияет, но бессильные лучи которого не греют.

Русский словесный материал занимает в стихе 5-м 11 слогов, а в 6-м – 20. Между тем два десятисложных стиха имеют вместе только 20 слогов. Даже если из стиха 6-го выбросить несколько слогов, приходящихся на слово *который*, то все же остается слишком много. Однако ряд образов и понятий нужно обязательно сохранить, иначе перевод перестанет быть переводом. Что же именно? Прежде всего нужно сохранить сравнительное «так», через которое осуществляется связь этого двустишия с предшествующими стихами. Нужно сохранить образы стиха 5, т.е. то, что «прошлое мерцает» и что оно «свет прежних дней», ибо они не только связывают эти строки с предшествующими, но и обосновывают антитезу стиха 6 («сияют, но не греют»), где раскрывается внутренняя связь между звездой и воспоминанием о прошлом. Необходимо, конечно же, сохранить эту антитезу, остиг все это выполнено?

II.5a. Наиболее прост и наиболее далек от оригинала И.Козлов:

Минувшее блещет меж горестных туч,
Но сердца не греет томительный луч.

Вместо 12 слов оригинала здесь 9; из них 5 совпадающих, одно – синонимическое, а 3 привнесенных от себя. Однако внесенные И. Козловым изменения – лексические и синтаксические – настолько упростили весь тон этих стихов, что от Байрона остается мало.

О точности стихотворного перевода

Здесь нет сопоставительного «так», т.е. не выражена связь этого двустишия с предшествующим, нет байроновских образов, нет антитезы стиха 6-го. Внесены же какие-то *горестные тучи* – нечто конкретное, – между которыми блещет *минувшее* – нечто абстрактное. Лучи вместо бессильных стали томительными, что вовсе не то же. Одна половина антитезы – *не греет* – осталась, но поскольку второй – *светит* – нет, то нет и антитезы, и это *не греет* повисает в воздухе. Искажена и вся направленность стиха 6: у Байрона сияют, но не греют лучи прежнего света; у Козлова же это распределено так, что блещет минувшее, а не греет луч, причем его принадлежность минувшему из текста перевода не вытекает. Объектом <воздействия> луча оказалось какое-то отсутствующее в оригинале *сердце*. Слишком многим пожертвовал И. Козлов и весьма неудачно компенсировал эти жертвы.

II.56. Столь же далек от оригинала и перевод П. Козлова:

Так светятся в душе мечты минувших дней,
Но счаствия, увы, дарить не могут ей.

Из стиха 5 сохранено лишь несколько слов – *так, светятся* (синоним к «мерцают»), *минувших дней*; шестой же стих полностью принадлежит переводчику, чем обесценивается и стих 5 – для воспроизведения Байрона его одного оказывается недостаточно. У Байрона светит «прошлое, свет минувших дней», у Козлова же светятся *в душе мечты* – байроновский образ упрощен и обеднен. У Байрона «свет прошлых дней» лишь светит, но уже не греет, и потому лучи его названы бессильными. Но ведь это и есть лучи из стиха 2-го, те лучи, которые дрожат, полны слез и приходят издалека. У П. Козлова все эти связи разорваны: *мечты* – это не «лучи»; *светить* и *не дарить счастья* – это не антитезы; почему мечты не дарят счастья душе, если они светятся именно в ней, нелогично и непонятно; связь этих строк с предшествующими совершенно утрачена и даже не угадывается, тем более, что и первое четверостишие было обеднено. Замена пятистопного ямба на шестистопный ничем себя не оправдала.

II.5в. Далек от оригинала и перевод Маршака:

Еще дрожит былого смутный свет,
Еще мерцает, но тепла в нем нет.

При всем изяществе, всей лиричности этих строк это не Байрон, не перевод, а весьма далеко отстоящий от оригинала пересказ.

Из 12 слов оригинала Маршак оставил лишь 2 и заменил синонимами 4. Остальные 6 он опустил и заменил 4-мя своими. «Свет прежних дней» заменен *смутным светом*, сказуемое к нему *дрожит* перенесено в стих 5 из стиха 2-го, а байроновское сказуемое «мерцает» переброшено в стих 6 (вообще говоря, такие перестановки допустимы, но должны быть оправданы). Совершенно исчезли «бессильные лучи» и связанная с ними антитеза. У Байрона она развивается естественно: свет сияет, но не греет (хотя мог бы); у Маршака свет этот смутен и дрожит, и потому антитетическое *но тепла в нем нет* оказывается очень ослабленным – а может ли быть тепло от такого света?

Эти лексические отклонения усугубляются и другими: отсутствует сравнительное «так» (продолжая отсутствие «как» в 4 стихе), внесено анафорическое (и тем самым усиливательное) *еще* в оба стиха, глаголу *мерцает* противопоставляется не другой глагол, а описательный оборот (*тепла в нем нет*), чем также ослаблена антитеза.

И этот перевод слишком многое не воспроизводит.

II.5г. Заметные отступления позволил себе и Фет, так передавший эти строки:

Так светит нам блаженство давних лет:
Горит, а все не греет этот свет.

Фет сохранил и сопоставление этих строк с предшествующими, и антитезу в шестом стихе, ритмико-сintаксический и melodический ход, но достиг он этого ценой значительных нарушений лексико-семантических. Из 12 слов оригинала Фет сохранил лишь пять; 4 слова он опустил, 3 заменил более или менее синонимическими, а 4 внес от себя. Дело, однако, решается не количеством самим по себе, а характером замен и добавлений. У Фета он таков: байроновское

О точности стихотворного перевода

«прошлое, свет прежних дней» превратилось в *блаженство давних лет*, что, конечно, далеко от оригинала. Слова *этот свет* в 6 стихе не так переброшены в него из стиха 5-го, как заменяют байроновское «бессильные лучи». Само по себе это было бы допустимо, если бы не два обстоятельства: исчезновение эпитета «бессильные» и отсутствие хотя какого-нибудь к нему синонима ослабило содержание и четкость антитезы; синтаксически же слова *этот свет*, даже если они не являются приложением к слову *блаженство*, все же дополняют его, как бы разъясняют (этот свет и есть блаженство), что и не побайроновски, да и вообще тяжело и натянуто.

Слово *горит* вместо иных синонимических (*светит, блестит, сияет*) подсказано, возможно, аллитерирующими и противопоставляемыми ему вторым членом антитезы – *греет* (*горит, а не греет*), что звучит хорошо.

II.5д. Больше дает перевод А. Толстого:

Так светит прошлое нам в жизненной ночи,
Но уж не греют нас бессильные лучи.

В этом переводе столько же слов, сколько в оригинале, причем авторских сохранено 7, а взамен 5 опущенных добавлено 5 своих. Проявилось все это следующим образом.

Первая половина стиха 5 передана им со вполне достаточной точностью – *Так светит прошлое...*, однако вторая половина – *нам в жизненной ночи* – добавлена от себя. При тех весьма ограниченных возможностях, которые есть у русского переводчика этих строк, внесение произвольного образа *жизненной ночи* является неоправданным. Шестой стих сохраняет очень много: и сочетание *бессильные лучи*, и противопоставительное *Но уж не греют*. Правда, противопоставление это находится не в одном стихе, а распределено между обоими и отнесено к разным подлежащим (светит *прошлое*, а не *греют лучи*), но все же здесь дано значительно больше, чем в предшествующих переводах. Следует однако помнить, что Толстой в этой строфе изменил пятистопный ямб на шестистопный.

А. М. Финкель

II.5е. Во многом повторяет А. Толстого Алеко, также пользующийся шестистопным ямбом, да еще с женской рифмой в нечетных стихах (в стих 6 вкраилась ошибка – пять стоп). Звучит это так:

Так светит прошлое бессильными лучами,
Светя лишь, но не грея уж давно.

Первая половина стиха 5 совпадает с толстовской, а вторая соответствует второй половине 6-го. Это, конечно, может быть случайным совпадением (чем больше переводов, тем больше возможность совпадений). Что касается 6-го стиха, то он далеко не безупречен: хотя противопоставление в нем воспроизведено, однако оно ослаблено тем, что выражено не глаголами, а деепричастиями (*светя, но не грея*), т.е. второстепенными членами предложения. К тому же деепричастие *светя* относится к глаголу *светит*, т.е. *светит светя*, что очень уж нехорошо. Выразительность этого стиха ослаблена также паразитическим *уж давно*.

Перевод Алеко во всех отношениях слабее толстовского.

II.5ж. Не все воспроизводят и наш перевод:

Мерцают так лучи минувших лет, –
Лишь светит, но не греет слабый свет.

Из 12 слов оригинала нами сохранено 10, причем от себя не добавлено ничего. Соединительное *так* воспроизведено, антитеза построена на тех же понятиях, что в оригиналe (*светит, но не греет*), однако некоторые понятия, Байроном расчлененные, пришлось объединить. Так, «прошлое» и приложение к нему «свет прежних дней» слиты у нас в одно *лучи минувших лет*; вместо «бессильные лучи которого не греют» дано *не греет слабый свет*, где *слабый* хотя и синонимично «бессильному», но менее интенсивно, а *лучи*, использованные в стихе 5-м, заменены словом *свет*. Эти замены общего тона и смысла строк не нарушают, как не сильно нарушает их и за-

¹ Этот вывод А.М. Финкеля несомненно связан с пунктуацией использованного им английского издания. В издании: Selections from Byron.M.: Progress, 1973. Р. 185.– после стиха 6 стоит не точка, а двоеточие, что превращает последовательность самостоятельных предложений в одно сложноподчиненное – *Прич. публикатора.*

О точности стихотворного перевода

мена «минувших дней» на *минувших лет*. Сочетание *свет светит* в русской литературе употребляется издавна и тавтологическим не считается. Не нарушает общего тона и замена предложения сложноподчиненного сложносочиненным, т.е. связей внешних на внутренние.

Сопротивления поэтического материала этих строк не удалось преодолеть в должной мере ни одному переводчику.

II.6.

Наиболее трудны для воспроизведения заключительные стихи:

7. Печаль подстерегает ночной луч,
8. Ясный, но далекий, чистый, но, увы, какой холодный!

Трудностей здесь много: и отсутствие внешних связей при несомненной внутренней связи этого двустишия со всем предшествующим¹, и некоторая неясность стиха 7 (в оригинале он синтаксически архаичен), и большая лексическая загрузка стиха 8-го, и два противопоставления в каждом его полустишии, и восклицательный характер второго из них, и необходимость вместить все это в 20 слогов (в прозаическом переводе на это требуется 26 слогов).

Смысловое противопоставление подкрепляется в стихе 8 блестящими аллитерациями *distinct* и *distant, clear* и *cold*, мимо которых пройти нельзя, ибо они не менее выразительны и не менее необходимы, чем непосредственное содержание соответствующих слов.

II.6а. Начнем с перевода П.А. Козлова, который все указанные трудности не разрешил, а обошел. Из 10 слов байроновского текста П.А. Козлов сохранил лишь одно, а остальные заменил своими. Уже это одно показывает, что ни о какой точности здесь и речи быть не может. Эти строки в переводе П.А. Козлова – и по смыслу, и синтаксически – продолжают стихи 5 и 6:

5. Так светятся в душе мечты минувших дней,
6. Но счаствия, увы! дарить не могут ей,
7. Не могут возвратить утраченные силы,
8. И, как твой свет, они холодны и унылы.

А. М. Финкель

Подлежащим ко всем этим сказуемым является слово *мечты* (в стихе 8-м *они*), наделенное переводчиком всеми этими свойствами. Все это настолько далеко от оригинала, что уничтожает самое понятие перевода – это не перевод, а весьма далекое переложение весьма неотчетливо воспринятого текста. Здесь ничего не осталось ни от текста (кроме слова *холодный*, но отнесенного не к тому существительному), ни от подтекста, ни от внутренней связи его со всем предшествующим (а связь внешняя чересчур груба), ни от двух противопоставлений последнего стиха. Зато добавлено то, чего Байрон не говорил и не мог сказать, до того это избито и бедно (*дарить счастье, возвратить утраченные силы* и т.п.).

II.66. Не лучше и перевод Алеко:

7. Так грусть полночная выводит пред очами,
8. Что ясно – но вдали, светло – но холодно.

И со стороны смысловой, и со стороны синтаксической перевод этот ниже всякой критики. Слова *грусть* и *ночной* в стихе 7-м сохранены, но в то время как у Байрона они отнесены к разным синтагмам и определение «ночной» относится к слову «луч» (объекту печали), у Алеко *полночныи* является определением к подлежащему, причем сказуемое здесь совершенно иное и мало понятное (не «подстерегает», а *выводит пред очами*). Что касается стиха 8-го, то попытка передать байроновские антитезы превратила его в какой-то косноязычный набор синтаксически неуклюжих и семантически бессмысленных сочетаний: *грусть выводит (?)*, *что ясно, но вдали...* Нагромождение не то наречий, не то кратких прилагательных (*ясно, светло, холодно*) в противопоставительных конструкциях делает предложение совершенно непонятным, причем это сочетается с нарушением всей структуры байроновского стиха.

6в. Перевод И.И. Козлова точнее воспроизводит антитезы заключительного стиха:

7. И радость былая, как ночью луна,
8. Видна, но далеко, ярка, но хладна.

О точности стихотворного перевода

Однако для того, чтобы хоть как-то передать эти антитезы, И. Козлов совершенно видоизменил стих 7-й, а чтобы как-то сделать понятным противопоставления стиха 8-го, внес от себя «разъяснительное» сравнение *как ночью луна*. Но подлежащим ко всем этим контрастирующим сказуемым является *былая радость*, переброшенная в этот стих из 4-го, т.е. повторенная (чего у Байрона, конечно, нет) и обединившая тем самым стих.

Сама же система антитет в переводе не соблюдена: при трех кратких прилагательных (*видна, ярка, хладна*) четвертый член этой системы – слово *далеко* – не сказуемое, а обстоятельство, не прилагательное, а наречие.

II.6г. К переводу И. Козлова примыкает перевод Фета:

7. Подруга дум воздушная видна,
8. Но далеко – ясна, но холодна.

Из 10 слов оригинала Фет использовал только 3; остальное, т.е. вся строка 7-я полностью принадлежит ему. Но если козловская *былая радость* хоть в какой-то мере опиралась на байроновский текст, то фетовская *воздушная подруга дум* остается совершенно загадочной, – решить, кто или что это, невозможно: нигде раньше не было названо никого, кого можно было бы считать «подругой дум». В стихе 1-м названы *солнце* и *звездный луч*, в стихе 3-м – *сопутник мглы* и *ночной страж*, в стихе 5-м – *блаженство*, так что ни к кому из них слово *подруга* отнести нельзя. При таком резком нарушении логики, цельности и взаимосвязанности образов ни о какой точности перевода и речи быть не может.

Что касается антитет стиха 8-го, то и структурно, и ритмически они нарушены тем, что вместо одного стиха размещены в двух, в результате чего *видна* и *но далеко* разделены паузой.

II.6д. Иначе это звучит у А.Толстого:

7. Звезда минувшего так в горе мне видна,
8. Видна, но далека, светла, но холодна.

И в переводе Толстого с байроновской лексикой совпадает лишь три слова – остальные семь внесены переводчиком. В результате этого

А. М. Финкель

стих 7 чрезвычайно далек от оригинала; в 4-м стихе у Толстого была радость прежних дней, в 5-м – светит прошлое, так что звезда минувшего в 7-м стихе делает образ этот монотонным, и весь стих ничему в оригинале не соответствует. Невразумителен и его синтаксис: звезда видна мне в горе – но в чьем? Местоимение *мне* будто бы подсказывает горе автора (*в моем горе*); однако выше речь всюду идет о горестной звезде, так что и это горе может относиться к ней (*звезда в горе*). Тогда стих 7-й означает «звезда минувшего видна мне пребывающей в горе» или «мне видна находящаяся в горе звезда минувшего» – но все это крайне утруднено невыразительным синтаксисом этого стиха. Самое же главное – все это совершенно не соответствует тому, что имеется в оригинале. Произошло же это потому, что на каждый элемент стихотворения воздействуют все иные, что все они между собой связаны, а в данном конкретном случае из-за стиха 8-го. А.К. Толстой стремился, как и следовало, сохранить антитезы этого стиха, в первую очередь конечную – *clear, but cold*, что он и передал словами *светла, но холодна*. Это передано хорошо, четко и выразительно. Ради этого Толстой и пошел на замену пятистопного ямба шестистопным. Но в жертву пришлось принести не только размер; в этом же стихе ослабленным оказалось первое полустишие: *видна, но далека* вовсе не антитеза – более антитетичным было бы обратное – *далека, но видна*; при толстовском же порядке слов следовало сказать *видна, хоть далека*. Но тогда пропало бы двукратное повторение союза *но*, что отразилось бы на структуре стиха. Трудно, между прочим, понять, почему Толстой повторил в 8-м стихе слово *видна* из стиха 7-го, в то время как можно было, не нарушая строк стиха, соблюсти большую точность смысловую – *ясна, но далека*, что полностью соответствует оригиналу. Возможно, что Толстого остановила синонимичность слов *ясна* и *светла*, т.е. повторение близких эпитетов в обоих полустишиях. Все же это было бы лучше, чем ненужное и неоправданное повторение неточного *видна*, тем более, что байроновское *distinct* и *clear* тоже в какой-то мере синонимичны.

Аллитераций заключительного стиха в их точном звучании Толстой не сохранил, но передал их сквозным ассонансом на ударяемое *а*:

О точности стихотворного перевода

виднб – далекб – светлб – холоднб, что выгодно отличает его перевод от рассмотренных выше.

П.6е. Необходимость передачи антитезы 8-го стиха потребовала многих жертв и от С.Я. Маршака. Он перевел эти строки так:

7. Полночный луч, ты в небе одинок,
8. Чист, но безжизнен, ясен, но далек.

Десяти словам оригинала у Маршака соответствуют девять, из которых пять соответствует оригиналу, а одно является синонимической заменой. Это делает перевод Маршака в этом отношении более точным, чем предшествующие. Проявилось это в следующем.

Антитезы сохранены, однако в переводе они переставлены местами, что ослабило их выразительность, ибо финальный акцент падает не на слово «холодный», а на слово «далекий», что не соответствует авторскому замыслу. К тому же замена слова «холодный» словом *безжизненный* ослабило все это и по содержанию и по эмоциональному тону. От этого пострадал и стих 7-й: текстуально от него остались лишь слова *полночный* луч, да и то ставшие обращением. То же, что луч подстерегает печалью, что она поджидает его, как бы овладевает им, – все это исчезло, а вместо этого дано самим Маршаком присочиненное *ты в небе одинок*, чего у Байрона нет. Все это повлекло и изменение синтаксико-intonационной структуры двустихия. Инструментовка стиха 8-го в переводе не отражена.

П.6ж. Мы передали эти строки так:

7. И свет ночной, что грусть подстерегла,
8. Чист, но далек, лучист, но без тепла!

В лексическом отношении наш перевод еще ближе к оригиналу, чем перевод Маршака. Из восьми его слов нет ни одного, привнесенного переводчиком, – пять сохраняют лексику оригинала, а три являются синонимическими заменами. Опущены же те слова, которые не нашли отражения ни в одном переводе, – «увы, какой». Все же и наш перевод не безупречен.

Хотя «полночный луч» стиха 7-го продолжает тему «негреющего света», стихов 5 и 6 и подсказывает сплетение «света прежних

А. М. Финкель

дней» с «лучом далекой звезды», все же стих 7 у Байрона затруднен и внешних связей с предыдущими прямо не обнаруживает. Это можно было бы оставить и в русском переводе, начав, например, стих 7 словами *Огонь ночной* или, как у Маршака, *Полночный луч* и т.д. Мы все же пришли к иному решению: сделать эту связь более ясной; потому мы не только ввели союз *и*, но и повторили слово *свет*. Тем самым дано раскрытое сравнение света звезд со светом прежних дней. (Почему мы отказались от слова *луч*, будет сказано ниже).

Чтобы сохранить содержание этого стиха, нам пришлось изменить его синтаксическую структуру и превратить простое предложение в сложноподчиненное с придаточным определительным. Поскольку, однако, оно состоит всего из двух слов и союзного слова *что*, это не утяжеляет стиха ни в смысловом, ни в ритмическом отношениях. Но зато нам удалось сохранить образ «подстерегающей печали», отсутствующей во всех прочих переводах.

В 8-м стихе сохранены антитетические полустишия и по содержанию и по положению, так что конечный акцент падает на то же понятие, что и в оригинале – *без тепла*, синоним байроновского «холодный» (сохранить полную систему прилагательных нам не удалось). Байроновскую аллитерацию как таковую мы не воспроизвели и заменили ее внутренней полнозвучной рифмой *чист – лучист*, связывающей оба полустишия в одно целое и фонетически. Для этого и пришлось отказаться от слова *луч* в 7-м стихе, ибо сочетание *луч чист*, естественно, не может быть допущено.

Таков фактический материал нашего анализа. Перейдем к выводам.

III. Выводы

III.1.

Понятие точности, или адекватности, перевода четко сформулировано проф. А.А. Смирновым в следующих словах: «Адекватным мы должны признать такой перевод, в котором переданы все намерения автора (как продуманные им, так и бессознательные) в смысле

О точности стихотворного перевода

определенного идеино-эмоционального художественного воздействия на читателя, с соблюдением по мере возможности путем точных эквивалентов или удовлетворительных субститутов (подстановок) – всех применяемых автором ресурсов образности, колорита, ритма и т.п.; последние должны рассматриваться, однако, не как самоцель, а только как средство для достижения общего эффекта»¹.

Как уже было сказано, А.А.Смирнов неставил перед собой задачи определить, что же может служить точными эквивалентами или удовлетворительными субститутами. Сравнительный анализ позволяет их наметить.

III.2.

Первым положением в отношении перевода стихов следует выдвинуть положение весьма элементарное: стихи следует переводить стихами. Правда, известный переводчик В.В. Левик как-то обронил мысль, что «конечно, хороший перевод в прозе лучше плохого перевода в стихах»², однако слова «хороший» и «плохой» перевод им не расшифрованы и сами нуждаются в определении. К тому же за этим немедленно следует иное положение: «Но в принципе при переводе стихов прозой их художественная ценность терпит не меньший, если не гораздо больший ущерб, чем при переводе стихами, хотя бы и не вполне точном». Это высказывание представляется нам более верным и полностью снимает предшествующее. И, как показывает проведенный выше анализ, нельзя одну метрическую схему подменить иной: первым условием точности стихотворного перевода является по возможности адекватное воспроизведение его метрической схемы (если язык не чинит этому препятствий)³.

¹ Литературная энциклопедия. Т.8. М., 1934. Стб. 527

² В. Левик. О точности и верности – В сб. «Мастерство перевода». М., 1959. С. 273.

³ Существующая во французской литературе традиция переводить стихи прозой возникла, очевидно, на базе акцентологической системы французского языка, не позволяющей точного воспроизведения метрики английской, немецкой или русской, т.е. на основаниях лингвистических.

III.3.

Структурные особенности стихотворения – количество строк, метр, расположение и характер рифм – должны быть соблюдены с максимальной адекватностью, насколько это позволяет язык. Это требуется и во имя внутренней связи избранной автором структуры с идеально-эмоциональным содержанием, и потому, что, как мы видели, нарушение структуры влечет за собой и нарушение этого содержания, т.е. как раз того, чем в этих случаях оправдываются (вспомним Алеко)¹.

Структурные особенности стиха измерены. Отсюда возможность учета и соблюдения, и нарушения этих особенностей. Так, в наших переводах можно установить три группы:

1. Точно воспроизведших структуру оригинала – восемь строк, пятистопный ямб, смежные мужские рифмы (Фет, Маршак, Финкель);
2. Сохранивших количество строк, но изменивших размер, т.е. количество слогов, а иногда и характер рифмовки (И. Козлов – второй вариант, П. Козлов, А. Толстой, Алеко);
3. Не сохранивших ни количества строк, ни количества слогов, ни строфики, ни рифмовки (Маркевич, Михаловский, И. Козлов – первый вариант).

Если переводы 1-й группы признать достигшими 100%-ой точности, то процент точности 2-й группы ниже, а 3-й еще ниже. Может быть измерена и степень точности каждого индивидуального перевода. Так, перевод А. Толстого, где от оригинала отклонилась лишь вторая строфа (шестистопный ямб вместо пятистопного при сохранении смежных мужских рифм) точнее, чем перевод Алеко, где всюду шестистопный ямб, а рифмы перекрестные, мужские и женские.

¹ Требование эквиритмического перевода как обязательное выдвигает и А.А. Смирнов (как, впрочем, и многие другие).

О точности стихотворного перевода

Степень этой точности – это второй критерий точности стихотворного перевода¹.

III.4.

Переходя к воспроизведению лексического состава стихотворения, т.е. того материала, в котором «содержание» проявляется наиболее наглядно, прежде всего нужно четко и безоговорочно подчеркнуть, что о сохранении абсолютного количества слов говорить не приходится; если такое и встретится, то это чистая случайность. Как правило же, количество слов русского языка – при той же метрической структуре стихотворения – с количеством слов английского языка не совпадает (это, наверное, относится и к другим языкам). Поэтому такой показатель должен быть отброшен. Но красноречивыми и дающими основания для небезынтересных выводов являются иные качественные показатели. Это уже использованные нами в ходе анализа данные о количестве и весе слов сохраненных и опущенных, замененных или вставленных переводчиком. Абсолютным критерием это не является, но говорит о многом. Так, тот факт, что при 44-х самостоятельных словах оригинала в переводе П. Козлова их 46, Толстого и Алеко – 43, Фета – 41, а Маршака, Финкеля и И. Козлова – 39, 38 и 36, – сам по себе говорит мало (это показано в анализе). Иное дело такие данные:

¹ Минимум метрической точности, предел, ниже которого нельзя опускаться, определяется без труда: это, как только что было сказано, соблюдение того же количества строк, того же стихотворного размера, того же характера и расположения рифм. Максимум точности определить невозможно, ибо он подвижен и связан с целым рядом иных компонентов, не только фонетических, но и синтаксических, и морфологических, и лексико-семантических. Не будем касаться здесь этого вопроса, ибо ответ на него требует многих скрупулезных исследований. Отметим лишь, что соблюдение метрической схемы еще не обеспечивает тождественности ритмического каданса, который может зависеть от структуры слова (фактор морфологический и фонетический), от количества гласных и согласных в нем (фактор фонетический), от характера предложения (фактор синтаксический) и ряда других причин. Вот почему максимальная точность в абсолютном понимании этого слова вряд ли достижима; можно говорить лишь о степени приближения к ней.

А. М. Финкель

	Сохранено в % к оригина- лу	Заменено синони- мами в % к оригина- лу	Опущено в % к оригина- лу	Добавлено в % к количе- ству слов перевода
И.Козлов	11/25%	7/16%	26/59%	18/50%
П.Козлов	14/32%	5/11%	25/57%	27/59%
Фет	16/36%	3/7%	25/57%	22/54%
Толстой	21/48%	—	23/52%	22/51%
Алеко	21/48%	3/7%	20/45%	19/44%
Маршак	13/30%	6/13%	25/57%	20/51%
Финкель	31/70%	4/10%	9/20%	3/8%

Если переводчик из авторского текста сохраняет только 25-30%, а все остальное является плодом его собственного творчества, то при прочих равных условиях его перевод дальше от оригинала, т.е. менее точен, чем перевод, сохранивший 50 и более процентов лексики оригинала. Ведь сохранение лексики – это и сохранение семантики, смысла, и если сохраняются не только слова сами по себе, но и их логические и синтаксические взаимоотношения с другими словами, то перевод, в котором меньше пропусков и добавлений, всегда точнее такого, в котором их больше. Поскольку же эти количества и соотношения измеримы, мы получаем в руки еще один объективный критерий.

III.5.

Было бы однако грубо и недостаточно, поверхностно и ошибочно ограничивать себя только показателями количественными. Мы приводили важное наблюдение В. Левика, что не все слова стихотворения имеют одинаковый вес и ценность. Поэтому тот факт, что Алеко сохранил 48% лексического материала, а И. Козлов только 25, сам по себе говорит не очень много: Козлов мог сохранить материал первостепенный, а Алеко – менее значительный, что не сделало его перевод лучше.

О точности стихотворного перевода

Вот почему показатели количественные нужно все время корректировать качественными, смысловыми, учитывая их роль и место в целом, что мы и пытались делать в своем анализе.

III.6.

Мерой точности явлений синтаксических должны быть показатели не количественные, а функциональные. Важна не синтаксическая конструкция сама по себе, а место и роль ее в произведении. Если никакой иной функции, кроме коммуникативной, данная конструкция не выполняет, то адекватной ей в языке перевода будет конструкция, выполняющая аналогичные функции, независимо от того, совпадает ли их структура или нет. Поэтому синтагмы со связью управления могут быть заменены синтагмами со связью согласования или примыкания, конструкции предложные – беспредложными и т.д. и т.п. Если же синтаксическая конструкция выполняет вдобавок функции экспрессивно-эстетические, то в языке перевода нужно найти эквивалент, выполняющий те же функции, даже если он структурно не идентичен. Это значит, что структурное совпадение само по себе большой роли не играет. Но со стихотворным синтаксисом в большей или меньшей мере связаны интонация и ритм. Соблюдение их также может быть использовано как один из показателей точности. Так, тот факт что ряд переводчиков заменил эмоционально-восклицательную 4-ю строку («Как ты похожа на воспоминание о былой радости») строкой информирующей, повествовательной, даже независимо от ее лексического наполнения привело к заметному, даже резкому нарушению точности перевода. С другой стороны, то, что А. Толстой объединил эту строку с двумя предшествующими при помощи анафорического *как*, придавшего восклицательный характер и стихам 2-му и 3-му, не усилило и не подчеркнуло интонационно-синтаксическую индивидуальность стиха 4-го, а наоборот, ослабило.

О какой-либо исчислимости в области синтаксиса говорить трудно, но измеримость имеет место и здесь.

III.7.

Ритм и интонация стихотворения могут быть учтены настолько, что их можно было бы положить на ноты, и наложение нотной записи перевода на нотную запись оригинала объективно показало бы степень точности перевода в этом отношении. Но это в принципе. Фактически же методика <для> этого абсолютно не разработана, в какой степени синтаксис, морфология и фонетика русского языка позволяют воспроизвести ритм и интонацию других языков, и какого с какой степенью точности, изучено недостаточно. Поэтому здесь говорить об измеримости пока преждевременно.

Более точными, конкретно учитываемыми могут быть явления эвфонические. Однако вопрос здесь упирается не в то, можно ли их воспроизвести, а в то, нужно ли их воспроизводить, т.е. относятся ли они к инвариантам. Не определено также, удовлетворяет ли понятию точности самый факт воспроизведения некоторых приемов инструментовки, должен ли перевод воспроизвести аллитерации аллитерациями же, а ассонансы – ассонансами, причем на тех ли самых звуках или на любых других. Дело здесь не так даже в трудностях технических – хотя и они весьма велики, – а в проблеме эстетико-функциональной – в обоснованности инструментовки содержанием, роли ее для выражения этого содержания, из чего уже вытекает обязательность или необязательность ее воспроизведения. В нашем стихотворении обоснованная инструментовка была, как нам кажется, только в стихе 8-м (*distinct* и *distant*, *clear* и *cold*), а потому переводы, так или иначе отразившие ее, точнее, чем прошедшие мимо.

III.8.

Проделанный нами анализ и сделанные из него выводы позволяют уяснить и уточнить еще одно важное в теории перевода понятие, а именно понятие дословности, или буквальности. Оно издавна подвергается самому резкому осуждению, и совсем недавно К.И. Чуковский с присущей ему страстью так охарактеризовал дословные переводы: «Буквальный перевод – наиболее лживый из всех пе-

О точности стихотворного перевода

реводов, наиболее далекий от оригинального текста. Богатый словарь нужен переводчику, чтобы переводить не дословно». А несколькими строками выше он писал: «(Переводчики-формалисты,) гоняясь за таким призраком, как буквальная, дословная точность, почти всегда обрекают свой стих на косноязычную дикцию», увязывая эти слова с «опухолями и вывихами синтаксиса»¹.

Итак, по оценке К. Чуковского, буквальная, дословная точность влечет за собой: а) опухоли и вывихи синтаксиса, б) косноязычную дикцию, в) бедный словарь. Дословность, таким образом, охватывает и лексику, и синтаксис, и ритмо-мелодику и является наиболее лживым из всех переводов.

Эти тяжелые обвинения представляются нам во многом неправомерными, а расширение сферы действия дословности неоправданным и неправильным. Как ни парадоксально это звучит, но понятие «дословности» меньше всего относится к словам, т.е. к лексике и семантике. Любопытны показания словарей. «Словарь современного русского литературного языка» АН СССР (т. III, стр. 1026) определяет слово *дословный* так: «Полностью соответствующий первоисточнику; буквальный, точный». «Словарь русского языка» Института языкоznания (т. I, стр. 590) дает такое разъяснение: «Слово в слово соответствующий источнику; совершенно точный, буквальный», т.е. в обоих словарях *дословный* определяется не как неточный, а наоборот, – как совершенно точный, имея при этом направленность не отрицательную, а положительную. Чуковский же (да и не он один, конечно) абсолютно произвольно толкует значение этого слова и столь же произвольно иллюстрирует его.

К.И. Чуковский совершенно справедливо возмущается тем, что у многих переводчиков «множество всегда было множеством. Почему не *прорва*, не *уйма*, не *бездна*, не *тьма*?.. в подлиннике, например, одну девушку называют *wild*. По словарю это значит *дикая, буйная, необузданная, неистовая, разраженная, бешеная*. И до чего радуешься, когда находишь в переводе: *шальная*». Такого рода ил-

¹ К.И. Чуковский. Бедный словарь – и богатый. – Литературная газета. 1963. 20 июля.

люстрациям и оценкам посвящена чуть ли не половина цитируемой статьи.

Все это справедливо, но к дословности не имеет никакого отношения. И тот переводчик, который передал английское *wild* русским *дикий*, и тот, который передал его словом *бешенный*, и тот, который передал его словом *шальной*¹, одинаково повинны в дословности и буквальности, а, вернее, совершенно в этом неповинны: выбор того или иного синонима определяется контекстом, знанием и пониманием языка, а вовсе не стремлением к «буквальности» или отталкиванием от нее. В области лексики и семантики так называемая буквальность, или дословность, есть как раз не минус, а плюс, ибо она означает и точное воспроизведение смысла слова, и полное соответствие его содержания слову оригинала, и принадлежность к той же лексической категории, т.е. здесь понятие дословности совпадает с понятием адекватности, и смешно против этого восставать.

Отрицательную оценку (но отнюдь не в равной мере) дословность приобретает лишь тогда, когда она применена к фразеологии и синтаксису. Еще А.С. Пушкин в известной своей заметке «О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая» (1836) справедливо отмечал, что нельзя переводить слово в слово на русский язык такие обороты, как франц. *Comment vous portez vous* или англ. *How do you do*, а в примечании к этому месту подсмеивается над рецензентом «Телескопа», который «пенял переводчику, зачем он пропустил в своем переводе выражение *battersi la guancia* – бить себя по щекам». Пушкин указывает, что *battersi la guancia* «значит *раскаться*, перевести иначе не имело бы никакого смысла»².

¹ Кстати, в русско-английском словаре О.С. Ахмановой русское *шальной* передается именно словом *wild*.

² В следующий своей статье в «Литературной газете» (от 12 нояб. 1963 г.) К.И. Чуковский говорит о дословности лишь применительно к идиоматике, что более правильно. Однако ни в коем случае нельзя забывать, что значительная часть идиоматики любого европейского языка создалась именно в результате калькирования (иногда чрезвычайно дословного), так что буквальность эта оказалась полезной. Применительно к русскому языку см.: Н. Шанский. Лексика и фразеология современного русского языка. М., 1963. §46-53.

О точности стихотворного перевода

Непререкаемо отрицательный характер дословность имеет только в синтаксисе, где она всегда напоминает гимназические подстрочки с переводами типа *Галлия есть вся разделена в части три*.

Здесь мы действительно имеем дело с более или менее грубыми нарушениями норм родного языка, механическим повторением синтаксических конструкций оригинала, рабским подражанием, – такая «дословность», конечно, вредна; но к лексике, повторяем, это отношения не имеет¹.

Поскольку дословность – это явление синтаксическое, а с синтаксисом связаны явления ритмо-мелодики, синтаксическая дословность действительно может обречь перевод на «коснозычную дикцию», однако «буквальная, дословная точность» лексическая в этом никак не повинна.

III.9.

В заключение поставим перед собой два вопроса: а) может ли неточный перевод быть хорошим? и б) может ли точный перевод быть плохим?

Однако такие формулировки, при всей, казалось бы, их естественности, страдают одним общим недостатком – они многое не договаривают, а потому нуждаются в уточнении.

а) Что, в сущности, означает первый вопрос – может ли неточный перевод быть хорошим? – Хорошим чем? Переводом некоего заданного оригинала, обладающего четко очерченным содержанием, структурой и всем иным, что характеризует стихотворение, или

¹ В нашей работе «О некоторых вопросах теории перевода» (Ученые записки Харьковского ин-та иностранных языков. Вып. I, 1939), говоря об этих понятиях, мы допустили неточность, не разделив сферы лексики, синтаксиса и фразеологии и употребляя такие выражения, как «дословность обычно противоречит точности... дословность перевода почти всегда его минус» (стр. 77). Это справедливо по отношению к синтаксису, не всегда справедливо по отношению к фразеологии и неверно по отношению к лексике и семантике. Но по-прежнему мы считаем правильным, что «там, где она (дословность) возможна без какого-либо смыслового и языкового ущерба для перевода, там она перестает быть только дословностью, а перерастает в высшее качество – адекватность» (там же).

А. М. Финкель

хорошим самостоятельным (хотя и подражательным) литературным произведением?

При первом понимании иного ответа, кроме отрицательного, быть не может. Конечно, степень неточности может быть различной (что мы видели), но если перевод явно неточный, то тем самым как перевод он не достиг своей цели и, следовательно, плох.

Иное дело, может ли плохой перевод быть хорошим литературным произведением сам по себе, независимо от своего отношения к оригиналу? На этот вопрос ответ следует дать положительный. Такие, навеянные чужим творчеством произведения всегда были, есть и будут. Они могут сыграть большую роль в развитии своей национальной литературы, обладать многими неоспоримыми достоинствами (вспомним Жуковского и Шиллера), но это не переводы в строгом смысле этого слова. Их можно назвать подражанием, переложением, перепевом или еще как-нибудь, но во всех случаях их нужно отличать от перевода. Где проходит граница между ними, это вопрос особый, и сейчас мы его не ставим.

б) Может ли точный перевод быть плохим? Противники точности, отождествляя ее с буквальностью и дословностью, утверждают, что может. Но это недоразумение, основанное на субъективном понимании слова *точный*. Обычно в этих случаях точностью называют передачу лишь одной стороны стихотворения, причем достигнутую ценой недостаточного внимания ко всем другим. Такая односторонняя «точность» по существу является неточностью, а потому действительно может быть неудовлетворительной, ибо сторона эстетическая обычно в этих случаях приносится в жертву логико-семантической. Но тогда весь вопрос теряет свой смысл, ибо он относится уже не к переводу точному, а к неточному, который хорошим быть и не может. Если же этой односторонности нет и точность одинаково охватывает и ритмомелодику, и структуру, и содержание, и все прочие компоненты стихотворения, то такой перевод не может быть плохим: точность и эстетическое совершенство в таких случаях совпадают.

Приложение

Ряд затронутых нами вопросов требует уточнения и проверки; ряд других ждет своей очереди. Сравнительный анализ нескольких переводов не все вопросы выдвигает и решает, но все же дает достаточно много материала для их постановки и осмысления.

Июнь-сентябрь 1963 г.

Подготовка текста и примечания С. И. Гиндина

Приложение

*Полные тексты переводов
стихотворения Дж. Байрона «Sun of the sleepless»,
анализируемые в статье А.М. Финкеля*

1.

И.И. Козлов (1-й перевод)
К звезде, в бессонную ночь
(из Байрона)

Звезда, приветный свет тоски моей!
Уныло ты горишь во тьме ночей
И трепетно в такой дали мерцаешь;
Ты мрак один лишь только умножаешь.
Всё призраков ночь страшная полна!
С бывалою ты радостно сходна.
Так прежних дней и благ воспоминанье,
Как томное твоё, звезда, сиянье,
Обманчивой отрадою манит,
Волнует дух а сердце не живит.
Так и звезда во тьме чуть пламенеет,
Горит в дали, блестает, но не греет.

(Новости литературы. 1823. №12. С.188)

2.

И.И. Козлов (2-й перевод)

Еврейская мелодия

Бессонного солнце, в тумане луна!
Горишь ты далеко, грустна и бледна.
При тусклом мерцанье мрак ночи страшней,
Так в памяти радость утраченных дней.
Минувшее блещет меж горестных туч;
Но сердца не греет томительный луч;
И радость былая, как ночью луна,
Видна - но далеко, ярка – но хладна.

1825

(Козлов И.И. Стихотворения / Вступит. статья,
подгот. текста и примеч. И.Д. Гликмана.
Л.: Сов. писатель, 1956. С.131).

3.

Н.А. Маркевич

Мелодия, I.

О солнце тех, кто не вкушает сна,
Звезда задумчивых, печальная луна!
Украся свод небес эфирный и пространный,
Сколь ты прелестна для очей!
Но луч твой нежный и туманный
Не разгоняет тьмы ночей.

—
Луна! Твоим лучам равно воспоминанье
О наслажденьях прошлых лет:
Других времён далекий свет, —
Протекших радостей сиянье,
Для нас одарено небесной красотой,
Оно задумчивость рождает;
Но слабый луч его на сердце оставляет
Печали хлад и мрак ночной.

(Маркевич Н.А. Стихотворения. М.: Университет.
типогр., 1829. С.63)

Приложение

4.

A.A. Фет

О, солнце глаз бессонных – звездный луч,
Как слезно ты дрожишь меж дальних туч!
Сопутник мглы, блестящий страж ночной,
Как по былом тоска сходна с тобой!
Так светит нам блаженство давних лет:
Горит, а все не греет этот свет;
Подруга дум воздушная видна,
Но далеко, - ясна, но холодна.

<1844>

(*Фет А.А. Полное собрание стихотворений / Вступит. статья, подготовка текста и примечания Б.Я.Бухштаба. Л.: Сов. писатель, 1959. С.670.*)

5.

A.K. Толстой

Неспящих солнце! Грустная звезда!
Как слезно луч мерцает твой всегда!
Как темнота при нем еще темней!
Как он похож на радость прежних дней!

Так светит прошлое нам в жизненной ночи,
Но уж не греют нас бессильные лучи;
Звезда минувшего так в горе мне видна;
Видна, но далека – светла, но холодна!

Сентябрь 1856 г.

(*Толстой А.К. Собрание сочинений: В 4 тт. Т.1./ Вступит. статья, подгот. текста и примеч. И.Г. Ямпольского. М.: Гослитиздат, 1963. С.605.*)

6.

П.А. Козлов

Звезда

Звезда печальная, звезда лишенных сна,
Твой бледный свет уныл, ты трепета полна;
Рассеять мрак ночной твой свет не в состояньи.
О днях былых тобой сходны воспоминанья.
Так светятся в душе мечты минувших дней,
Но счаствия, увы! дарить не могут ей;
Не могут возвратить утраченные силы
И, как твой свет, они и хладны и унылы.

(Байрон Д. Еврейские мелодии / В пер.
П. Козлова. СПб.: Типогр. Вольфа,
1860. С.35)

7.

Алеко (А.И. Стронин)

Звезда бессонницы...

Звезда бессонницы, томления светило!
Ты, чей плачевный свет мерцает без лучей,
Где мрак означить лишь, а не прогнать есть сила!
О, как похожа ты на радость прежних дней.

—
Так светит прошлое бессильными лучами,
Светя лишь, но не грея уж давно;
Так грусть полночная выводит пред очами,
Что ясно — но вдали, светло — но холодно.

(Байрон в переводах Алеко. СПб., 1886).

8.

Д.Л. Михаловский

Солнце неспящих...

Солнце неспящих, светило печальное!
Трепетно льешь ты сияние дальнее
В тьму, но не можешь ее победить.
Как ты похоже на радость минувшего,
Полосу света, в былом потонувшего,
Света, что память не может забыть.
Светит – не греет он слабым сиянием,
Так и твой луч, столь любимый страданием,
Явственно виден, но как удален!
Светел и чист, но как холоден он!

(Байрон Дж. Полное собрание сочинений
в переводе русских поэтов / Сост. Н.В.Гер-
бель. Изд. 4 / Под ред. Д.Л. Михаловского.
Т.1. СПб., 1894. С.104).

9.

*Перевод под ред.
А. Михайлова*

Солнце тех, которые не знают сна...

Солнце тех, которые не знают сна, звезда меланхолии, луч,
полный слез, сияющий и дрожащий вдали, освещая мрак, но бес-
сильный рассеять его, как ты похоже на воспоминания былых радо-
стей! Так сияет прошлое, отблеск протекших дней, бессильные лучи
которого не греют. Печаль ловит ночной луч; он светит вдалеке, но,
о, Боже! какой он холодный!

(Байрон Дж. Полное собрание сочинений: В 6 тт. /
Под ред. А. Михайлова. СПб., 1894 (Прилож. к
журналу “Живописное обозрение”).

10.

С.Я. Маршак

Солнце бессонных

Бессонных солнце – скорбная звезда,
Твой влажные луч доходит к нам сюда.
При нем темнее кажется нам ночь.
Ты – память счастья, что умчалось прочь.

Еще дрожит былого смутный свет,
Еще мерцает, но тепла в нем нет.
Полночный луч, ты в небе одинок,
Чист, но безжизнен, ясен, но далек!..

<1950>

(*Маршак С.Я. Собрание сочинений: В 8 тт. Т.3 /*
Подгот. текста и примеч. С.Р. Майзельс.
М.: Худож. лит., 1969. С.633)

11.

A.M. Финкель

Бессонных солнце! Грустная звезда!
Луч, полный слез, шлешь издали сюда,
Горишь, но не рассеешь темноты.
Как с радостью ушедшей схожа ты!

Мерцают так лучи минувших лет, –
Лишь светит, но не греет этот свет.
И тот огонь, что ты грустя зажгла,
Чист, но далек, лучист, но без тепла.

1963

(Публикуется впервые по машинописи,
присланной публикатору А. П. Финкель)

Н. Г. Семенова

**Русские эквиваленты собственных имен в
переводах эпопеи Дж. Толкина “The Lord of the
Rings”**

От автора

I. О задачах и материале справочника

Передача собственных имен представляет собой вечную проблему переводческого дела. И если в переводе текстов практической направленности собственно перевод все больше вытесняется транскрипцией, то в переводе текстов художественных дело обстоит сложнее¹. Значение и внутренняя форма имен собственных в художественных текстах часто настолько важны для содержания текста в целом, что заставляют переводчиков искать способы их перевода.

Изучение опыта подобных переводов имен собственных, равно как и факторов, благоприятствующих переводу или препятствующих ему, представляет большой интерес для сопоставительной семантики, стилистики, истории культуры, языковых и межкультурных контактов. Но успех и плодотворность такого изучения будут в значительной степени зависеть от широты и репрезентативности привлекаемого эмпирического материала.

¹ Об этом см. в работах: *Реформатский А.А. Перевод или транскрипция? // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 311-333; Томашевский Б.В. Русская передача французских имен // Там же. С. 251-311; Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Высш. шк., 1986; Гиляревский Р.С., Старостин Б.А. Иностранные имена и названия в русском тексте: Справочник. 3-е изд. М.: Высш. шк., 1985. С. 4-56 (Введение).*

Н. Г. Семенова

В этом отношении совершенно особый интерес представляет материал, который может дать исследование переводов эпопеи Толкина «The Lord of the Rings». Это произведение весьма значительно-го объема, там действует более 300 персонажей. Различных имен собственных в книге более 1000, причем значительная часть их дана на изобретенных Толкином языках эльфов, людей, гномов. Эта «многоязыкость» эпопеи представляется фактом первостепенного значения для его понимания. Изучение древних языков, погружение в исчезнувшие эпохи, от которых остались только письменные свидетельства – были не просто профессией для Толкина, как и изобрете-ние языков – не просто увлечением, хобби. По его собственному при-знанию, «все базируется на языке. Скорее язык был «фундаментом» для мира, чем наоборот. Ко мне прежде приходит имя, и уж потом - история»². Изобретая имена для своих персонажей, Толкин соединял возможности современного английского языка с элементами древ-неанглийского, готского, валлийского, финского; он придумал не-сколько языков, различных по своим грамматическим и фонетичес-ким законам и разработал их письменность; он проследил их исто-рические взаимосвязи, создал песни, легенды и мифы на этих язы-ках, написал исторические хроники. Без сомнения перевод такого произведения – особыя задача для переводчика³.

Тем больший интерес представляет возможность сравнительно-го изучения русских переводов эпопеи, тем более, появившихся в течение сравнительно небольшого срока – за 10 лет с начала 90-х годов XX в. по начало XXI в. было опубликовано целых 9 переводов «The Lord of the Rings».

Подобная интенсивность (не частая в истории перевода) делает

² Tolkien J.R.R. Letter to the Houghton Mifflin Co. №165 // The Letters of J.R.R. Tolkien / Ed. H.Carpenter. L.: Unwin Paperbacks, 1981.

³ Сравнительному анализу переводов посвящена работа автора: Семенова Н. Г. Пять переводов «Властелина Колец» Дж.Р.Р.Толкина // Альманах переводчика. М.: РГГУ, 2001. С. 159-198. Кроме того, в сети Интернет существуют открытые площадки, где эти темы активно обсуждаются как переводчиками, так и исследователями (профессиональными и любителями) творчества Толкина (<http://www.kulichki.com/tolkien.shtml> и <http://www.tolkien.ru>)

русские переводы Толкина уникальным экспериментальным полигоном для изучения стратегий перевода имен, их соотношения с микроконтекстом и текстом в целом. Первые попытки изучения уже предпринимались⁴. Но для полноценного и всестороннего исследования нужна предварительная систематизация материала. Этой цели и служит предлагаемый справочник. В том, что необходимость в такой систематизации назрела, убеждает появление сходных по замыслу справочников(5). Наш справочник, созданный раньше указанных (работа над ним была начата в 1990 году), отличается полнотой охвата имен (1134 имени), переводов (8) и структурой (об этом см. ниже).

Оригинал эпопеи исследовался по изданию: *Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings.* L.: Unwin Paperbacks, 1990. Стандартное издание «The Lord of the Rings» печатается с многочисленными Приложениями, составленными Толкином. Однако значительная часть русских переводов не содержит перевода этих Приложений. По этой причине имена и названия, которые упоминаются только в Приложениях, в справочник не вошли.

Источниками русских эквивалентов послужили 7 переводов и один справочник «Мир Толкина» (здесь приводятся только основные сведения о переводчиках и составителях, полностью описания переводов помещены перед основной частью):

1. В. Муравьев, А. Кистяковский
 2. В. А. М. [В.А.Маторина - Н.С.]
 3. Н. Григорьева, В. Грушецкий
 4. Н. Черткова, Т. Кухта
-

⁴ Мы можем сослаться на дипломную работу, защищенную на кафедре английской филологии № 1 филологического факультета Санкт-Петербургского Университета в 1997 году: Пискарева О. «Варианты перевода имен собственных и культурно-коннотированных компонентов в трилогии Дж. Р.Р. Толкина *The Lord of the Rings*». При подготовке этой работы О. Пискарева пользовалась рукописным вариантом публикуемого ниже справочника.

⁵ Мы сошлемся на 2 источника, опубликованные в электронном виде: *Corwin Celebdil.* Имена и названия из «ВК» // <http://kniga2001.narod.ru/tolkien/01pere/02.htm> (9 переводов, 887 названий , Excel MS Windows 2000) и Злобин К. Бэргинс, Сумникс и Торбинс: Сводная таблица имен и названий <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/ugolok/namezlo.html> (4 перевода, 12 названий)

-
- 5. З. А. Бобырь
 - 6. М. Каменкович, В. Каррик, С. Степанов
 - 7. В. Волковский, Д. Афиногенов, В. Воседой
 - 8. Л. Л. Яхнин.

II. Об устройстве справочника

Справочник состоит из трех частей: перечень переводов (подробные библиографические описания) с указанием условного номе-ра, под которым данный перевод фигурирует в основной части спра-вочника; затем собственно основная часть – англо-русский справоч-ник, устроенный по алфавитно-гнездовому принципу, где русские переводаы с идентификационными номерами следуют за соотве-тствующим английским именем; и наконец, третья часть – русско-анг-лийский вспомогательный указатель, позволяющий соотнести лю-бой русский эквивалент с английским оригиналом.

Принцип расположения материала в основной части указателя можно назвать алфавитно-гнездовым: названия группируются в ал-фавитном порядке на языке оригинала, варианты названий-синони-мов одного и того же объекта объединены в одну группу (гнездо), с выделенным основным вариантом (как правило, наиболее употре-бительным). За каждым из английских имен следует цепочка его русских эквивалентов, причем каждому варианту предшествует иден-тификационный номер перевода, в котором этот русский эквивалент был использован.

Разберем пример гнезда из основной части справочника:

Brandywine 5 Брендивайн; 6,7 Брендивин; 1,2,4 Брендидуим; 3 Бренди-дин

Baranduin 1,7 Баranduin; 6 Барэндин; 2-4 Берендин

В приведенном примере основным считается название *Brandywine*, членом гнезда является *Baranduin*. Все гнездо целиком приводится в алфавитном порядке, с отступом, под основным вариантом. Каждый из членов гнезда помещается также и в общем алфавитном списке, но без указания переводов, а лишь с ссылкой к основному варианту, например:

Baranduin см. *Brandywine*

В одно гнездо объединялись также и имена членов одной семьи хоббитов. Заглавным (основным) членом гнезда в этом случае является фамилия, а имена членов семьи входят в гнездо:

Brandybucks 2,7 Брендабаки; 6 Брендабэки; 1,4 Брендизайки; 3 Брендискохи; 8 Крольчинсы

Esmeralda 1 Замиральда; 2,3,6,7 Эсмеральда

Gorbadoc 1-4,6,7 Горбадок

Melilot 2 Мелилопт; 7 Мелилопта; 1 Мелирот; 3,6 Мелисса

Вспомогательный русско-английский указатель позволяет соотнести любой русский эквивалент с оригиналом:

Брендидуим **Brandywine**

Мелисса **Brandybuck Melilot**

В справочнике нет ссылок на страницы изданий, где упоминается вариант перевода. Это было сделано во-первых, ради сокращения объема, и во-вторых, для более наглядного отражения заимствований из одного перевода в другом.

III. О методике составления справочника

Выявление вариантов перевода проводилось путем последовательного сопоставления текстов оригинала и каждого из переводов (за исключением справочника «Мир Толкина», который, не являясь переводом, такой возможности не дает). При сопоставлении текстов были приняты следующие правила:

- если одно и то же имя встречалось в тексте оригинала несколько раз, поиск эквивалентов в тексте перевода проводился для каждого упоминания;
- если хотя бы в одном случае перевод был, то он фиксировался в справочнике;
- если русский эквивалент не был найден, это отражалось в справочнике отсутствием идентификационного номера соответствующего перевода;
- в случае вольного перевода, когда отыскать английский прообраз русского имени не удавалось (что характерно, например, для

перевода Яхнина), подобные переводческие добавления не регистрировались.

Отдельно следует рассмотреть вопрос о том, что считалось эквивалентом при переводе названий и имен. Вопрос этот немаловажен, так как ряд переводов излагают текст весьма вольно и в некоторых случаях найти эквивалент не представлялось возможным. В таком случае регистрировалось отсутствие перевода. Приведем пример такого случая.

Оригинал:

There were many Bagginses and Boffins, and also many Tookes and Brandybucks; there were various Grubbs (relations of Bilbo Baggins' grandmother), and various Chubbs (connexions of his Took grandfather); and a selection of Burrowses, Bolgers, Bracegirdles, Brockhouses, Goodbodies, Hornblowers and Proudfoots.¹

Перевод:

Во главе стола сидел Бильбо, по правую руку от него примостился племянник Фродо, по левую восседали Грабинс-Бэггинсы, Кролинзы, Крольчинсы, Толстопуднги, Домосейды и все остальные.²

Понятно, что здесь переводчик счел важным передать апеллятивный смысл всего предложения в целом, а не конкретных имен, которые одновременно являются и «говорящими», и вполне обыденными английскими фамилиями. Для некоторых из этих имен можно установить соответствия, только опираясь на другие места перевода, более точно следующие за оригиналом. Это имена *Грабинс-Бэггинсы, Кролинзы, Крольчинсы*, соответствующие английским *Sackville-Baggins, Tookes and Brandybucks*. Но ясно, что *Толстопуднги, Домосейды и все остальные* в данном случае не имеют прообраза в тексте оригинала. Такие русские имена не вносились в справочник. Поэтому для имен *Burrowses, Bolgers, Bracegirdles, Brockhouses, Goodbodies, Hornblowers and Proudfoots* и других из данного отрывка отмечено отсутствие перевода.

¹ Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings. L.: Unwin Paperbacks, 1990. P. ____

² Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец: Избранные главы из легендарной Алої Книги, рассказанные профессором Толкиеном: В 3 частях /Пер. Л. Л. Яхнина. М.: Армада – «Изд-во Альфа-книга», 2001. С. 19.

В процессе работы были отмечены случаи использования в одном и том же переводе двух разных эквивалентов одного имени. В этом случае среди русских вариантов идентификационный номер этого перевода встретится дважды. Пример:

Tuckborough 4 Большое Всхолмье; 1 Кролы; 2,3,7 Тукборо; 6 Туккоро;
1 Укрольные Низины

В этой записи дважды встречается индекс 1. Это значит, что в переводе №1 даное имя *Tuckborough* было переведено по-разному: *Кролы* и *Укрольные Низины*.

Справочник не дает комментариев к названиям, хотя в некоторых случаях это было бы желательным и даже необходимым. Составитель считает своим долгом отослать читателя к путеводителю энциклопедического типа, на наш взгляд, являющемуся лучшим библиографическим источником в этой области: *Foster R. The Complete Guide to Middle-Earth: An A-Z guide to the names and events in the fantasy world of J.R.R.Tolkien from The Hobbit to The Silmarillion.* London, Sydney, Wellington: Unwin Paperbacks, 1978.

Выражаю благодарность Corwin Celebdil за помощь в исправлении ошибок и опечаток в справочнике.

Источники:

1. Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец: В 3 т. / Пер. с англ. В. Муравьева и А. Кистяковского; Предисл. В. Муравьева. — М.: Радуга, 1988 — 1992.
Лет. 1. Хранители / Пер. с англ. В. Муравьева (Пролог и Книга первая) и А. Кистяковского (Книга вторая и все стихотворения). М.: Радуга, 1988.— 496 с. Лет. 2. Две Твердыни / Пер. с англ. В. Муравьева.— М.: Радуга, 1991.— 416 с.
Лет. 3. Возвращенье Государя /Пер. с англ. В. Муравьева. М.: Радуга, 1992. 352 с.
2. Толкин Дж. Р. Р. Властелин Колец. В 3 т. / Пер. с англ. В.А.М. Хабаровск: Амур, 1991.
Лет. 1. Содружество Кольца. Хабаровск: Амур, 1991. 464 с.
Лет. 2. Две Твердыни. Хабаровск: Амур, 1991. 400 с.
Лет. 3. Возвращение Короля. Хабаровск: Амур, 1991. 432 с.
3. Толкин Дж. Р. Р. Властелин Колец / Пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого.— СПб: Северо-Запад, 1992.
Ч.1. Братство Кольца. СПб: Северо-Запад, 1992. 480 с.
Ч.2. Две Крепости. СПб: Северо-Запад, 1992. 352 с.
Ч.3. Возвращение Короля. СПб: Северо-Запад, 1992. 511 с.
4. Мир Толкина. Справочник / [Сост. Н. Черткова, Т. Кухта]. М.: Гиль-Эстель, 1992. 96 с.
5. Толкин Д. Р. Р. Повесть о Кольце: Роман: В 3 т. / Пер. с англ. (в сокращении) З.А. Бобырь. М.: СП Интерпринт, 1990. 448 с.
6. Толкин Дж. Р. Р. Властелин Колец: В 3 т. / Пер. с англ., предисл., comment. М. Каменкович, В. Каррика, С. Степанова. СПб.: Терра — Азбука, 1995

Кн. 1. Содружество Кольца. СПб.: Терра – Азбука, 1994. 715 с.

Кн. 2. Две Башни. СПб.: Терра – Азбука, 1994. 542 с.

Кн. 3. Возвращение Короля. СПб.: Терра – Азбука, 1995. 734 с.

7 Толкин Дж. Р. Р. Властелин Колец: В 3 т. / Пер. с англ. В. Воловского, Д. Афиногенова, В. Воседого. — М.: ООО «Изд-во АСТ», СПб.: Terra Fantastica, 2000.

Лет. 1. Дружество Кольца. М.: ООО «Изд-во АСТ», СПб.: Terra Fantastica, 2000. 560 с.

Лет. 2. Две Твердыни. М.: ООО «Изд-во АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2000. 560 с.

Лет. 3. Возвращение Государя. М.: ООО «Изд-во АСТ», СПб.: Terra Fantastica, 2000. 560 с.

8 Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец: Избранные главы из легендарной Алой Книги, рассказаные профессором Толкиеном: В 3 частях /Пер. Л. Л. Яхнина. М.: Армада – «Изд-во Альфа-книга», 2001. (Волшебный мир Джона Р. Р. Толкиена)

Ч.1. Хранители. М.: Армада – «Изд-во Альфа-книга», 2001. 336 с.

Ч.2. Две Башни. М.: Армада – «Изд-во Альфа-книга», 2001. 336 с.

Ч.3. Возвращение Короля. М.: Армада – «Изд-во Альфа-книга», 2001. 336 с.